

АБДУЛЛА
АРИПОВ

**БЛАГОСЛОВЕННО
ПРОЖИТОЕ
МНОЙ**

Дорогой Абдулла-ука!

Представляю, как приятно в свои 60 лет именоваться младшим братом —ука, а для этого, как известно, необходимо иметь впереди своих аксакалов. Я как раз один из них...

И в этой связи хотел бы напомнить, что большой поэт всегда востребован, всегда историчен, ибо он — глас своего народа, выразитель чаяний и страданий человеческих душ, но самое главное — он судья и певец своей эпохи, он глашатай и философ, он акробат стиха и уединенный мыслитель-пустынник. И все это дано ему выразить и сказать в слове для всех доступном, для всех любимом и в то оісе время в возвышенно-глубинном смысле. И словом его будут гордиться и современники, и потомки, и грядущие поколения.

Именно таким поэтом великой культурной значимости для нашего времени, вступившего в XXI век, и видится мне наш Абдулла Арипов.

Дорогой ука, желаю продолжения миссии поэта на путях узбекской словесности, дабы обогатить свою национальную поэзию и внести свой вклад в мировую культуру.

С поздравлениями и искренними пожеланиями

Аксакал Чингиз Айтматов.

Брюссель, 14 марта 2001 г.

Дорогой Абдулла!

*Счастлив, что у тебя славный юбилей!
Желаю быть молодым, рискованным и таким
же прекрасным!*

Андрей Вознесенский

Abdullayev

Абдулла Арипов

**БЛАГОСЛОВЕННО
ПРОЖИТОЕ
МНОЙ**

Избранное

*Стихотворения, поэма,
драматические поэмы*

Переводы с узбекского

Издательско-полиграфический творческий дом имени Гафура Гуляма
Ташкент — 2003

Абдулла Арнпов.

Благословенно прожитое мной: Избранное: / Пер. с узб. — Т.: Издательско-полиграфический творческий дом им. Г.Гуляма 2003. — 264 с.

Книгу известного узбекского поэта, лауреата Государственной премии имени Алишера Навои, удостоенного звания «Герой Узбекистана» Абдуллы Арипова составили лучшие произведения, написанные им за сорок лет творческой деятельности.

Его творчество пронизано раздумьями о сложности бытия, о месте человека в жизни, о его ответственности за все, что происходит на планете.

А еще оно согрето дыханием любви к людям, матери, женщине, Родине — что составляет сущность и основу жизни. Большие чувства, яркая эмоциональность, философская глубина, неповторимый национальный колорит и всеохватность мышления — вот что отличает его поэзию и делает ее непреходящей во времени.

Уз2

А 4702570200 - 16

М352 (04) — 2003

ISBN 5-635-01937-4

Доп. — ЗУШ

© Абдулла Арипов

Издательско-полиграфический творческий дом имени Гафура Гуляма,

2003 г.

«ЖИЗНЬ МОЯ - ПОЭЗИЯ!»

Первый поэтический сборник ныне Героя Узбекистана, лауреата Государственной премии имени Алишера Навои, а тогда просто начинающего поэта Абдуллы Арипова вышел в свет в 1965 году под названием «Маленькая звезда». И это название было символично...

С тех пор прошло более трех десятков лет, за это время было издано свыше тридцати книг и среди них «Я гляжу на дорогу», «Моя душа», «Удивление», «Ветер моего края», «Любовь к жизни», «Лицом к лицу» и многие другие.

В 2001 году, к 60-летию поэта, было выпущено 4-томное собрание сочинений, куда вошли стихи и поэмы, сценарии и публицистика, переводы классики на узбекский язык.

Произведения А.Арипова, в свою очередь, были переведены на многие языки народов СНГ, Востока и Запада. Около десятка поэтических сборников были переведены на русский язык и вышли в издательствах Москвы и Ташкента. Сборник «Прекрасный край» на турецком языке издан в Стамбуле. В Душанбе был опубликован сборник стихов на таджикском, а в Урумчи — на уйгурском языках.

Появившись в 60-е годы на поэтическом небосклоне узбекской литературы, молодой Абдулла Арипов не затерялся среди маститых авторитетов того времени, вероятно, потому, что сразу покориł читателей прекрасными стихами, которые волновали души и сердца поклонников поэзии. А ныне его творчество занимает одно из достойнейших мест в узбекской литературе. В определении тематики, национального мышления, всеохватности и глубины постижения проблем А.Арипов поднял узбекскую литературу на качественно новый этап развития, что позволяет говорить о создании собственной литературной школы, которую составляют последователи и единомышленники поэта.

Абдулла Арипов родился 21 марта 1941 года в Касанском районе Кашкадарьинской области. Конечно, как и на всякого одаренного ребенка, на него оказали существенное влияние отношения в семье, окружающая среда, красота природы. Это был первый толчок к тому, чтобы, взяв в руки перо, написать свое первое стихотворение. Об этом времени сам поэт вспоминает так: «...В трех-четыре километрах от Карши находится Кунгуртау. Там, у подножья гор, раскинулся кишлак Некуз. Я родился в этом кишлаке. Хорошо помню свое детство, послевоенные, самые тяжелые годы. Мы, мальчишки, помогали пасти скот, собирали на полях колоски пшеницы, хлопок и гузапаю».

Семья у нас была большая... Мои старшие братья учились в Самарканде и Ташкенте и каждый раз, приезжая домой, обязательно привозили книги, — в результате собралась неплохая библиотека. В те годы, когда слухом не слыхали о телевидении, а радио было далеко не у всех, книги были основным моим богатством. Именно книги поведали мне об Алишере Навои и замечательном русском поэте Александре Пушкине, о Хамиде Алимджане, Гафуре Гуляме и других поэтах. Поэтому неудивительно, что интерес к литературе пробудился у меня довольно рано.

Вечерами, запрокинув голову, я вглядывался в звездное небо, и мысли уносили меня далеко-далеко — в другие края, за пределы Вселенной... И то, что переполняло мою душу, свои ощущения жизни, природы я старался воплотить в строки стихов. И по сей день, прожив немало лет, я полагаю, что Поэзия — это таинственное и прекрасное слияние великих помыслов души и волшебных, пленительных чувств...»

В 1958 году А.Арипов поступил учиться на факультет журналистики Ташкентского государственного университета. Бурная студенческая жизнь, диспуты и дискуссии в университетских кружках, лекции маститых преподавателей сыграли немалую роль в формировании творческого мировоззрения будущего поэта, талант которого был замечен его наставниками и учителями. И не просто замечен — получил одобрение и поощрение, более того — на него возлагали надежды, как на будущее узбекской поэзии.

После окончания университета А.Арипов работал в издательствах, где набирался опыта и мастерства, был главным редактором журнала «Гулхан», а затем стал председателем Союза писателей Узбекистана, председателем Агентства по авторскому праву Республики Узбекистан, депутатом Олий Мажлиса. Но главным в его жизни всегда оставалась Поэзия. Его поэтическая звезда, вспыхнув на небосклоне узбекской литературы во второй половине XX века, словно маяк, освещала весь его творческий путь.

Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов отмечал, что поэзия А.Арипова имеет большое значение, так как она высоко подняла знамя духовности и просвещения. «Точно так же, как мы не можем представить себе узбекскую литературу XX века без таких классиков, как Абдулла Кадыри, Гафур Гулям, Айбек, а современную литературу без таких писателей, как Сайд Ахмад и Эркин Вахидов, так и наше духовное будущее, великие перспективы невозможно представить без творчества Абдуллы Арипова. Его стихи служат торжеству справедливости, веры в светлое будущее народа, воспитывают молодое поколение в духе высокой духовности...»

А.Арипов делал свои первые шаги в литературе в непростое время, когда в моде была риторика, декларативность, восхваление ценностей, которые в большинстве своем таковыми не являлись. Как многие начинающие поэты, он писал о звездах, о горах и бабочках — о красотах природы, в которых искал суть поэзии. Но он быстро прошел этот этап ученичества и очень рано понял истинную миссию, святое предназначение поэзии, ее место и значение в жизни человека и общества.

Опубликованные в начале шестидесятых годов на страницах журналов и газет такие стихи, как «Узбекистан», «Осенние размышления», «Сиянье маленькой звезды», «Орел» и другие, свидетельствовали, что сформировался поэт, обладающий своим голосом, а главное — своим внутренним видением мира. Эти стихи, проникнутые бунтарским духом, философскими раздумьями, словно отблеск молнии, пронзили застойную жизнь, осветив ее светом поистине народным, национальным, ибо были пронизаны чаяниями простого человека, жаждущего обрести свободу и крылья.

Такие стихи, как «Слушая «Муноджат», «Осень в Узбекистане», «Золотая рыбка», «Канатоходец», «Сон», проникнуты своеобразной смелостью пера, стремлением к правде, возвели-

чиванием с вободы во всех ее проявлениях, а также независимостью духа. Как отмечал Кайсын Кулиев: «Слушать эти стихи и наслаждаться ими... Это превращалось в подлинный праздник поэзии...» Глубокое проникновение в тайны бытия, постижение смысла жизни, поиск и правдивое отражение реалий, широкая образность, слияние воедино мысли и чувства, внутренний драматизм произведений, гармония лучших поэтических традиций Востока и Запада — вот что характеризовало творческую эволюцию молодого поэта.

Правда, не исключены были и опасения маститых: не окажется ли этот талант, так стремительно взлетевший на поэтический Олимп, ярко впыхнувшей, но скоро сгоревшей звездой... Однако опасения оказались напрасными: все-народное почитание его творчества, признание литературных мастеров слова не вскружили голову А.Арипову, — он выдержал нелегкое испытание славой.

Лучи его «Маленькой звезды» распространялись все дальше и дальше, наполняясь новым светом и звучанием, не гасли и не затухали, а, наоборот, лишь набирали силы. И вскоре последовали поразительные по силе эмоционального выражения стихи «Мираж», «Весна», «Послание поколениям», «Подарок», «Аист на вершине минарета», «Рай» и другие. Каждое из этих произведений становилось событием в литературе того периода: их читали, обсуждали, о них спорили...

В семидесятые годы поэт продолжает исследовать всевременную тему «человек и жизнь», проникая поэтическим оком в самые заветные уголки души, изучая ее устремления и порывы, чаяния и, нередко,— крах надежд. В эти годы были написаны такие стихи, как «Планета-мать», «Генетика», «Заповедник», «Клевета», «Третий лишний», в которых затронуты темы, достойные быть воплощенными в балладах и поэмах. Емкими и выразительными поэтическими средствами А.Арипов не без успеха раскрывает перед читателем чувства и поиски своего лирического героя.

Дальнейший период его творчества отмечен усилением философского духа произведений, где расширившийся масштаб чувств лирического героя служит возвышению духовности личности, ее очищению от всего сиюминутного, низменного. Перед лирическим героем 80-х годов, когда противоречия в обществе доходили до абсурда, вставал непростой вопрос о правильности избранного пути, о своем месте в этой системе ценностей. На эти непростые вопросы А.Арипов пытается ответить в стихах «Мосты надежды»,

«Уединение», «Прогресс», «Убеждение» и многих других, которые, органично впаянные в свое время, исследуют эту эпоху, щедро изобилующую изломами и противоречиями, избытком как добра, так и зла, что неизменно отражается как на судьбах всех людей в целом, так и на судьбе каждого человека.

* * *

Время предоставляет творчески одаренному человеку темы для произведений, оно же зачастую диктует и способ их воплощения. Все дело в том, как эту тему преподнести читателю, как воплотить замысел в жизнь. /Масхерство А.Арипова заключается в том, что посредством лирики он может затронуть общечеловеческую тему и поставить ее в центр внимания. Реализм жизни общества и отдельного человека, его размышления и чувствования — все подчинено одной творческой задаче — дать правдивую картину своего времени и лирического героя в этом времени.

Абдулла Арипов вошел в узбекскую поэзию со своим, ни на кого не похожим голосом, со своим лирическим героем, своим методом выражения чувств и точкой зрения на природу и общество, на духовный мир человека. В его стихах лирический герой — разный, но одновременно цельный образ, меняющийся вместе со временем, с эволюцией общества, и в то же время остающийся личностью гармоничной, испытывающей стрессы под натиском быстро меняющегося вихря времени, но не ломающейся от смены веков и эпох. Создавая в поэзии удивительный, необычный мир лирических образов, А.Арипов невольно поэтизирует и этот мир, и своих героев. В этом смысле в лирическом характере его героев отражается, преломляется жизнь самого автора. И в этом нет ничего удивительного. Любой поэт в данном случае может заметить: «Мой герой — это не совсем я, но и я — тоже...» Они слиты воедино — поэт и лирический герой, дополняя и оттеняя друг друга, противостоя один другому и дыша в унисон. Ибо лирический герой — это не что иное, как отношение творческого человека к происходящим событиям, его приятие или неприятие действительности, а главное — оценка времени, в котором он живет.

Поэтому главными темами, которые поднимал в своем творчестве А.Арипов, были надежды на независимость своей прекрасной Родины, желание видеть человека свободным,

раскрепощенным от всяческих догм — политических и нравственных. Стремление к торжеству справедливости и добра — это всегда стояло во главе угла его поэзии, и многогранный образ лирического героя строится именно на этих эстетических идеалах и принципах, j

В таких его стихах, как «Почему я люблю Узбекистан», «Мираж», «Лицом к лицу», «Осень в Узбекистане», «Весна», «Подарок», «Меня, прошу, доставьте в родимые края...», в оде «Узбекистан», остро поставлены вопросы национального самоопределения, судьбы народа и родины. У всех этих произведений единый лейтмотив — идея национального пробуждения и свободы — свободы бытия и свободы духа.

к (v * * *

Еще в ранних стихах поэта особое место уделялось высокой любви к отчужденному краю, имя которому — Узбекистан. Поэт призывал хранить традиции предков, завещанные с древних веков, беречь, как зеницу ока, передавать их из поколения в поколение. Сегодня эти стихи стали хрестоматийными, но отнюдь не утратили своей значимости. Наполнившись новым смыслом и приобретя новые акценты, они по-прежнему актуальны и притягательны.

'Сбылась многовековая мечта узбекского народа — страна стала независимой и свободной. И в творчестве поэта наступил новый этап, когда жизнь надо было осмысливать уже с иных точек зрения, в новом духе и мироощущении. Приветствуя новую эпоху в истории своей страны, воспевая свободу и независимость, А.Арипов постоянно подчеркивает, что страна должна найти свой путь, чтобы достойно влиться в мировое содружество, не затеряться среди множества стран, иметь свое лицо и свой достойный голос. А это возможно, лишь если народ будет самоотверженно трудиться, любить свою родину, почитая ее как собственную мать, давшую ему жизнь.

Слова поэта оказали свое магическое действие в пробуждении нации, в возрождении чувства национальной гордости за ее многовековую историю, в которой блистали такие имена, как Амир Темур, Улугбек, Алишер Навои, Беруни и многие другие. Лирический герой многих произведений поэта выражает именно эти чувства — любовь к отчужденности, своему народу, гордость за его прошлое и надежду на светлое будущее. Но любовь эта проявляется не в декларативных, высокопарных фразах, наоборот, она — словно вырвавшаяся

из вулкана магма, идущий из глубины души героя поток чувств и размышлений — растекается по его стихам, наполняя их новыми красками и образами. Тема Узбекистана, родного народа, свободы и независимости родины — это один из главных компонентов «феномена» А.Арипова, который в своих стихах призывает поднять достоинство нации, узбекской истории, почитать память предков, начиная с древнейших времен до окончания XX века.

/i/ * * *

В лирике поэта одно из главных мест занимает тема человека. Сказать что-то новое, неожиданное на эту «вечную» тему не так-то просто. Желание познать это самое непознанное, самое сложное на свете создание, его сильные и слабые стороны, исследовать его духовный мир, глубины подсознания, импульсы поведения, зачастую непредсказуемого, — очень нелегко, вернее сказать — архисложно. Особенно сложно проникнуть в великое таинство характера человека, где зачастую сплетаются противоположные качества, — но именно это и привлекало поэта как исследователя человеческой души. Сам А.Арипов говорит об этом так: «Я старался писать о том, что чувствовал сам...»

Его стихи на тему бессмертия — это философские размышления о месте человека в мире, его гармоничном или дисгармоничном существовании в природе и обществе. Поэтому во многих стихах А.Арипова, а также в его поэмах «Дорога в рай» и «Авиценна и смерть» прослеживается определенная идея — страстное желание видеть человека совершенным, духовно возвышенным, имеющим собственные убеждения. А это возможно лишь в противоборстве добра со злом, красоты с низменностью, совести с бесчестием, то есть в постоянной битве противоположностей, которые и составляют сущность жизни. Эти конфликты в человеческой душе, поведении, жизни поэт раскрывает поэтически страстно и в то же время философски-раздумчиво. Каждое такое стихотворение рождалось в «творческих муках», ибо удивлению перед благородством или глубиной падения человека нет предела. Как замечает сам поэт: «Каждый раз, когда я собирался написать какое-то большое стихотворение, я впадал в такое состояние, как будто мне предстояла битва с огромным зверем...»

Стремление поэта познать время и жизнь, тайны человеческих отношений, сокровенные глубины души, эта жажда

не просто наблюдать за перипетиями существования своего лирического героя, но спорить с ним, доказывать свое характерна для поэзии А.Арипова. Он знает, что каждый человек — это «необозримая, малодосыгаемая, загадочная планета», но тем интереснее разгадывать его тайны, проникать в этот космос мироздания души своего лирического героя, прикасаясь к колдовским чарам этой души, которые так непросто передать в строках стихов. Поэтому А.Арипов рассматривает человека не только с точки зрения литературно-философской, но и конкретно-чувственной.

Эта жажда видеть человека созданием совершенным, — хотя он таковым не является, и это поэт понимает как никто другой, — заставляет его все пристальнее всматриваться в людей, чтобы понять, как каждый относится к таким понятиям, как родина, нация, родной язык, совесть, честь, любовь, справедливость. И отмечая, что эти святые качества, увы, становятся все большей редкостью в человеческом сообществе, поэт всей силой своего голоса призывает беречь их, ведь люди нового века не смогут, не должны жить без следования этим принципам.

Поэзию А.Арипова всегда отличала важная концепция — показать человека как высшее творение природы, однако со всеми присущими ему качествами. Отсюда колебания в характере — от злодейства до героизма, от коварства до самопожертвования во имя людей или идеи. Подтверждением этому тезису могут служить такие стихи, как «Человек — вершина мироздания», «Добро», «Просьба», «Мосты веры», его поэмы. «Весь мир и особенно душа человека должны быть заповедником, защищенным от злодеяния...» — это мечта поэта, его тезис. Он жаждет, чтобы такие обыденные, но святые чувства, как любовь, благодеяние и сострадательность, никогда не покидали человека, чтобы душа его не ссыхалась, как шагреневая кожа, а, наоборот, расправлялась, становилась все шире и добрее на благо всех, кто рядом.

В поэтическом стиле А.Арипова превалирует философско-лирическое направление. И с точки зрения философской трактуется им образ человека. Однако философия ничуть не подавляет поэзию, и в тех стихотворениях, где царит философский дух, где поэт исследует взаимоотношения человека и жизни, человека и времени, человека и природы, в этой сверкающей игре мыслей на первом месте все же остается выражение внутреннего мира лирического героя, те чувства,

которые бросают его в пучину переживаний. И оттого вечные проблемы, подвигающие поэта к размышлениям, облекаются в литературные образы, которые поднимаются до высоких лирико-философских обобщений.

Области мышления и чувствования — это для А.Арипова как грани единого целого, оттого даже когда речь заходит о вечных проблемах, поэт соотносит их с тем временем, в котором живет. И эти извечные вопросы бытия, добра и зла, мучившие человечество на протяжении многих веков, гармонично соотносятся с событиями сегодняшних дней.

Путь от конкретного случая, события, факта к философскому обобщению, умение увидеть в обыденном, простом глубинный смысл — это характерная черта поэзии А.Арипова. Как присуще ей и беспощадное отношение ко всем негативным явлениям, направленным против духовности, человеческого совершенствования, его гармонии с миром.

Сафар Барноев вспоминал, что когда у Абдуллы Каххара спросили мнение о молодом поэте Абдулле Арипове, мастер ответил так: «В поэзии ощутимо новое дыхание... Если вы когда-нибудь наблюдали за капелькой, то видели, как она наливается влагой, растет и только потом срывается вниз. Стихи Абдуллы похожи на эту капельку. Вначале, слово за словом, строка за строкой, они созревают в душе поэта. Он много думает, размышляет на тему, которая лишила его покоя, и только потом берет в руки перо. И тогда рождаются стихи, идущие из глубины сердца, и в то же время согретье дыханием больших раздумий... Это и привлекает к ним внимание читателя...»

v
/.

* * *

Как и вся поэзия А.Арипова, очень своеобразна его любовная лирика. Она нежна, тонка и очень сдержанна, что соответствует скорее всего натуре самого поэта. Стихи о муках и страданиях любви, о безответных чувствах или, наоборот, о великом счастье быть любимым, о глубоких человеческих переживаниях лишены какой-либо слащавой сентиментальности. Его лирический герой умеет любить глубоко, затаенно, всем сердцем, он мечтает о подлинных, чистых чувствах, но огонь любви, что горит в его душе, он не выплескивает бездумно наружу. Любовь — это не только всепоглощающая страсть, но и достоинство, и сдержанность, величие и почтительность — таково кредо любовной лирики

А.Арипова. И еще — безбрежная нежность... Ею до краев наполнены строки его стихов. А образ любимой — это верная и преданная подруга жизни, и пленительная женщина, это и жена, и девушка, которая случайно встретилась на дороге и образ которой потом туманит взор. В этом образе — идеал представления женщины как самого прекрасного творения природы, как спутницы жизни мужчины, символ его вдохновения и свершений. Об этом стихи «Я хочу тебя воспевать...», «Отелло», «Смерть любви», «Ты плакала, ты мой ловила взгляд...», «Ты по весне не заскучала?...», «Воспоминания», «Ну, прощай» и многие другие.

* * *

Кроме огромного числа стихотворений А.Ариповым написаны две поэмы — «Дорога в рай» и «Авиценна и смерть», которые стали поистине явлением в узбекской литературе.

Поэма «Дорога в рай» написана в 1978 году, в самый застойный советский период, и поэтому пробивалась в свет с большим трудом. Да и после ее издания в поэта было брошено немало критических «каменьев». Его обвиняли в искажении советской действительности, была даже создана комиссия, исследовавшая эту поэтическую драму. Вывод комиссии был однозначен: в поэме А.Арипова нет очернения действительности, и это заключение прекратило гонения на автора.

Однако, если рассматривать это произведение с точки зрения сегодняшнего дня, с новых позиций и открывшихся горизонтов, то ясно видно, что для воплощения своего замысла поэт не зря избрал религиозно-мифологический жанр. Сквозь условно-фантазмагорическую ткань повествования отчетливо просматривается «земная жизнь», и становится ясно, что «советская действительность представлена здесь действительно в искаженном виде». Но это самое «искаженное представление действительности» оказалось и самым правдивым...

Во время наводнения, спасая девушку, погибает молодой человек и попадает на тот свет, где предстоит определить: чего он достоин —рая или ада. После произведенных подсчетов выясняется, что в рай ему дорога заказана — не хватает двух благородных дел до полного счета...

А дело все в том, что на земле юноша был поэтом и писал стихи лишь о цветах да соловьях, а видя горе, жестокость

и несправедливость, он уходил в сторонку и ни разу не возвысил свой голос в защиту обиженных и страждущих.

У порога ада и рая юноша встречается с отцом и матерью, с другом и иными людьми, на пути ему попадаются сплетники и завистники, алчные и бесчестные... Взирая на вереницу персонажей, юноша-поэт начинает понимать, что нельзя проходить равнодушно мимо зла в этом мире. А он никогда и словом не задел ни вора, ни взяточника, ни сплетника, ни завистника — никого, кто идет под руку с самим чертом. Никого, кто был достоин его разящего пера и обличения. И поэтому сейчас дорога в рай и в вечность закрыта для него.

Перенесение действия на «тот свет», изображение действительности методом обличения позволяет А.Арипову написать картины реальной жизни, обнажить корни пороков, которыми пропитано общество. И за всем этим — глубокое беспокойство поэта. Его строки словно зывают: «Как же вы, живущие под одним небом, не можете найти общего языка? Почему охвачены стремлением уничтожить друг друга? Люди, одумайтесь! Будьте человечны по отношению к другим, даже не похожим на вас. Не убивайте в душе своей человека, берегите свою духовность, иначе этому миру придет конец... Но человечество не может, не должно погибнуть так бесславно...»

Драматическая поэма «Дорога в рай» стала настоящим достижением поэта, еще одной ступенькой в череде подлинных шедевров узбекской литературы.

Поэма «Авиценна и смерть» написана в 1980 году и посвящена 1000-летию юбилею Абу Али ибн Сины — знаменитого врача Востока.

В ней основным лейтмотивом проходит тема любви, во имя которой можно перетерпеть все невзгоды и лишения, а также извечная мечта человека о бессмертии. Не только духовном, но и физическом, — эксперимент этот пробует поставить на себе великий Авиценна, изобретая «эликсир жизни». Но подлость и коварство разрушают замыслы великого лекаря, который вознамерился перехитрить самого Бога, дарующего жизнь...

Напряженная драматургия поэмы, ее поэтическая напевность, эпическая трактовка притягивают внимание читателя. Основанная на народных притчах и сказах, она поднимает важные вопросы бытия — противоборства коварства с благородством, истинного и мнимого значения личности

в истории, подлинной и ложной оценки деяний человека в конечном счете — извечную тему искусства — борьбу добра со злом.

• / • • •

После обретения Узбекистаном независимости А.Арипов создает драматическую поэму «Сахибкиран», увидевшую свет в 1995 году и ставшую как в творчестве поэта, так в узбекской литературе заметным, значимым и знаковым явлением.

Наконец творческий человек обрел возможность творить по велению души, а не по «социальному заказу». И это раскрепостило голос поэта, позволив ему говорить правду о великих предках, которыми гордится узбекская земля. И один из таких светил в истории Узбекистана является сахибкиран Амир Темур — полководец, государственный деятель, объединитель нации.

Образ Амира Темура в поэме многогранен: он предстает перед читателем как любящий муж, заботливый отец и деда как воин и непобедимый полководец, как мудрый государственный деятель, налаживающий связи со странами мира как вершитель судеб и просто как человек, на плечах которого лежит ответственность за свой народ и страну.

Девизом драматической поэмы А.Арипов взял слово Темура: «Сила — в справедливости». Образ Амира Темура получился полнокровным, живым, действенным. Этот человек сумел объединить разрозненный народ в нацию, покорил города и страны, и в то же время собирал мастеров и зодчих со всей земли, которые строили великолепные дворцы и поныне восхищающие взор. Он ценил ученых мужей и знанно больше всего ценил справедливость, оттого душа его знала покой — он хотел видеть родную землю в мире и достатке и всё делал во имя этой цели.

Хотя поэт в своей драме основывается на известных исторических событиях и, создавая реалистический образ Амира Темура — защитника справедливости и веры, поборника государства и порядка, — обращается к истории, в глубь веков, произведение это имеет глубоко современное звучание. Не случайно же сам А.Арипов замечал: «Свою драму я создавал, обращаясь, конечно же, к истории, писал для сегодняшнего дня...» И в этих словах заложен глубокий смысл. Не зря же заключительные слова сахи

сирана обращены к сыновьям и внукам, а значит — к потомкам и звучат как напутствие всем будущим поколениям, го есть и нашим современникам, строящим независимое правовое, демократическое государство. ^v

Великое я создал государство.
Благодаренье Богу за него.
Смотрите, вам его я оставляю.

Для ран народа вы лекарством будьте.
Пусть богачи не притесняют бедных.
Вы лицемерьем брезгуйте вседневно,
Предательства всегда остерегайтесь
И никогда не ссорьтесь меж собой.
Да, люди многое терпеть готовы,
Но если справедливость попирают,
Терпению людей придет конец.

Свобода, справедливость — вот святыни.
Пусть разум вам сопутствует и опыт,
На подстрекательства не поддавайтесь.
Коль будете верны моим наказам,
По божьей воле беды вас минуют.

Престол, как я, надолго сохраните
И не спешите обнажать мечи.
О соколы мои, единокорны будьте!
Пусть в жизни справедливость вас ведет.
Народ и Родину оберегайте —
Вот первый и главнейший мой завет.

Творчество А.Арипова, поэта поистине народного, достойного представителя современной узбекской литературы, е ограничивается собственно только поэзией. Им написан яд публицистических статей, посвященных актуальным роблемам современности, литературные обозрения творчества таких узбекских поэтов и писателей, как Гафур Гулям, йбек, Абдулла Каххар, Усман Насыр, которые отличаются зоеобразным мышлением, пронизательностью взгляда и пением во всем дойти до сути.

Известен ААрипов и как маститый переводчик. Он с успехом перевел на узбекский язык «Ад» из «Божественной комедии» великого итальянского поэта Данте Алигьери, драматическую поэму украинской поэтессы Леси Украинки «В катакомбах», поэтическую драму венгерского драматурга Хельтана «Немой рыцарь», а также множество поэтических произведений Низами, Пушкина, Шевченко, Аветика Исаакяна, Мамбета Биляла, Кайсына Кулиева и других, познакомив таким образом узбекского читателя с шедеврами мировой литературы и сумев донести до них дыхание и прелесть оригинала.

^ * * *

За десятилетие независимости, обретенной Республикой Узбекистан, творчество поэта поднялось на новую ступень. В его произведениях усилился мотив заботы о народе и стране. Кроме того, поэт активно выступает со своими публицистическими статьями и беседами, посвященными злободневным вопросам сегодняшнего времени, национальной идеологии. В эти годы написаны циклы стихотворений «Женевские тетради», «Тетрадь посещения Мекки», «Эхе премудростей». В стихотворениях «Народ», «Родина», «Детю Туркестана», «Преданность», «Узбекская Конституция» раскрываются новые грани темы Родины, автор создает образ новых героев — возвышенных, болеющих душой за будущее страны, отдающих ей на службу свой труд, ум и талант. Эти стихи по сути своей — ода Родине и народу, древней земле, которая внесла свой вклад в развитие цивилизации «У него в душе — жемчужина, в крови — токи совести \ чести...» — так пишет о своем народе поэт. Размышляя о еп прошлом и будущем, он призывает ценить независимость беречь страну, не забывать уроки прошлого и защищать свое право на свободу. А для этого необходимо воспитывать новое поколение свободных граждан, которым строить новую жизнь.

«И обычный народ может быть сильной нацией», — уверяет поэт и призывает людей быть выше временных, преходящих ценностей, хранить «жемчужину души», стремиться к высокой духовности — именно это должно стать принципом жизни свободного человека.

Как продолжение философских поисков, глубоких раздумий, характерных для всех периодов его творчества новые произведения ААрипова строятся на слиянии те

«время и жизнь», «человек и время», «общество и человек», где в каждой строке рассыпаны искры размышлений, неожиданные, глубокие выводы, контрасты и сопоставления. И все это созвучно душе поэта и продолжает основную традицию его творчества — лирическое исследование жизни.

В стихах последних лет поэт пишет о безграничной вере в будущее своей страны, бичует ее противников и злопыхателей, которые пытаются встать поперек дороги, в тщетной надежде помешать строительству независимого государства.

Характерно в этом отношении стихотворение, написанное совсем недавно и озаглавленное «Сердце поэта». Происходящие события, словно мост, выстраиваются в душе поэта. По этому своеобразному «мосту» один за другим идут прохожие — султаны и рабы, влюбленные и враги, носители света и тьмы. И если ты настоящий поэт, то должен запечатлеть чувства всех, проходящих по «мосту твоей души». В этом — великое предназначение поэта, признанного и любимого народом. И этому посвящено еще одно стихотворение А.Арипова последних лет — «Век Узбекистана», в котором выражается уверенность, что и в наступившем XXI веке поэт будет твердо стоять «на мосту человеческих чувств»... Поэзия А.Арипова — чуткая, философски-вдумчивая, глубинная, проникнутая духом высокого патриотизма — лучшее тому подтверждение.

Президент И.А.Каримов, на заседании, посвященном обсуждению Государственного гимна республики Узбекистан, автором слов которого является А.Арипов, сказал, давая высокую оценку его таланту: «Такие поэты, как Абдулла Арипов, рождаются раз в сто лет».

Поэт с благодарностью принимает почитание и уважение народа, а также любовь поклонников его таланта. Настоящая поэзия всегда выдерживала испытание временем, и А.Арипов это прекрасно знает. «Уважающий себя человек всегда считает себя должником перед миром. Это долг перед матерью и отцом, долг перед Родиной и перед народом, перед теми, кто тебя любит и помогает тебе, и перед теми, кто помнит наизусть строки твоих стихов, — долг перед будущими поколениями. И если ты истинный поэт, с пера твоего должны хоть изредка скатываться жемчужины. Ведь жизнь преходяща и быстротечна, как вода... Перед своим родимым краем, перед обществом и народом я на всю жизнь в долгу. Успеть, надо еще многое успеть...»

Остается только добавить, что на русский язык стихи и поэмы А.Арипова переводили многие известные русские поэты — Н.Гребнев, Р.Казакова, А.Файнберг, З.Туманова, В.Цыбин, А.Наумов, О.Дмитриев, А.Преловский и другие. Однако целые пласты поэзии А.Арипова еще ждут своих переводчиков, чтобы страстное слово поэта могло дойти до сердца читателей разных национальностей.

Данияр Бегимкулов

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЛАНЕТА-МАТЬ

Заснятая со спутника Луны,
Вот мать-Земля, округла и щербата.
Она не больше кувского граната.
На ней хребты и те едва видны.

На ней моря большие — со слезу.
На ней вершины гор — с зернинку хлопка,
И страны — эти сверху, те внизу —
Комками глины прилепились робко.

Не разглядеть, малы иль велики
Все эти земли, близки иль далеки?
Но там живут вожди, певцы, пророки,
Младенцы, юноши и старики.

Там раздаётся цоканье коней.
Там над горами слышен клич орлиный,
Там в отблеске пастушеских огней
По вечерам на склонах тени длинны.

А поутру с кувшином на плече
Идет красавица, мечтающая тайно
Джигита, отраженного в ручье,
С собою рядом увидеть случайно.

Планета, мать моя, моя святыня,
Хоть нет тебе ни края, ни конца,
Твой сын, я на тебя взираю ныне
Впервые в жизни с нежностью отца.

Мала ты иль бескрайна, я не знаю,
Но вижу я, что ты спешишь вперед,
К своей груди с тревогой прижимая
Людских детей, как собственных сирот.

Не все тебе приносят счастье дети,
Не все они живут, тебя любя.
Как много крови пролито на свете,
Чтоб поделить иль защитить тебя.

В одном твоём краю — садов цветенье,
В другом твоём краю — огонь и прах.
А ты вершишь обычное круженье,
Ты все выносишь на своих плечах.

Накалены пески под солнцем юга.
На севере от льдов белым-бело.
Все рождено тобой: жара и вьюга,
Болота и сады, добро и зло.

Как разные цветы на белом свете,
Неповторим и каждый край земной.
И может быть, прекрасней всех соцветий
Земля моей Отчизны, край родной.

Но верю я, что мир и справедливость
Когда-то в каждом расцветут краю.
И чтоб быстрее это совершилось,
Возьми, моя планета, жизнь мою!

Я жив твоей тревогой, болью, страстью,
И мне не надо в жизни ничего.
Пусть никогда твое не меркнет счастье,
Неотделимое от моего!

ВЕТЕР МОЕГО КРАЯ

Мчался я дорогой. Пролетали мимо
Лунные долины. Милые края.
Шелком овевая стан моей любимой,
Проносился ветер. Молодость моя.
Ветер над Гиссаром, надо мной, над ней.
Незабвенный ветер родины моей.

Я брожу как прежде. Встреч ищу на свете.
Мир мне, как Меджуну — степи Кербалы.
Что мне ветры мира, если сам я — ветер.
Мне чужие ветры вовсе не милы.

Но души бессмертней, но любви верней
Незабвенный ветер родины моей.

Помню я, как ветры плакали и пели.
В них звучала чья-то радость и беда.
Были ветры — птицы, были — как газели.
Все они промчались. Мимо. Навсегда.
Только ты остался. Нет тебя светлей.
Незабвенный ветер родины моей.

Если сердцу больно, значит, где-то горе.
Мчат песок самумы. Города в пыли.
Ураган деревья вырывает с корнем,
И в морях от шторма гибнут корабли.
Только ты не буйствуй, не губи корней,
Незабвенный ветер родины моей.

Пусть сады бушуют над землею ранней.
Обдувает женщин воздух голубой.
Небо над полями. Небо над горами.
Пой, поэт, про ветер, про мою любовь.
Пусть летит от юга до седых морей
Незабвенный ветер родины моей.

За какую тайной по земле брожу я?
Может быть, найду я. Может, не найду.
Радуюсь и мучаясь, плача и бушуя,
Над родной землею ветром я пройду.
Здесь прохладны реки. Здесь поля светлы.
Здесь не позабудут имя Абдуллы.

Лунные долины. Милые края.
Незабвенный ветер. Родина моя.

ВЕСНА

Опять весна! Я снова слышу —
Гремят веселые ручьи.
Плывет алый мак на крышах.
Восходят ранние лучи.

Я начинаю жить иначе.
Привет тебе, весенний день!

Звенит апрель. Поет и плачет.
И в окна ломится сирень.

Весна, весна! Моя отрада.
Люблю я даль твоих дорог.
Вновь по утрам цветы и травы
Ласкает легкий ветерок.

Я помню, как зимою мрачной
Была душа полна тоской.
Весна! Я вновь смеюсь и плачу.
О, это небо над рекой!

О, эта ясная погода!
Дурман цветов. Дурман травы.
Вдали отчетливые горы
Лежат, как глыбы синевы.

Нет, вечной тьме не быть, пока
Глядят глаза, бушует зелень,
Пока восходят облака
И проливаются на землю.

Прекрасна жизнь. Я понимаю.
Пою цветение земли,
Но все же с грустью вспоминаю
Тех, что навек от нас ушли.

Гафур, певец могучий наш,
Ты шел по жизни с ясным ликом.
Ты умер, и страдает Шаш
Твоим страданием великим.

Пусть не встречался я с тобой,
Не вел бесед. Зато ночами
Не спал я над твоей строкой,
Печалился твоей печалью.

Ты жил борьбою. А теперь?
Не вспыхнет стих горячей кровью.
Закрыта каменная дверь.
Трава над каменной кровлей.

Здесь птицы свишут на заре,
Здесь Чигатай разросся садом.

Неповторимый Шейхзаде
Под камнем спит с тобою рядом.

Как мысль его была ясна!
Стихи полны очарований...
Весна над кладбищем. Весна.
Зеленый дым воспоминаний.

Фиалки нежные грустят.
Склонились к надписям на плитах.
Брожу среди могил забытых...
«Как кладбище, усеян сад...»

Весна, любимых в мире мало,
И оттого душе больней.
Пришла ли ты к могиле мамы?
Шумишь ли зеленью над ней?

Как далеко она лежит!
Не отзовется. Не вернется.
Лишь дрожь по сердцу пробежит,
Слеза на очи навернется.

Отцветшему не расцвести...
Но те же облака над нею.
Я сердце сдерживать не смею.
«Прости, — шепчу тебе. — Прости...»

Прости, что я сегодня плачу
Вдали от дома своего.
Что запоздалые удачи
Уже не значат ничего.

Прости, что в солнечном апреле
Так хочется сегодня мне,
Чтоб люди рано не старели,
Чтоб жили долго на земле.

Прости за то, что вышли сроки,
Что для тебя я не спою,
Прости, что от людей жестоких
Я прячу в сердце боль свою.

Ведь камни плакать не умеют.
И стих пустому сердцу чужд.

Их лед не жжет, огонь не греет;
Коль нет души, то нет и чувств.

Любую фразу передернут.
Пускай ты смел и сердцем чист,
Засмейся — скажут, что издевка,
Заплачешь — скажут «пессимист».

Что делать? Может, через годы
Забудется, утихнет боль.
Опять весной помчатся воды,
Вернется прежняя любовь.

Но мама... Без тебя сады
Покроет белое цветенье.
Растаяли твои следы,
Как будто птицы пролетели.

Природа, ты добра к цветам.
Весной им вновь дано родиться.
А нам... Скажи, что делать нам?
Как после смерти повториться?

За что, скажи мне, человек,
Твое великое творенье,
Живет такой короткий век —
Неповторимое мгновенье?

За что дана ему печаль?
Зачем? Откуда? И куда мы?
Ах, ничего не возвращай —
Молю тебя, верни мне маму!

Увы, напрасно я зову,
В ночи прислушиваюсь к ветру
И, задыхаясь, ворот рву.
Темно в саду. И нет ответа.

Но разве ты бессмертен сам?
Едва ли, Абдулла, едва ли.
И царь, и нищий, и султан
Напрасно к небесам зывали.

Всё преходяще на земле.
Но человек не зря сгорает,

И спорит о добре и зле,
И борется, и умирает.

Мои друзья ушли бесследно,
В могилах спят учителя,
Но остается мысль бессмертной,
И навсегда жива земля.

Есть радость в жизни быстротечной.
Есть утешение одно.
Что горе на земле не вечно,
Что забывается оно.

И снова жизнь! И море света,
Распахнутые небеса,
И снова с юга дуют ветры —
Над нами буйствует весна.

И мир без горестей и бед —
Озера, кишлаки, дороги —
Все — очарованный поэт,
Все — очарованные строки.

Пусть непроглядна мгла Вселенной,
Но жизнь останется светла.
Так озаряет луч мгновенный
Гробниц далеких купола.

Дутар поет светло и звонко,
И месяц в облаках скользит,
И женщина, что ждет ребенка,
На цвет урючины глядит.

И вечер ласковый и нежный,
И голубая тишина...
Одна звезда мерцает в небе,
И песня девичья грустна.

Я слышу — тополь ветви вскинул.
Уходят корни в глубь земли.
Строкою нежною Эркина
Под небом стонут журавли.

И облака проходят мимо...
В саду далеком плачет най...

С весной, мой край неповторимый!
С весною, мой любимый край!

Петь о тебе не перестану,
Покуда жить хватает сил.
Лишь ты в душе моей усталой
Весны дыханье воскресил.

Есть у земли свои законы, —
В свой срок, в назначенном году
Мой буйный сад осыплет кроны,
В родную землю я уйду.

И по умолкнувшим устам
Заплачет ветер в голых ветках.
Уйду... Но ты, Узбекистан,
Останешься. Всегда. Навеки.

ПОСЛАНИЕ К ПОКОЛЕНИЯМ

Не дальше века моего — дней будет счет.
Не претендую на земле на вечный след,
Быть может, чья-нибудь тетрадь к вам донесет
Мой стих, мою печаль и сердца свет.

И без меня детально вы в те времена
Узнаете — дойдет до вас дней этих весть.
Быть может, поразитесь вы, как после сна,
Услышав про Ташкент в беде, в руинах весь.

Ища в томах час, день и год, их скорбный круг,
Замедлит в венах, может, кровь свой звонкий бег.
Но не трагедия, друзья, предстанет вдруг,
А лица радостных людей на снимках тех.

Внизу, среди пожелтевших строк, как эхо лет,
Заплещутся слова газет разливом рек.
Такого подвига вовек не видел свет.
Ведь это город мой Ташкент — двадцатый век.

Тогда померкнет всех Помпеи печаль и боль
Перед великою бедой моей страны.
Вы скажете: откуда здесь день голубой,
Иль были прадеды у нас вот так скрытны?

Среди умолкнувших времен, среди дней иных
Вы нас увидите, как свет ночной звезды.
Землетрясения страшный день воскреснет вмиг.
Да, были прадеды смелы среди беды.

Нет, не таинственны они ни в чем, ничуть.
Весь мир охватишь ли душой, мир — карнавал?
Кто распирает перед ним спесиво грудь.
Когда же в нем он ничего не создавал?

Вселенная, что не объять вовек уму,
Как жернов, кружит твердь земли и небосвод.
Терпенье — человеческий путь. И потому
Терпенье подвигом никто не назовет.

Друзья, не удивляйтесь вы, отринув лесть,
Но тайна свойственна у нас одним стихам.
Бессильный подвиг перед всем, что в мире есть, —
Творить спокойно суждено людским сердцам.

Дух смелости не признает трагедия, увы.
И не отринет этот дух усталость никогда.
И, внуки наши, может быть, решите вы:
«Устали деды от борьбы и от труда...»

Листая толстые тома, храня любовь,
Вы будете всех нас жалеть — наш путь, наш труд.
Но перед вами, как и встарь, воскреснут вновь
Мужчины те, чьи имена в веках живут.

Внизу, среди пожелтевших строк, как дум кумир, —
Наш стиль, наш слог и наших дней мечты зоря:
«Его делами восхищен навеки мир.
Ведь сыном века своего он был не зря!»

Тогда ведь даже и Фархад пред вами вдруг
Сам превратится в муравья, да, в муравья.
И оглядевшись с сумрачной тоской вокруг,
О, как вскричите, может быть, вы, сыновья!

Мол, с алпамышевых времен еще таких
Богатырей не видел свет, не видел свет.
Еще подумаете вы: как быстро, вмиг
Век изменился — вместе с ним и человек.

Какие мы богатыри. В вас — тот же свет.
Обыкновенные во всем — любили жить.
Сказал не зря ведь Навои, мудрец, поэт:
«Душа — одно, другое — плоть: не совместить».

Друзья, не удивляйтесь вы, ведь строг ваш суд.
Что с этих снимков мы глядим — богатыри.
Со дня, как сотворен сей мир, — в нем правит труд.
А мы трудились от зари и до зари.

Когда напишут о беде — всех горше бед,
О нашей дружбе, о любви высоких лет,
Про дружбу нашу известят весь мир, весь свет:
«Они — одна семья навек, родней их нет!»

Тогда пред вами, может быть, взойдет во мгле
И Рем, и Ромул, честь храня и сил запал.
И может быть, решите вы, что на земле
Такой вот дружбы никогда никто не знал.

Священной нету, может быть, сред гроз и бед,
Чем дружба, что в сердце вошла огнем навек.
Ведь ею в дни беды любой из нас согрет —
Ничто без дружбы на земле и имя — Человек!

Не удивляйтесь потому, друзья мои,
Век богатырский ищет слов себе под стать.
Присущи были нам всегда пути любви,
Умели радоваться мы и сострадать.

Друзья, и вправду велика беда была,
И вправду страшен был ее неукротимый лик.
О нет, не пессимисты мы. Нам в бедах помогла
Душа страны, любовь страны. И каждый был велик.

И волю крепкую свою — мы дружеству верны —
Отдали, как велел нам долг, чтобы спасти друзей.
Сегодня благодарны мы душе родной страны,
Сегодня благодарны мы семье родимой всей.

Но чтобы на душу не взять мне грех стиха,
Пока пред совестью своей я чист еще,
Друзья, скажу от всей души, наверняка —
Как преувеличивать могли мы горячо!

От умиления к себе, от чувств порой
Мы отрывались от земли и от времен.
Прочтя о подвигах своих, что он герой,
Смущен был современник наш, как был смущен!

Довольно мелочиться нам! День светел, тих.
Сияет солнце в вышине светлей костра.
Потомки, вы внимлите мне хотя б на миг,
И я открою тайну вам всю до конца.

Прошло сто лет всего — и вновь пришла беда,
А для истории сто лет — в разлет бровей.
Не забывайте же о том вы никогда.
Есть способ устранять беду всего верней:

Чтобы не вздыбилась земля опять горой,
Чтоб не проснулся снова страх людской души,
Чтобы хранила в глубине земля покой —
Не говорите над землей родною лжи!

РОДНОМУ ЯЗЫКУ

О эта песнь, вовек живая!..
Пой, соловей, свисти, слагай.
Но, всем на свете подражая,
Не сложит песню попугай.

Язык родной, язык безбрежный,
Покуда бьется кровь твоя,
В стихах моих, живых и нежных,
Не гаснет песня соловья.

О не исчезни, умоляю,
Все станет пусто и серо.
Не дай мне голос попугая
И попугаево перо.

* * *

Толкуют о стихах: «Стихи искусны,
Но им печали свойственен налет!»
Зачем корить певца, что песни грустны, —
Что чувствует поэт, то и поет.

Что есть на свете — ненависть и милость,
Чем озадачен Запад и Восток, —
Все у поэта в сердце уместилось
И все звучит в строках и между строк.

Певец поет, лукавить не умея,
А если вам иной милее лад —
Пусть месяц в небе светит веселее,
Пусть так печально не горит закат.

Поэт избавить землю от печали
Не властен. Он всего лишь автор слов.
Не будет у людей в сердцах печали —
Не будет, может, и в стихах печали.
А может быть, не будет и стихов.

А ты, судильщик, не суди поэта,
Мол, есть в стихах печаль и нет красот.
На грусть стихов напрасно ты не сетуй:
Что чувствует поэт, то и поет.

ПОЭТ

Не думай, что поэт
Земного сторонится.
Он не обходит зол
И не таит добра.

На то он и поэт.
Что легок, словно птица,
Хоть груз его тяжел,
Как снежная гора.

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Твой лунный сад шумит листвою.
Ты и природа. Вы вдвоем.
Деревья говорят с тобою
Всю ночь на языке своем.

Ты воспевал не эти дали,
Но, всеми сучьями скрипя,
Они на цыпочки вставали
И молча слушали тебя.

Им слышно было, как в лице
Читал ты звонкие стихи.
И тихо листья с них летели,
Мерцая, словно огоньки.

Когда в Тригорском о свободе
Мечтал ты, как никто другой,
Поля и реки, все в природе
Оберегало твой покой.

И осень в Болдино стояла
Прекрасная, как никогда,
И в небе по ночам пылала
Твоя высокая звезда.

Но и тогда к седому лесу
Уже вела издалека
Бесславный пистолет Дантеса
Самодержавная рука.

И снег январский падал с крон...
Был страшный день морозом скован.
Но смерть ничтожна, как закон,
Для тех, кто выше всех законов.

Поэт, виновных не вини.
Им небеса за все оплатят.
Исчезли навсегда они
С печатью вечного проклятья,

А ты живой. И для тебя
Опять листва шумит весною,
И журавли летят, трубя,
Над необъятною страной.

Жива по-прежнему любовь.
Рука певца лежит на струнах.
Шуми же, сад мой голубой!
Звени, листва деревьев лунных.

Всю жизнь, ликуя и скорбя,
Он был певцом твоим, природа.
Он пел любовь, он пел свободу,
Теперь он слушает тебя.

СОН

Лет пятнадцать нам дано проспять
В жизни этой. В пору невезенья
Хорошо бы, в сон уйдя, не знать
Ни тоски, ни горя, ни волненья.

Пусть тогда, будить устав, друзья
От меня в обиде отвернутся,
И просплю остаток жизни я,
Чтобы в дальнем будущем проснуться.

Может, будет в мире посветлей,
Подобрей — земля красивей станет,
И, как в книгах пишется, на ней
Время изобилия настанет.

Зла не будет. Добрые сердца
Вечною наполнятся любовью.
И не встретишь больше подлеца.
И руки не запятнаешь кровью.

Вот тогда-то вспомнишь времена,
Где с чумой в трагическом соседстве
Шли насилье, рабство и война,
Голод и без счета прочих бедствий.

Кто ж тот век счастливым назовет?
Кто его страдания излечит?
Кто его обиды перечтет?
Кто его хотя б очеловечит?

Славный век! Ликуя и скорбя,
Не устав любить и ненавидеть,
То счастливым вижу я тебя,
То хочу заснуть, чтобы не видеть.

Но едва попробую заснуть,
Но едва лишь я глаза прикрою,
Вижу вновь многовековый путь
Жизни тех, кто жили предо мною.

Разная у них была судьба,
Но мечта одна владела всеми —
Счастье человечества, борьба.
Сон подобен смерти в наше время.

Им слышно было, как в лице
Читал ты звонкие стихи.
И тихо листья с них летели,
Мерцая, словно огоньки.

Когда в Тригорском о свободе
Мечтал ты, как никто другой,
Поля и реки, все в природе
Оберегало твой покой.

И осень в Болдино стояла
Прекрасная, как никогда,
И в небе по ночам пылала
Твоя высокая звезда.

Но и тогда к седому лесу
Уже вела издалека
Бесславный пистолет Дантеса
Самодержавная рука.

И снег январский падал с крон...
Был страшный день морозом скован.
Но смерть ничтожна, как закон,
Для тех, кто выше всех законов.

Поэт, виновных не вини.
Им небеса за все отплатят.
Исчезли навсегда они
С печатью вечного проклятья,

А ты живой. И для тебя
Опять листва шумит весною,
И журавли летят, трубя,
Над необъятною страной.

Жива по-прежнему любовь.
Рука певца лежит на струнах.
Шуми же, сад мой голубой!
Звени, листва деревьев лунных.

Всю жизнь, ликуя и скорбя,
Он был певцом твоим, природа.
Он пел любовь, он пел свободу,
Теперь он слушает тебя.

СОН

Лет пятнадцать нам дано проспять
В жизни этой. В пору невезенья
Хорошо бы, в сон уйдя, не знать
Ни тоски, ни горя, ни волненья.

Пусть тогда, будить устав, друзья
От меня в обиде отвернутся,
И просплю остаток жизни я,
Чтобы в дальнем будущем проснуться.

Может, будет в мире посветлей,
Подобрей — земля красивей станет,
И, как в книгах пишется, на ней
Время изобилия настанет.

Зла не будет. Добрые сердца
Вечною наполнятся любовью.
И не встретишь больше подлеца.
И руки не запятнаешь кровью.

Вот тогда-то вспомнишь времена,
Где с чумой в трагическом соседстве
Шли насилье, рабство и война,
Голод и без счета прочих бедствий.

Кто ж тот век счастливым назовет?
Кто его страдания излечит?
Кто его обиды перечтет?
Кто его хотя б очеловечит?

Славный век! Ликуя и скорбя,
Не устав любить и ненавидеть,
То счастливым вижу я тебя,
То хочу заснуть, чтобы не видеть.

Но едва попробую заснуть,
Но едва лишь я глаза прикрою,
Вижу вновь многовековый путь
Жизни тех, кто жили предо мною.

Разная у них была судьба,
Но мечта одна владела всеми —
Счастье человечества, борьба.
Сон подобен смерти в наше время.

СЛУШАЯ «МУНОДЖАТ»

Ах, скажи мне, о чем зарыдала
эта музыка в жадной тиши?
Этот плачущий голос рубаба —
что он хочет от бедной души?

Столько стонов столетья скопили,
столько горя под кровом земли —
так на что ему слезы скупые,
безымянные слезы мои?

Так он ждет их, так просит упрямо,
словно где-то меж стонущих струн
неоплаканный призрак Хайяма
коченеет на вечном ветру.

Или все, что душа отстрадала,
все бывшие невзгоды свои,
всю немую тоску Астрабада
возвещает векам Навои...

Сколько муки! До крови, до боли
истерзал меня поздний закат.
Ах, оставь свои струны, довольно,
не терзай мою грудь, музыкант!

Если правда, что было так плохо,
как твердит этой музыки плач,
значит, мир нам не люлька, а плаха!
И природа — не мать, а палач...

Как рыдает напев! Как стремится
прозвучать чей-то горестный век!..
...Если музыка так им томится —
как же прожил его человек?

ЖИЗНЬ МОЯ, ПОЭЗИЯ

Верным другом ты была мне
В дни и годы разные,
И единственной звездой
В ночи неугасные.
Мы вели с тобой подолгу

Разговоры страстные,
Счастье мое грозное,
Синь моя, Поэзия,
Мой престол и родина,
Жизнь моя, Поэзия!

Неразлучными повсюду
По землю своей ходили,
Познавали нравы, лица,
Блиzkих верой находили,
С ними радости, и горе,
И судьбу равно делили,
Счастье мое грозное,
Синь моя, Поэзия,
Мой престол и родина,
Жизнь моя, Поэзия!

Наши помнишь ли, родная,
Перевалы и пороги?
Проносились ураганы,
Обрывались вдруг дороги.
Но несли мы дальше знамя,
Обличая зло, пороки,
Счастье мое грозное,
Синь моя, Поэзия,
Мой престол и родина,
Жизнь моя, Поэзия!

Сокровеннейшие мысли
Поверяла мне «Хамса»,
Волшебство миров далеких
Открывали небеса,
Я пришел в твой храм, и душу
Возложил, как жертву, сам.
Счастье мое грозное,
Синь моя, Поэзия,
Мой престол и родина,
Жизнь моя, Поэзия!

Ты одна — царица власти
Над могучею судьбой,
Ты одна — царица страсти,
Вьжигающей покой,
Ты одна — царица счастья,

Возрожденного строкой.
Счастье мое грозное,
Синь моя. Поэзия,
Мой престол и родина,
Жизнь моя, Поэзия!

Не скупилась на загадки
Жизнь моя, и все трудней
Их негласные разгадки
Я ловил на кромке дней,
Сквозь дымы и сквозь туманы,
В россыпях твоих огней,
Счастье мое грозное,
Синь моя, Поэзия,
Мой престол и родина,
Жизнь моя, Поэзия!

Понял я — одна на свете
Мне дана страна родная.
И вот эта степь без края
Мне одна — как плач сурная.
Кто б ни высился — в почете,
Высока лишь ты, я знаю,
Счастье мое грозное,
Синь моя, Поэзия,
Мой престол и родина,
Жизнь моя, Поэзия!

Верю я, что мы достигнем
Самых дальних берегов,
И к заветной цели выйдем,
Не меняя маяков,
Так оставим же капризы
И тоску унылых слов!
Счастье мое грозное,
Синь моя, Поэзия,
Мой престол и родина,
Жизнь моя, Поэзия!

Будет цель — не славы злато,
А лишь истины стрела,
Будет истинная правда

Вечной истиной в делах,
Будет вечно пред тобою
Преклоняться Абдулла,
Счастье мое грозное,
Синь моя, Поэзия,
Мой престол и родина,
Жизнь моя, Поэзия!

ОСЕНЬ В УЗБЕКИСТАНЕ

Пойдем в поля осенние Отчизны!
Пойдем туда, где чистая заря,
Где тишина и от избытка жизни
Устало дышит милая земля.

Пойдем со мной туда, где жжет роса
Босые ноги смуглого подростка,
А в полдень свищет белая лоза
И мед стекает в чашечку из воска.

Пойдем туда, где сад и листопад,
И легкий звон, и слабое мерцанье,
И труженицы просветленный взгляд,
И труженика доброе молчанье.

Вот горы те и тот счастливый край,
Который снился Навои седому,
Когда печальный крик вороньих стай
Перелетал от дома к дому.

Их было двое — осень и поэт,
Здесь говорил с ним карагач скрипучий.
А по лицу его клубились тучи
И пробегал прозрений вечный свет.

Смотри, как быстро вертится земля!
Как медленно добро на ней творится...
Пойдем туда, где тихая заря
И солнце в горы хлебные садится.

Что наша плоть? Корабль, подвластный морю.
Ударит шторм — и бешеной волной
Корабль на скалы вынесет. Прибой
Ударит вновь. На дно останки смоет.

Что наша плоть? Я стану слеп и глух.
Я мертв. И ни к чему я не пригоден.
И все мертво! Но дух, бессмертный дух
Восходит в небо, вечен и свободен.

Так радуга пылает над землей.
И никакому шторму не подвластно
Творенье духа. Никакой волной
Не смоешь то, что вечно и прекрасно.

ЛЮДИ

И сходятся и расстаются люди.
Что встретятся опять, кто даст зарок?
Пусть остается путник, гостем будет,
Смеркается уже, а путь далек.

Гость остается: подождет дорога.
Дает хозяин пить ему и есть.
Не всякий раз еды бывает много,
Но всякий раз все то, что в доме есть.

Хозяин гостю изливает душу,
И гостю тоже есть что рассказать.
Не надоест им говорить и слушать,
И замолкать, и начинать опять.

Речь сладкая течет и чай нежидкий,
Но снова ночь, и надо отдохнуть,
А утром сложит гость свои пожитки
И вновь отправится в свой дальний путь.

И друг у друга, чтя обычай свято,
Имен они не спросят, встав чуть свет,
Вновь суждено ль им встретиться когда-то?
Кто знает: может, да, а может, нет.

* * *

Благословенно прожитое мною,
Все, что уже не повторится впредь,
Все то хорошее и все дурное,
Чем мне гордиться и о чем жалеть.

Все было: и падения, и взлеты,
Но, размотав клубки своих дорог,
Я видел то, что не увидел кто-то,
И то сказал я, что другой не смог.

Хоть мне неведомо, что предо мною,
Но я благословляю наперед
Все то хорошее и то дурное,
Что ждет меня еще и что не ждет.

И пусть за тем ближайшим поворотом
Лучи не мне назначенных дорог.
Что не увижу я, увидит кто-то,
И кто-то скажет то, что я не смог.

* * *

— Проснись скорей, что без толку валяться?
Не надо спать иль спящим притворяться.
Играют блики солнца на стене.
Что ты молчишь, не отвечаешь мне?
И слезы на ресницах серебрятся.
Ты почему не хочешь просыпаться?
— Я спал, я видел молодость во сне!

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Осенний пруд. Витает паутина.
Плывешь. Твои моря не глубоки.
Среди кувшинок, зарослей и тины
Мерцают золотые плавники.

Откуда здесь ты, рыбка золотая?
Гнилые сучья. Комары. Туман.
Плывет спокойно, ничего не зная,
И мнится ей, что это — океан...

БЕСКРАЙНОСТЬ

Мир ни одной не ограничен гранью.
Он непостижен моему уму.
Поскольку нет предела мирозданию,
Но есть предел сознанию моему.

Порой, не чувствуя его границы,
Как капля в море, затерявшись в нем,
Я от его бескрайности укрыться
Мечтаю в тесном домике своем.

* * *

В раннем детстве всего я боялся:
Гром ли, ветер — бежал я домой,
К материнской руке прикасался, —
Страх не страх, если мама со мной.

Было, сено возил и наткнулся
Под копной на большую змею —
Через поле, как птица, метнулся,
Призывая родную мою.

А еще мне от дикой собаки
На чинаре спастись пришлось,
А еще нападения и драки —
Много мама мне вытерла слез.

Но сейчас, умудренный и взрослый,
Не страшусь я ни бурь и ни гроз,
Отношусь к ним спокойно и просто —
Без волнения, тревоги и слез.

Одного лишь боюсь — поступиться
Перед кем-нибудь честью своей:
Ни спастись, ни в подушку забиться,
Ни прощенья найти у людей.

ОДИНОЧЕСТВО

В темном небе оставляя светлый след,
Над землею тихо движется луна.

Миновали миллионы долгих лет,
А луна средь звезд по-прежнему одна.
Люди смотрят в небеса, восхищены
Живописным одиночеством луны.

Солнце в небе появляется, оно —
Как предвечный, вечный двигатель планет —
В одиночестве сиять обречено,
Всей вселенной посылает добрый свет,
Матерински помогая жить живым
Бескорыстным трудолюбием своим.

Старики поэты славили царей,
Выбирали наилучшие слова,
Чтобы выхвалить в чаду земных страстей
Исключительность царя, как божества,
И твердили, суетясь у царских ног,
Что лишь Бог один — прекрасно одинок.

Я не солнце, не луна, не царь, не Бог —
Неземного одиночества не знал,
К свету доброму тянулся, как росток,
Человечности законы постигал
И скажу, друзьям признательность храня:
«Одиночество смертельно для меня».

ОСЕННИЕ ДУМЫ

I

Когда вдали чернеть вершины станут
И в сад туман проникнет на закате,
А после, ежась на ветру, как странник,
Террасу дома медленно захватит,
Обняв тебя в мечтах, моя отрада,
Жду нашей встречи в пору листопада.

II

Здесь все прекрасно: неба полог черный
И взгляды дальних звезд, грубы и дики.
Шуршит камыш над бойкою речонкой —
Различны шумы, тени многолики.
Я слушаю, смотрю — и восхищаюсь.
Потом к осенним думам возвращаюсь.

III

Чего хочу? О чем душа мечтает?
Чуть шум в кустах негромкий раздается,
Я вижу: осень меж ветвей плутает
По листьям, по траве тайком крадется,
Волнуясь, но других не беспокоя...
Есть в этом что-то доброе, людское.

IV

Как будто жизнь и смерть приемля просто,
Подобно старцу на краю могилы,
Махнув рукой, сухой и желтой, осень
Рассказывает мне про все, что было,
И шепчут листья, тихо облетая.

V

Где обитает вечное цветенье?
Где та весна, что бесконечно длится?
И почему таит воды течение
Печальбгый смысл, что жизнь не повторится?
Но все-таки весна приходит снова.
Зачем же к людям так судьба сурова?

VI

Вздыхает тихо осень, задавая
Мне вечные, как мир, вопросы эти.
Я снова жизнь свою переживаю:
И что ж — я лишь весну узнал на свете...
Но, не прощаясь с юностью своею,
В печальных мыслях я на миг старею.

VII

И рвутся из души слова! Скорей
Карандаша затачиваю кончик.
Светает... Жизнь моя, ну будь добрее, —
Куда спешишь, зачем летишь, как гонщик?
Спешит сорваться лист. Мне ждать не надо...
Спеши и ты ко мне, моя отрада.

Человек — вершина мироздания,
В нем добро, и сила, и сознание.
Чудно даже в низости своей
Это совершенное создание.

КАМЫШ

Он, не ведая горя,
Красовался и цвел.
Но однажды под корень
Люди срезали ствол.

Сердцевину убрали,
Чтоб камыш умертвить.
Подрезали, строгали,
Перед тем как сверлить.

И конец заостряли,
Подгоняли хитро,
На огне обжигали.
Продували нутро.

Было горько и больно,
И, униженный, он
Вдруг заплакал невольно,
Тяжкий выдал стон.

О своих неудачах
Он, который уж год,
Не поймешь, то ли плачет,
То ли песню поет.

Слышу: дудочка тяжко
Стонет, песню запев...
Чем больней ей, бедняжке,
Тем красивей напев.

И я мыслю невольно
Об уделе певца.
О поэте, чьей болью
Услаждают сердца.

* * *

Кого-то мы обидели беспечно,
Не сделали какие-то дела.
Вчера мы думали, что юность вечна,
Сегодня огляделись — жизнь прошла.

Уходит все, и поздни сожаленья,
А у кого-то из друзей прощенья,
Хоть ты и должен был, не попросил.
Ты к старшему не проявил почтенья
И потому кому-то стал немил.

О совершенном мире мы мечтали,
О нем мы говорили, и не раз,
Но сами совершенны мы не стали,
А мир — известно — состоит из нас.

Летят года, мелькают, как мгновенья,
Хоть поздно, но приходит отрезвление,
Обиды сходятся у нас в сердцах.
И остается только утешенье:
Способны мы еще на сожаленье
О наших несвершившихся мечтах.

* * *

Жизнь коротка, а молодость короче,
Как взмахи век, мгновенны дни и ночи.
Уходит молодость, приходит зрелость,
Дней не вернуть нам, как бы ни хотелось.

Из наших всех надежд с теченьем лет
Одни сбываются, другие — нет,
И после назначает цену старость
Всему, что столь неценным нам казалось.

И что-то мы не прочь бы вернуть,
Переиначить и перебелить,
Но ни одно ушедшее мгновенье
Не возвратят ни слезы, ни моления.

* * *

Обрамлены, висят портреты в ряд.
Вот Лермонтов, вот Байрон, вот Фуркат.
Они, кому был мир когда-то тесен,
На мир из рамок тесных вдаль глядят.

Они вкусили и любовь и гнев,
Они когда-то жили, все презрев,
Вовек не могут быть поэты в рамках
И входят в рамки, только умерев.

* * *

Мой верный друг, давай наполним чаши,
Не расплескав их, поднесем к губам
И выпьем за здоровье близких наших,
За солнце, что так щедро светит нам.

Верь, ничего не надо мне иного,
Заглядывало б солнце к нам в окно,
Родня была бы вся жива-здоровая,
Текли б стихи ручьем и ручейком вино.

* * *

В долину туман опускается длинно,
В Дурмене хрустальными стали сады.
Плакучая ива устало-повинно
Рассыпала коса, морозно седы.

Ловлю тишины безмятежной дыханье,
Уснувшего дуба чуть слышимый стон...
Быть может, туман — это тень мироздания,
Невидимых звезд затерявшийся сон.

* * *

Дни бегут за мигом миг...
Что надменен ты, прохожий?
Что пинаешь камни? Их
Над твоей могилой сложат...

* * *

В огне грозы иль под горящим кровом
Я ни сегодня не сгорю, ни впередь,
Я возвращусь к тебе живым-здоровым,
Чтобы от взгляда твоего сгореть.

И в бурю, что ломает пароходы,
Не утону, останусь я в живых.
Я возвращусь, пройду огонь и воды,
Чтоб утонуть в пучине глаз твоих.

* * *

В апреле осень. Грусть такая.
Холодный вечер за окном.
Звучит печально песня ная.
Скажи, о чем она? О ком?

Среди листвы мерцают звезды...
Что юность? Не найти следа...
...О ком, мои бывлые весны?
О чем, дрожащая звезда?

Пора любви, пора полета,
А за окошком най грустит.
Как будто шпага Дон-Кихота,
Там ветка тополя висит.

О чем моя бывлая гордость?..
Печальней нет календарей,
Когда поэт теряет голос
И пахнет осенью апрель...

* * *

Давно я не бывал в родном селенье,
Домой пишу я редко, к сожаленью.
Там плачет мать моя, встает чуть свет
И, заглушая вечную тревогу,
Ждет письмоносца, смотрит на дорогу.
А писем от меня все нет и нет.

1^^^—^тp^

F#ze*'2^
IHL 1

11 iIA

1

J.

Отец поэта
Ариф Убайдуллаев.

Мать поэта
Турды Карвон-кызы.

Абдулла Арипов, шестидесятые годы.

Она с надеждой смотрит на дорогу
И молится неслышащему Богу,
Ждет моего приезда иль вестей.
А я, чудак, сижу, пишу в потемках,
Ищу слова в заботе о потомках,
Хоть матери мои слова нужней.

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Меня влечет в сады, влечет к природе,
Туда, где от осеннего огня
Уже пылают листья, что походят
На жар, горящий в сердце у меня.

В сады, где паутина, словно тина,
Где меж ветвей блестят ее слои.
А может, это и не паутина,
А мысли бесконечные мои...

Давно уж солнце не сжигает кожу,
А холодно мерцает меж ветвей,
Как будто на любовь оно похоже,
Оставшуюся в юности моей.

* * *

Захотелось мне, мама,
Вернуться к тебе
И услышать, как ночью осенней
Дождь в платане шумит,
Свищет ветер в трубе,
С ветки лист улетает последний.

Если честно признаться,
Веселые дни
Все твой голос во мне заглушали,
И дорогу к тебе заслоняли они...
Но сегодня я, мама, в печали.

А когда улетает с деревьев листва,
Что-то тянет нас к отчому дому
И забытые в юности ранней слова
Подступают к дрожащему горлу.

В суете, в маете повседневной своей,
Торопя уходящее взглядом,
Мы ценить не умеем привычных людей,
Тех бесценных, которые рядом.

Вдруг опомнишься —
Ночь, ледяная звезда,
Синий холод и ветер с канала...
Это жизнь,
И она до сих пор не всегда
Гладит нас по головке, как мама...

МАТЬ

С небес звезда падучая упала,
И кажется, что прекратилась связь,
Нарушились какие-то начала
И, может, чья-то жизнь оборвалась.

О мать моя, с той роковой минуты,
Как в горе осознал я твой уход,
Все думаю, все жду я почему-то,
Что звезды упадут
И рухнет небосвод!

* * *

Дай свирель мне в дрожащие руки,
Чтобы, плача и радуясь, я
Мог излить в очистительном звуке
Счастье жизни, восторг бытия.

Мастерства у пера не хватает
Передать ликование души.
Друг мой, роца под ветром вздыхает —
Слушать шепот листвы поспеши.

Тихий вечер округой владеет,
Огоньки закачались во мгле,
Добрый ветер прохладною веет —
До чего хорошо на земле!

В эти полные жизни мгновенья
Мне случалось порой испытать

Небывалый подъем вдохновенья,
Всем о нашей любви рассказать.

Чтоб излить в очистительном звуке
Счастье жизни, восторг бытия.
Дай свирель мне в дрожащие руки —
Просит выхода радость моя.

ХОЧУ ВОСПЕТЬ ТЕБЯ

Хочу воспеть, любимая, тебя,
Воспеть твое, любимая, лицо,
Твои глаза воспеть. Лица такого,
Наверно, и в раю не отыскать,
А глаз таких и у красавиц нет.
Хочу воспеть тебя, но так воспеть,
Чтоб голос мой сорвался от восторга.
Я поцелую жажду, но такого,
Чтоб наши губы он окрасил кровью.

Хочу я, чтобы люди не могли,
Как я сейчас не в силах, утаить
Своей любви, и горя, и печали.
И чтобы дети радовались так,
Что мертвые вставали б из могил!

Величье вижу века своего
В том, что, возвышен опытом столетий,
Освобождает он людей от рабства,
От груза мелких страхов, суеверий
И предрассудков — каждому велит
Сказать, что думает, что сердцем рождено,
Да так сказать, чтоб мощью откровенья
Перехватило горло — в полный звук.

Я, малое дитя большого века,
Всей нежностью его и всею силой
Любви, желанья своего владея,
Тебе, любимая, сегодня присягаю
С единственной страстью — совместить
Весь мир с твоими алыми губами,
Что, как бутон, едва открыты мне...

Прощай, прощай,
Во мне твое прощанье...
Прощай, ведь ты ушла, невинная газель.
Где ты теперь, в каком ты мирозданье,
Чья пред тобою распахнулась дверь?

Так поздно встретив, рано потерял,
Кляни, достоин я твоих проклятий,
В сердцах чужих любовь к себе снискал,
Но сам не оценил твоих объятий.

О, как запутан мир души людской,
Как бесконечны драмы и страдания!
На сей раз сам я стал всему виной,
Ужель дана мне песня в наказанье?

Прощай, прощай,
Во мне твое прощанье...
Прощай, ведь ты ушла, невинная газель.
Где и в каком ты скрылась мирозданье,
Чьей верной спутницей ты нареклась теперь?

Смогло ли счастье отыскать тебя?
Кто нынче сердцу твоему стал дорог?
По ком тоскуешь в этот день, грустя,
Души моей истерзанной осколок?!

ЖАЖДА ВЕСНЫ

Я манил тебя садами юных роз,
Я ловил твой след лугами лунных рос,
Может, ты на зорьке радугой искришься,
Может, ты тюльпаном меж цветов струишь»
— Отзовись, — молил я, — почему таишьс*
Жаждою весны ты разве не томишься?

Там вдали чернеют горные хребты,
Скоро тень их скроет белые сады,
Не года — столетья тянутся, убоги,
Мне тебя увидеть не судили боги,

Весны без тебя ушли с моей дороги...
Жаждою весны ты разве не томишься?

Вновь сегодня праздник солнца, вновь искус —
Подари мне чудо встречи, о Навруз!
Где скрываешься, мечта моя живая?
Для тебя одной цветы в руках сжимая,
Я ищу по жизни, всей тоской взываю:
Жаждою весны ты разве не томишься?

СТИХИ МАТЕРИ

*Памяти Турды Карвон-кызы,
матери моей, посвящаю*

I

Что-то я нынче покоя не знаю,
День мой не светел и ночь не темна:
Снова я маму свою вспоминаю —
Странно и нежно мне снится она.

В свете луны заблестит опахало,
Тонкую руку рукав обовьет,
Мать улыбнется светло и устало,
Жестом знакомым меня позовет.

И, наклоняясь над зыбкой моею,
Станет укачивать и бормотать:
«Спи, засыпай, мой сыночек, скорее,
Ты притомился, пора засыпать»...

Я от нее убегаю, пытаюсь
Крикнуть, но крика не слышу. Рукой
Гроба, возникшего рядом, касаюсь —
И просыпаюсь, измучен тоской.

И, обессилив, глаза открываю.
Дух угнетен мой, и сердце в огне.
К тени родной безответно взываю:
«Что ж ты, зачем ты приходишь ко мне?»...

Так ты меня в свое время любила,
Что я тонул в материнской любви.

«Дай бог удачи тебе, — говорила, —
В счастье до старости, сын, доживи».

Счастьем дарила, а вряд ли видала,
Жить наставляла, а рано ушла, —
Нежность, которой семью одаряла,
В землю с собою не унесла.

Братья мои, о тебе вспоминая,
Тоже горюют и плачут, как я.
Ты возвращайся почаще, родная,
Не покидай меня, мама моя.

В жизни земной не напрасно ведется:
Мать, оставляя родных и детей,
В юных сердцах навсегда остается,
Нежностью их наполняя своей.

Жить на земле — это трудное дело.
И, навещая хотя бы во сне,
Мать, пожелай, как ты в детстве умела,
Мудрости, силы и мужества мне.

II

В тот день забот и мелких огорчений
Хватало — я их так переживал,
Что только после торжества узнал
О доброте твоей: из личных сбережений,
Рубля не утаив, — все, что имела, —
Ты отдала отцу, чтоб свадьба у меня
На славу удалось, чтоб пышная родня
Была довольна. Далек глядела
Ты, мать моя. Не за себя старалась,
За сына, говоря: «Пусть новая семья
Жизнь начинает с праздника, а я
Уж как-нибудь»... Заботливая старость
Для молодости все отдать готова.

О мать моя! Когда теперь смогу
Воздать тебе? Навек, навек в долгу
Пред добротою дела, а не слова.
В последний час ты думала о сыне,

Мечтой о счастье сына ты жила.
Какой ты бескорыстною была,
С тоской и болью помню я донине.
Все будет, как желала ты когда-то:
Столы широко свадьба разведет,
Веселье к нам надолго в дом придет,
Согласьем станет наша жизнь богата.

Ни красотой, ни статью не уступит
Та, что была тебе других милей,
И упадут цветы под ноги ей,
Когда она в мой дом невестой ступит,
И, как сестру, к груди своей прижмет,
Моя родня ее в родню возьмет —
И лаской всем жена моя ответит.
Друзья ко мне пожалуют и семьи
На той возьмут, ликуя и трубя, —
И тем стократ умножится веселье...
Но где, о мать, тогда искать тебя?

III

Мне помнится, был я в какой-то обиде,
Не рад был ни солнышку, ни соловью,
Но вдруг у тебя под подушкой увидел
Стихи свои — первую книжку мою.

Застыл я на месте: так стыдно мне стало
За все, что в ней есть, и за все, чего нет.
Но ты повернулась ко мне и сказала,
Сердечно сказала: «А сын мой — поэт!»

Я знаю, ты верила больше, чем надо,
И больше других от меня ты ждала.
С тех пор теплота материнского взгляда
Мне высшей хвалой за успехи была.

Ты, знаю, хотела, чтоб стал я поэтом —
С тех пор я в разладе с собой и судьбой:
В долгу перед миром, еще не воспетом,
Вдолгу перед совестью — перед тобой.

Был нем я и робок, был слеп и неточен,
Когда о тебе говорить начинал.

О мать и Отчизна! Прекрасен и прочен
Союз ваш, я песню ему подчинял.

И песня моя понемногу мужала,
И голос мой креп на виду у людей,
И песня моя иногда отражала
Величие матери доброй моей.

Быть может, и время уже недалеко,
Когда меня строго проводят друзья
Туда, где, от близких вдали, одиноко
Покоится милая мама моя.

Друзья, с кем мы в жизни и в гибели дружим,
В молчанье ко мне на могилу придут
И, встав надо мною тугим полукружьем,
Не мне, а тебе они долг отдадут.

Не мне, а тебе это горькое бденье,
Не мне, а тебе их немая хвала,
И позднее — это вот! — стихотворенье,
Что я написал, твой поэт, Абдулла.

ПЕРВАЯ МОЯ ЛЮБОВЬ

Когда, пройдя весь небосвод, луна за облако зайдет,
И луч Венеры проблеснет, светя с тускнеющих высот,
И душу мне печаль сожмет, и в сердце тишина войдет,
Припоминаешься мне ты, о моя первая любовь!
И о тебе мои мечты, о моя первая любовь!

Минула юность — дни отрад и озорства веселый чад,
Бывал печален я и рад, бывал я прав и виноват,
И ведал с сердцем я разлад, и поступал я наугад,
Но я утратил юный пыл, о моя первая любовь,
И сердцем словно бы застыл, о моя первая любовь!

Кто этот мир понять бы смог? Как тайна, он суров и строг.
Он то просторен и широк, то — словно без дверей чертог!
И всех людей он подстерег, и всех к себе он в плен завлек.
Зачем я этого не знал, о моя первая любовь?
Был беззаботен я и мал, о моя первая любовь?

Нет, радостной мечты порыв во мне еще покуда жив!
Но я не искристо смешлив, не лунной уж красой красив.

Хоть вялой осени разлив во мне еще не так бурлив,
Но все ж, горя по тебе, о моя первая любовь,
Печаль таю я по тебе, о моя первая любовь!

Путь потерявший человек в любви опору обретет,
В беду попавший человек в любви опору обретет,
Печаль познавший человек в любви опору обретет,
А в ком опору я найду, о моя первая любовь?
Ты вспомнишься — я как в бреду, о моя первая любовь!

О, весь я превратился в слух — скажи, где отзвук твоя затишь?
Я ко всему на свете глух, лишь ты в видениях моих!
Рассветный луч еще не тух, как написал я этот стих:
Ты сердца стон и свет в очах, о моя первая любовь,
Ты — мой единственный Аллах, о моя первая любовь!

Быть может, от земли своей родимой
И я уйду, дорогою влеком.
И после, проходя однажды мимо,
Украдкой ты в мой заглянешь дом.

Быть может, из других жильцов кому-то
Случится в эту самую минуту
Склониться над моим столом былым,
Ты, может, ошибившись почему-то,
Его окликнешь именем моим.

И может, удивишься ты впервые,
Поняв, что нет меня с тобой давно.
Или тебе уж будет все равно:
Я за столом сижу или другие.

Я знаю сам: случается подчас,
Что от любви дано нам излечиться,
И некогда нам дорогие лица
Стереться могут в памяти у нас.

Что все не вечно в мире, и вначале
Уже с тобой мы оба это знали.
И буду опечален я не тем,
А тем, что после слов, что мы сказали,
В нас вовсе не останется печали
И даже память сгладится совсем.

* * *

Гром гремел, и буря бушевала,
И сверкали молнии кругом,
И с тобою шли мы под дождем,
И, ко мне прижавшись, ты шептала:
«Что нам буря, если мы вдвоем?»

И, застигнутые снегопадом,
Ныне мы идем, и тьма кругом.
Шепчешь ты, идя со мною рядом:
«Что зима нам, если мы вдвоем!»

* * *

Я ждал ее, и вот весна запела.
Тьма облаков рассеялась, взгляни.
Даль просветлела, высь заголубела,
Как будто жизнь моя в иные дни.

Играют ветры где-то там, на воле.
Моя любимая, скорей со мной иди
Куда-нибудь: в луга или же в поле,
Чтоб суета осталась позади.

Прозрачно небо, речка серебрится,
Дождем омыты отчие края.
Но все, что есть, уйдя, не возвратится,
Как сила и как молодость моя.

И листья, что сегодня так шумливы,
К ногам твоим осыплются в свой час,
И время — этот путник торопливый, —
Умчавшись вдаль, не пожалеет нас.

Любимая, все в мире быстротечно.
Так дай мне руку, и пойдем скорей.
Поэты лгали нам: весна не вечна,
Ей срок дней сто и столько же ночей.

* * *

Мешает двум влюбленным третий,
Но он всегда необходим.
Таков закон на белом свете —
Свидетель нужен и двоим.

Святою жаждой опаленный,
Он правду раньше всех нашел,
Он первородней всех влюбленных
И больше в жизни искушен.

Без третьих в мире нет свиданий.
И то, что выстрадал поэт,
Не уничтожится годами,
Ведь третьему законов нет.

Он, как любовь, почти бессмертен,
Почти, как черт, неуловим.
И все ж спаси меня, мой третий,
Непоявлением своим!

Не ты ли в горьком откровенье
Врагом мне друга показал,
И друг, озлобясь на мгновенье,
Под бубен третьего сплясал.

И гибла правда среди сплетен,
И лживым стал любой совет,
Ведь если взбесится наш третий,
Погибнет в муках белый свет.

Чтобы от имени другого
Не смели веру предавать,
Не верьте третьему святому,
Старайтесь сами мир понять.

Пусть без посредников, я знаю,
Страдают люди от разлук,
Я разобраться сам мечтаю,
Кто есть мой враг и кто есть друг.

Я заклинаю верой этой
Тебя отныне и навек:
Будь молчаливей всех на свете,
Коль есть ты, третий человек!

* * *

Со мною ты — и мир напоен красотой,
Со мною ты - меня вселенский манит свет.
Останусь без тебя окутан темнотой —
Ведь света без тебя на свете этом нет.

Мечтаю об одном, желанная моя —
Любви твоей сорвать невянувший цветок.
Услады той сама не ведаешь, но я
Твой аромат объять душой своею смог.

* * *

Я пламя солнц стерпеть готов,
Потоп вселенский мне не страшен.
К тебе живым вернусь, и вновь —
В твоих глазах огонь заплещет.

А кто-то будет бушевать,
И зависть выплеснется стоном.
А я плыву, плыву опять,
Чтоб утонуть в глазах бездонных.

* * *

Ты бурной страсти Пушкина звезда,
Ночных мечтаний Гете воплощенье,
Ты Байрона желанная судьба,
Ярчайшая звезда на небосклоне Гейне.

Твоей красой пленен был Навои,
Лутфи тебе одной лишь посвящал газели.
Хайям пил сладкий мед твоей любви,
Хафиза соловьи в саду прекрасном пели.

Твое изящество — мой бесконечный сон,
Тебя любить навеки обречен.

* * *

Теперь, когда прошло так много лет,
Уже чуть сгорблен и немного сед,
Зачем я по своей вернулся воле
В тот край, где и остался только след
Моей давным-давно прошедшей боли?

Зачем я так стремился в эту даль,
Прошедшею печалью озабочен?
Зачем сюда я рвался дни и ночи?
Ужели даже горькую печаль
Из прошлого забыть никто не хочет?

Когда, краев изъездив много,
Я возвращусь опять домой,
Поспешно выйди на дорогу
И радости своей не скрой,
Что я вернулся к отчему порогу.

А если соберусь опять
В высь, где снега на перевале,
Иль в даль, куда меня позвали,
Не надо слез своих скрывать.
Ты не таи своей печали
И клясться не стыдись, что будешь ждать.

ПИСЬМО

Я для тебя газели сочинял
И жизнь твоим капризам подчинял.
Но ты забыла, кем ты мне была:
Со мной — жестока, а с другим - мила.

Мне говорили, ты теперь одна
В садах гуляешь и, тиха, бледна,
Твердишь порой, как будто в забытьи,
Печальные двустихия мои.

Меня с рассветом тоже тянет в путь,
Я солнцу с ветром подставляю грудь,
Но пребываю в тягостной борьбе:
Хочу уйти, а прихожу к тебе.

Но расставанья нам не избежать,
Как от самих себя не убежать,
И жизнь смеется над тобой и мной,
Хоть боль души не может быть смешной.

Так для чего страданья и печаль,
Когда минует все, чего не жаль,
Когда исчезнет все, чем дорожим, -
Весь мир земной и мы, конечно, с ним?

Не для того ль, чтоб внукам передать
Способность восторгаться и страдать,
Чтоб наша жизнь, какой бы ни была,
Им в радости и в горе помогла?

Не вызывай в душе печаль ушедших дней,
Она меня гнетет, как время листопада.
Я стал чужим тебе. И милости твоей,
И даже новых встреч, молю тебя, не надо.

Я радостью теперь и грустью окрылен, -
Все оттого, что одинок на деле,
И лишь судьба моя идет за мной вдогон,
Держа мою любовь, как птицу, на прицеле.

Зависимость моя от времени светла,
Предчувствие трудов - завидная отрада.
Не возрождай того, что сожжено дотла,
И сердца к прежним дням не возвращай, не надо.

Я от иных стерплю хулу и похвалу.
Но ты, что душу мне наполнила страданьем,
Ты больше не ревнуй меня к добру и злу
И запоздалым обойди вниманьем.

И не смотри, молю, с улыбкой на меня,
Не обещаю любви. Что было, не вернется.
Так время, нас порой привычкою дразня,
Над слабостью людской презрительно смеется.

О ГЛАВНОМ

Живет заботой сердце об одном,
И просим мы судьбу свою от века:
Даруй нам крепкий, безмятежный дом
И дружбою порадуй человека.

Дом есть начало света и добра,
Сравню его с вселенною самою,
Понурным выйдешь из дому с утра,
В тот день весь мир покажется тюрьмою.

Без друга жизнь бездарна и пуста,
С друзьями можно жить и в лихолетье,
Коль перед другом совесть не чиста,
Уж лучше б и не жить на белом свете.

Мчит бытия стремительный поток,
Порой мы тонем в суете напрасной.
Кто верным другом был и дом берег,
Тот прожил жизнь и чисто, и прекрасно.

ПАМЯТЬ

Уже лет десять или даже боле
Не видел я родимого угла.
Мои следы песок засыпал в поле,
Моя тропа травую поросла.

Я на стволе чинара молодого
Свое когда-то имя начертил.
Но, словно рана, затянулось слово,
И ствол окрепший слово позабыл.

За этот срок мой край переменялся.
Наш старый мост разрушила вода,
Из земляков кто умер, кто женился,
Кто прочь ушел неведомо куда.

Смешно несправедливость видеть в этом,
Никто не остается молодым.
Закон извечный движет белым светом, -
Кто отжил век, сменяется живым.

Но неужели занесло песками
Все прошлое мое, как в поле след,
И поросло сплошными сорняками
Все то, что сделал я за много лет?

Ужели место занято другими,
И позабыт я в отчей стороне,
И, словно на чинаре, стерлось имя
В сердцах людей, поныне милых мне?

Ужель от юности моей зеленой
На свете не осталось ничего,
И рухнул мост, когда-то наведенный
К сердцам людей от сердца моего?

Безжалостна и неподкупна память.
Ей нас судить своим судом. Она
Изо всего, содеянного нами,
Лишь истинное оставлять вольна.

Ты плакала, ты мой ловила взгляд.
Ты так искала этого свиданья,
А я глядел, как небеса горят,
И думал о величье мирозданья.

Сегодня я один в своем дому,
Ты далека, я сам все смял и спутал.
Что мирозданье мне, что я ему?
Пришла бы ты ко мне хоть на минуту.

В весенний день — осеннее ненастье.
И зябко мне, как будто ночь пришла.
Сирень вот-вот накликает несчастье.
Душа печальна. Дума тяжела.

Настанет ночь. Среди листочков ранних
Лучи далеких звезд текут ко мне,
И зыбко утомленное сознание,
Как трепет звезд в холодной вышине.

И гнутся кроны тополей, как будто
Копье батыра, павшего в бою.
В мелканье теней различаю смутно
Сны девушки одной, а сам не сплю.

Вокруг меня молчание чужое.
И ни одна строка на ум нейдет,
Но изменить не в силах ничего я,
Когда весною осень настает...

ТЫ ПО ВЕСНЕ НЕ ЗАСКУЧАЛА?

В цветущий сад забрел сначала,
Потом в степи искал следы...
Не от твоих ли щечек ало
Повсюду вспыхнули цветы?
Нигде не встретилась мне ты.
Ты по весне не заскучала?

Творческая встреча с читателями.

Переводчик "Божественной комедии" Данте А. Арипов
с итальянскими коллегами. Рим.

Абдулла Арипов с женой Ханифой-Ханум.

Абдулла Арипов с детьми: сыном Ильхомджаном и дочерью Рухсорахон.

От горьких мыслей отвлекала
Гор отдаленных вышина.
Потом ты снова возникала,
И вновь я видел - не она...
Мы одиноки - я, весна.
Ты по весне не заскучала?

Победно песнь одна звучала
В шиповнике, а между скал
Летела лань. Вода журчала,
Поток стремительный сверкал,
Но взгляд мой лишь тебя искал.
Ты по весне не заскучала?

Я звал, но ты не отвечала.
Грущу наедине с весной.
Дарю цветы кому попало -
А я их нес тебе одной.
Ну почему ты не со мной!
Ты по весне не заскучала?

ОБЛАКО

Чем было это облако сначала?
Прозрачным озерцом в краю у нас.
Вода о дальних странствиях мечтала,
И белым облаком на небе стала,
И в дальний путь отправилась тотчас.

Что надо делать, облако не знало,
Но за пустыни и за перевалы
Она легко уплыло наугад.
Поплыло вдаль и вскоре заскучало
И думать стало о пути назад.

А ветры облако куда-то гнали,
И облако заплакало в печали
И с неба наземь пролилось дождем,
И капли влаги землю напитали
И стали ручейком в краю чужом.

Бежит ручей по незнакомым скатам
И в камни тычется подслеповато
В своем далеком горестном пути.
Он бьется в берега, течет куда-то
И все не может родину найти.

МИР ЗЕМНОЙ

В далеком прошлом вижу дом родной,
Где годы детства быстро пролетали,
Где бойко и почтительно со мной
Когда-то сестры младшие играли.
Теперь я со слезами и тоской
Об этих милых играх вспоминаю -
И снова слышу детский смех живой,
Но как вернуться в те года, не знаю.
О мир земной, ты щедр и добр ко мне,
Но будь еще сестрою младшей мне.

Потом я понемногу подрастал
И старших братьев ощущал заботы,
Пока и сам им ровнею не стал
Среди веселья и среди работы.
Теперь я со слезами и тоской
Дни юности порою вспоминаю,
Когда тянулся к братьям всей душой,
Но как вернуться в те года, не знаю.
О мир земной, ты щедр и добр ко мне,
Но будь еще и старшим братом мне.

Как жаль, что нынче рядом нет отца,
Мне доброго совета не хватает,
Живого взгляда, острого словца —
Поддержки, что нам силы прибавляет.
Теперь я со слезами и тоской
Отцовские уроки вспоминаю —
Уроки жесткой нежности мужской,
Но как вернуться в те года, не знаю.
Ты щедр и добр ко мне, мой мир земной,
Так будь еще отцовски строг со мной.

Я мать родную рано потерял.
Оплакивая долгими ночами,
Я много лет по-детски горевал
О доброй, горячо любимой маме.
Теперь я со слезами и тоской
Ее глаза и голос вспоминаю
И чувствую ее ладонь щекой,
Но как вернуть мне это все, не знаю.
Ты щедр и добр ко мне, мой мир земной,
Так будь еще мне матерью родной.

Ветра осенние завывли в тишине,
Воспоминанья им отозвались.
Приди, моя любимая, ко мне,
Как паутина осени, спустись.

Пойдем с тобой в прохладу и в туман
За призрачным лучом ночной звезды,
Пусть ближний дождь и ветер дальних стран
Сотрут с тропинок наших ног следы.

За нами листья желтые летят,
Пытаются глушить шаги твои,
И нам сады так нежно шелестят,
Как тени, что вздыхают о любви.

Безбрежный мир нам нынче добрый друг;
Печаль и радость с нами заодно,
И осень ровно так горит вокруг,
Как сердце, что навеки влюблено.

* * *

Позовет меня дорога -
И уйду я вслед за ней
В даль от нашего порога,
От счастливых наших дней.

Ты, в окно пустого дома
Заглянув, увидишь там:
Кто-то вовсе не знакомый
Тихо ходит по коврам.

То присядет, то привстанет,
То на звезды поглядит,
То мечтать о чем-то станет -
Сам с собой заговорит.

Может, ты его откликнешь
Старым именем моим,
А со временем привыкнешь
Разговаривать с чужим.

Утомительно и странно
Наша будет жить любовь,
Как невидимая рана
Нарывая вновь и вновь.

И, на улице встречаясь,
Будем мы обречены
Расставаться не прощаясь
И казниться без вины.

Нет, не верю в охлажденье,
В рознь, в забвенье наконец —
В медленное отчужденье
Прежде любящих сердец.

* * *

То громче о любви он пел, то тише.
Пел весело, он в пенье был умел.
И радовались все, кто песню слышал,
За исключением той, о ком он пел.

Пел о любви певец, пел о печали,
Он упивался тем, что петь умел.
Все слушавшие слезы утирали,
За исключением той, о ком он пел.

Но вот он песню спел не столь умело,
Спел песню о любви, что сердце жгла.
Он людям пел о том, что наболело...
Тогда к певцу любимая пришла.

ЧЕЛОВЕК НАШЕГО ВЕКА

История встает передо мною,
Как путь смертей и зол из века в век,
Но, не теряя общности с землею,
Растет от века к веку человек.

Борясь со всем, что жить ему мешает,
Стремится он к неведомой звезде
И тем себя над миром возвышает,
Что верит не печали, а мечте.

Рукам его дана большая сила,
Душе неуспокоенность дана.
Не это ль по земле его носило,
Влекло в дорогу и лишало сна?

То он поставит на ноги больного,
То на лодчонке в Арктику уйдет,
Чтоб со слепой судьбой схватиться снова
И выиграть сражение в свой черед.

То думаю нелегкой тяготится,
То распевает гимны в дни весны,
То в звездное пространство устремится,
Чтоб облететь разок вокруг Луны.

Чего он ищет? Самоутверденье?
Чтоб целый мир у ног его лежал,
Ждал от него трудов и поощренья
И только лишь ему принадлежал?

И то, и это - все ему желанно,
И он всего добиться норовит,
Чтоб все постичь, и жадной первозданной
Его душа по-прежнему горит.

Когда-то люди ждали бед от неба,
Друг друга в битвах тщились сокрушить,
И заменял мечту кусочек хлеба,
И заменяла счастье жажда жить.

Задавленные страхом и страданьем,
Народы народились и ушли,
Передоверив власть над мирозданьем
Нам - нынешним владельцам земли.

ТЕЛЕФОННАЯ КНИГА

Люблю листать я книги в тишине,
Любая книга - со своей судьбой.
И книга телефонная лишь мне
Жжет пальцы и в душе рождает боль.

Она хранит знакомых имена.
Вот этот нынче честен, как и был.
А этого, как видно, Сатана
За медный грош купил да и сгубил.

Вот бывший друг. Он гордым нынче стал,
Свой номер телефонный изменил.
Он от меня, что надо ему, взял
И навсегда мой адрес позабыл.

А этот с прошлым навсегда порвал.
Он стал, как говорят сегодня, крут.
У друга, с кем когда-то бедовал,
Спросил: "Ты кто? И как тебя зовут?"

Вот с этим бедняком я был знаком.
Но много лет я не встречался с ним.
И, чуя стыд, я чую в горле ком.
Ужель и сам я сделался другим?

Нет, нет. Я навещу вас, кто мне мил.
Беда другая мне навек дана —
В той книги, словно холмики могил,
Друзей покойных стынут имена.

Где нынче их небесные пути?
Где братьев моих чистые сердца?
Их нет. Но ты им звездами свети,
Дорога без начала и конца.

Им не вернуться в наш жестокий мир,
Где жизнь и в лютой горечи сладка,
Где бесконечно дорог каждый миг,
Как в этой книге каждая строка.

Не вычеркну ни строчки, не сотру.
Не ведая зачем и для чего,
Рукой дрожащей номер наберу.
— Алло, — со звезд услышу. — Вам кого?

КАРАГАЧ

Иду к ручью, устав от неудач.
Иду к тебе, мой старый карагач.

Пусть я пою, пусть бессловесен ты -
Мы родственники средь мирской тшеты.

Но люди сень твою благодарят,
Меня ж за доброту они корят.

Ответь мне шумом вековых ветвей,
Как жить на свете с участью моей?

Давай меняться. Станем над ручьем
Ты — человеком, я - карагачом.

Чтоб ты, всю жизнь меня благодаря,
Однажды на костре спалил меня.

СТАРЫЙ ЧАРЫК

Шипит шашлык. Сиянье плов лучит.
До дастархана щедрого ты дожил.
А помнишь пшенку детства? Бедный быт?
Чарык свой старый с дыркою в подошве?

Простой обувки кожаная нить.
Лик нишеты, теперь уже далекой.
Он мудрость мира смог в себя вместить
И стал мне лучше тысячи уроков.

Вознесся ты. Тебе хвалу поют.
Ты всюду слышишь в дружбе уверенья.
Но лжив успех. И все его ступени,
В любой момент сломавшись, предадут.

И все тебя покинут в этот миг.
Никто тебя в несчастье не услышит.
Лишь радостно, рот до ушей открывший,
Тебя он встретит, старый твой чарык.

ДВЕ КРЫСЫ

Чтоб выяснить, кто важный, кто не важный,
Из норы две крысы вылезли однажды.

Одна пищит: - Вот здесь земля моя.
Другая: - Нет, это моя земля.

Слова хвастливы. Но без лишних слов
Содрал с них шкуру ловкий крысолов.

Нет мудрой басни в том, что я сказал.
Земля, она для всех один Сезам.

Не разделяйте меж собою землю,
Чтоб кто-то ловкий шкур с вас не содрал.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

— Не обвиняй, - сказали бедняку. -
Бери богатство, что тебе не снилось.
Бедняк ответил: — На моем веку
Любых богатств превыше справедливость.

Спросили перед смертью богача:
— Что золоту б вовек не покорилось?
В ответ прощальный шепот прозвучал:
— Бедняк, который ищет справедливость.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Ты жалостью своей не унижай поэта.
Он голоден порой. Но дело ведь не в этом.
А дело в том, пойми, что в мире есть любовь.
И лишь она ведет его по свету.

* * *

В единообразии мир был бы пресен.
Различьями, друг мой, сей мир интересен.
На умного создано сто дураков,
Чтоб не нарушался закон равновесья.

* * *

По свету разошлись мои стихотворенья.
Мне честно их писать мое велело время.
Но как в сердцах людей живется нынче им,
Где рыночный закон стал времени веленьем?

Когда-то он мудрых не слушал советов.
Приветы людей оставлял без ответа.
Теперь всей душою привета он ждет.
Но нет ниоткуда ни слова привета.

Слова их — ложь. Коварство — их прикрытье.
И трус, и клеветник в их подлой свите.
Но если всех их тоже создал Ты,
Кого винить мне, о Аллах!? Кого винить мне?

* * *

Правдивому будь другом неизменным.
Взлетающему небом стань нетленным.
Пусть силы зла твоих боятся сил.
Будь для добра защитником бессменным.

Твои старанья, юноша, пусты.
К чему тебе трагичности черты?
Пускай умеешь ты, как я, смеяться,
Рыдать, как я, еще не можешь ты.

ТОЛПА

Когда повешен был Машраб, скажи, где ты была?
Когда расстрелян был Чулпан, ты сладко ли спала?

Спросила ль ты, куда пропал однажды Кадыри?
Была ль щитом, когда беда шла на края твои?

Вершил палач неправый суд. Но именем твоим.
Он именем твоим свою историю творил.

Ты что? Ты кто? Откуда сил полны твои кнуты?
И зрелищ смутных колдовство зачем так любишь ты?

С бездонной горечью в душе гляжу, как ты слепа.
Когда ж народом станешь ты, безликая толпа?

НЕ СМЕЙТЕСЬ

Смеяться над голодным не посмейте.
Вдруг вправду не под силу ему труд.
Над некрасивой женщиной не смейтесь -
Вдруг розы в сердце у нее цветут.

Того же, кто к столам чужим пристрастен,
Не подпускайте к своему столу.
И чья душа всю жизнь у лжи во власти,
Тому не наливайте пиалу.

ТОСКА

Не надо ни римов ему, ни парижей,
Ни всех океанов. Он так говорит:
— Хоть день я детишек своих не увижу,
Тоска, ох, тоска мое сердце томит.

Бедняга был сломлен смертельным недугом.
Но все же в рассудке, спокоен на вид,
Сказал: — Безысходно грустны мои думы.
Тоска, ох, тоска мое сердце томит.

И в час роковой он смирился со смертью.
Но все же сказал, уносясь к вышине:
- Одно меня мучит — несчастные дети.
Теперь их изложет тоска обо мне.

БАЛЛАДА О НЕСПЕШНОСТИ

Мой верблюжонок, не спеши, ступая по земле.
Земля сама, не торопясь, вращается во мгле.

Взгляни на звезды, не спеши, на вечный небосвод.
Прислушайся, как, не спеши, рубаб в ночи поет.

Ходи неспешно среди могил. Задумчиво ходи.
А ждешь любимую свою - неторопливо жди.

И не спеши цветы срывать, а погляди тайком —
Любой бутончик, не спеши, становится цветком.

Кто предок, кто потомок твой, подумай, не спеша.
Пусть всем, что есть, не торопясь, наполнится душа.

И всем "я полная река" поспешно не скажи.
И океаном тоже стать не очень-то спеши.

Неверным будет приговор, коль с ним ты поспешишь
Спеша, кто человек, кто нет, ты в жизни не решишь.

И друга выбрать не спеши, чтоб другом стал навек.
Я сам когда-то поспешил, назвав друзьями всех.

Но и врага среди людей, спеша, не выбирай.
Душа - алмаз. Неспешность в ней - прекраснейшая гра

Ведь деды наши, не спеша, учили сыновей:
- Царь-птицу тот поймает в сеть, кто не спешит за не

Жаль, наша жизнь сама спешит. И что уж делать тут?
Ее, наверно, оттого не вечною зовут.

Однако может миг настать, которого не ждал.
В тот миг забудь, о чем мечтал, и все, чего желал.

В тот миг стань лука тетивой. Забудь уютный дом.
В тот миг себя ты ощути готовым к схватке львом.

Забудь сады, где соловьи. Любимую забудь.
Друзей, что пьют вино, оставь. Седлай коня - и в пут

Коль слышишь - стонет твой народ, о помощи прося,
В тот миг - запомни навсегда - быть медленным нельз

Быстрее ветра в поле мчи. Пусть Бог тебя хранит.
Спеши к народу своему. Не опоздай, джигит.

СОВЕРШЕНСТВО

Всем нравиться ты хочешь? Извини.
Такого друг мой, в жизни не бывает.
Вокруг себя внимательно взгляни -
В любом из нас чего-то не хватает.

НЕ СМЕЙТЕСЬ

Смеяться над голодным не посмейте.
Вдруг вправду не под силу ему труд.
Над некрасивой женщиной не смейтесь -
Вдруг розы в сердце у нее цветут.

Того же, кто к столам чужим пристрастен,
Не подпускайте к своему столу.
И чья душа всю жизнь у лжи во власти,
Тому не наливайте пиалу.

ТОСКА

Не надо ни римов ему, ни парижей,
Ни всех океанов. Он так говорит:
- Хоть день я детишек своих не увижу,
Тоска, ох, тоска мое сердце томит.

Бедняга был сломлен смертельным недугом.
Но все же в рассудке, спокоен на вид,
Сказал: - Безысходно грустны мои думы.
Тоска, ох, тоска мое сердце томит.

И в час роковой он смирился со смертью.
Но все же сказал, уносясь к вышине:
— Одно меня мучит — несчастные дети.
Теперь их изложет тоска обо мне.

БАЛЛАДА О НЕСПЕШНОСТИ

Мой верблюжонок, не спеши, ступая по земле.
Земля сама, не торопясь, вращается во мгле.

Взгляни на звезды, не спеша, на вечный небосвод.
Прислушайся, как, не спеша, рубаб в ночи поет.

Ходи неспешно среди могил. Задумчиво ходи.
А ждешь любимую свою — неторопливо жди.

И не спеши цветы срывать, а погляди тайком -
Любой бутончик, не спеша, становится цветком.

Кто предок, кто потомок твой, подумай, не спеша.
Пусть всем, что есть, не торопясь, наполнится душа.

И всем "я полная река" поспешно не скажи.
И океаном тоже стать не очень-то спеши.

Неверным будет приговор, коль с ним ты поспешишь.
Спеша, кто человек, кто нет, ты в жизни не решишь.

И друга выбрать не спеши, чтоб другом стал навек.
Я сам когда-то поспешил, назвав друзьями всех.

Но и врага среди людей, спеша, не выбирай.
Душа — алмаз. Неспешность в ней — прекраснейшая фань.

Ведь деды наши, не спеша, учили сыновей:
- Царь-птицу тот поймает в сеть, кто не спешит за ней.

Жаль, наша жизнь сама спешит. И что уж делать тут?
Ее, наверно, оттого не вечною зовут.

Однако может миг настать, которого не ждал.
В тот миг забудь, о чем мечтал, и все, чего желал.

В тот миг стань лука тетивой. Забудь уютный дом.
В тот миг себя ты ощути готовым к схватке львом.

Забудь сады, где соловьи. Любимую забудь.
Друзей, что пьют вино, оставь. Седлай коня - и в путь!

Коль слышишь - стонет твой народ, о помощи прося,
В тот миг - запомни навсегда - быть медленным нельзя.

Быстрее ветра в поле мчи. Пусть Бог тебя хранит.
Спеши к народу своему. Не опоздай, джигит.

СОВЕРШЕНСТВО

Всем нравится ты хочешь? Извини.
Такого друг мой, в жизни не бывает.
Вокруг себя внимательно взгляни -
В любом из нас чего-то не хватает.

И это неизменно в нас вовек.
Но не спеши. Путь к истине не краток.
Вот вроде совершенный человек,
И все ж в нем есть какой-то недостаток.

За что, мой Боже, я не идеал?
За что лишен я этого блаженства?
— Когда бы стал ты сын мой, совершенством,
То я бы никому не нужен стал.

ПОЖЕЛАНИЕ ОТЦА

Не надо от тебя мне, мой родной,
Богатства дома, роскоши ковровой.
Достаточно мне, сын любимый мой,
Чтоб рядом ты ходил живой-здоровый.

Щитом не будь мне, коль придет беда.
Достаточно, чтоб ты под нашим кровом
В тот день, когда усну я навсегда,
Стоял бы надо мной живой-здоровый.

УЛЕТАЮЩИЕ ПТИЦЫ

Птиц перелетных скрылась в небе стая.
Перо в руке. Пустая синева.
Вдаль улетела молодость шальная.
Осталась в жизни горечь — трын-трава.

Но все же ты не говори жестоко,
Что от любви осталась лебеда,
Ведь поцелуи юности далекой
С губ наших не исчезнут никогда.

ПРЕДАННЫЙ

В сыпучих пламенных песках, в глубинах гор крутых
Мерцает золото, блестит бесценная руда.
Но если кто-нибудь с трудом не добывает их,
Какой, скажите, толк от них, укрытых навсегда?

Вон конь стремительный летит, поэтами воспет.
Он может звезды гривой сбить у неба на краю.
Но если всадник неумел и неумел поэт,
Откуда слава вдруг придет к прекрасному коню?

Без мудреца не разгадать загадок вековых.
Без капитана кораблю конец, когда штормит.
Но коль правитель, век трудясь, не ищет благ своих,
В стране его народ спасен, и торжествует мир.

Я знаю, верую всегда, что много в мире есть
Друг другу преданных людей - от хижин до дворца.
Лишь труд и правда - их закон, основа жизни - честь.
Все оттого, что вечный Бог им осенил сердца.

Да будет жизнь посвящена извечной доброте.
Пусть каждый достигает цель, благодаря труду.
Будь Человеком, человек, всегда, во всем, везде,
И Вечность жизни над тобой зажжет свою звезду.

* * *

Еще впереди все счастливые дни,
Мечты станут явью, удача придет,
И лучше песни - споются они,
А все то, что было, пока что не в счет.

Еще впереди боль моя и печаль,
Разлука с тобою, судьбы перевал.
И, право, тому я поверю едва ль,
Кто молвит, что в жизни он все повидал.

Цветок на цветок ни один не похож,
И каждая тайна - грядущего нить...
Когда все узнаешь, увидишь, поймешь,
Не сможешь уже удивляться и жить.

* * *

Мой кишлак ладонью древних гор
От песков укрыт и холодов.
По весне сады ласкают взор,
Сердцу дарят музыку стихов.

Красоту, рожденную в трудах,
Заповедной называю я.
Счастлив, кто услышал в тех садах
На рассвете трели соловья.

Вы, друзья, в наш заходите дом.
Сладость слов, плодов медовость - вам.
Доброе приветствие "Салом" -
Словно вешний ветер по садам!

ВЫСШЕЕ БЛАГО

Притча

Раз какой-то султан сильно занемог,
Задрожал, пожелтел, высох, как листок.

Еле-еле дышал и не спал ночей,
Все испробовал зелья, хитрости врачей.

Ох, не дай Бог кому-то это испытать,
Оставалось на чудо только уповать.

И когда, как младенец, стал совсем он слаб,
В дом вошел, поклонился ему верный раб.

Произнес: "Чем могу я, господин, помочь?"
А султан знак лишь подал: "Ты ступал бы прочь..."

Раб смиренный больному взялся угождать.
День прошел - и правитель крепок, бодр опять.

"Раб, меня ты избавил от большой беды,
Так проси что угодно за свои труды!

Знай, тебя я осыплю златом-серебром,
И коня дам впридачу, и отдельный дом.

Подарю и невесту, справлю торжество,
Для тебя мне не жалко, братец, ничего".

Раб сказал: "Жизнь бесценна. Верно. Это так.
Исцелял я с молитвой тихой на устах.

От души постарался, сделал все, что мог.
А награда - богатства, золота мешок?

Это все преходяще, вы понять должны.
Мне бы то, что превыше золота цены..."

И султан удивился: "Называй смелей,
Знай, не будет предела щедрости моей!"

Раб в ответ: "Есть такое, главное из благ.
Был я в цепи закован, брел и бос и наг.

И в палящей пустыне я мечтал о том,
На ветру стылом, зимнем, в капище пустом..."

"Назови, что желаешь! — осерчал султан. —
Или сам то не знаешь?!" - прокричал султан.

Молвил раб: "Вот желанье высшее мое:
Это — воля, свобода. Дайте мне ее!"

ГОРА АРОФАТ

Из "Тетради хаджа"

У подножья священной горы Арофат,
Где сходились земные и звездные дали,
В одеяниях белых свершая обряд,
Книгу жизни несметные толпы листали.

"Судный день - что такое?" - меня ты спросил.
Я увидел его на пути к Арофату.
И слезою горячей песок оросил,
Сердцем чувствуя истины свет незакатный.

Отрешившись от всякой мирской суеты,
Перед Богом паломники все представляли,
И шептали молитвы здесь до темноты,
Очищались и души свои исцеляли.

Шли калеки, и старцы ступали едва,
Вездесущего слава, моля о спасенье.
Дней и прожитых лет осыпалась листва.
Жизнь моя, ты в одно уместилась мгновенье.

И тогда же грядущего Судного дня
Мне по воле Аллаха картина явилась:
Словно море кипело живого огня...
Я прошел испытанье, и в том — Его милость!

В мире висится много руин вековых -
Войн и распрей отметин, потоков шальных.

На старинных кладбищах руины стоят,
И надгробья разбитые сложены в ряд...

Ветры лет не минуют людей стороной,
От обид разрывается сердце порой.

О юнец, не смотри мне с улыбкой вослед,
Те руины печально зовутся: поэт.

ПОЖЕЛАНЬЕ МОЕ

Пожеланье мое — пусть до срока не гаснет свеча
И горит, как звезда, не дымя, не чадя, не горча...
Кто родился чинарой, чинары пусть век проживает,
В жилах кровь пусть не стынет, течет молода, горяча.

ОТКУДА ЗНАЕШЬ ТЫ?

Откуда знаешь ты, что эти звезды
О тайнах мира шепчут мне в ночи?
Откуда знаешь ты, что эти зесны
Поют мне песни — как звенят ручьи?..

Откуда знаешь ты, как мир огромен?
Ведь это я лечу на скакуне,
А ты, с детьми оставшись в нашем доме,
Тревожишься и плачешь обо мне...

СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКА

Сердце человека - не шутите с ним,
В нем душа народа, в нем - его язык.
Ведь слова мы прежде сердцем говорим.
И отцов завет в нем, чистый, как родник.

Сердце человека - не шутите с ним,
В нем священный образ матери живет.
В сердце свет Отчизны, ярок, негасим,
Утром вновь разбудит - будто бы восход!..

ПОЖЕЛАНИЕ

Мамы, сестры, старшие и младшие,
Вам скажу за праздничным столом:
- Милые мои: пусть полной чашею
Будет ваш просторный, добрый дом.

Мамы, сестры, старшие и младшие,
Пойте о заветном, о своем.
Песни, что созвучны счастью вашему,
Слышатся пускай в краю родном.

Мамы, сестры, старшие и младшие,
Гордо свое имя вы несли,
В этой жизни много испытавшие,
Дай вам Бог удачи и любви.

Мамы, сестры, старшие и младшие,
Долг святой - в стихах восславить вас.
Нам свое дыханье передавшие,
С нами вы и в наш последний час.

ПТИЦЫ - ГОДЫ

Птицы, шумно вспорхнув, улетели,
А в руке моей - перышко, малость.
Юность... Годы прошли. Неужели
Это все, что со мною осталось?

Я живу, о былом не горя,
Хоть и солнце заходит. Усталость.
На губах - вкус того поцелуя,
Навсегда его сладость осталась...

* * *

На белом свете мудрость есть одна,
О самом важном говорит она:
Чтоб в жизни был счастливым жребий твой,
Должно быть мирным небо над страной.

Но чтоб страна, где ты живешь, цвела,
Могуча, изобильна и светла,
Ты с юных лет и до последних дней
Будь верным сыном Родины своей!

АВИЦЕННА И СМЕРТЬ

Поэма

1

В далекие седые времена,
тысячелетье целое назад
под Бухарой, в селенье Афшана,
рос мальчик, красотой чаруя взгляд.

Мать и отец в степи стада пасли,
суть жизни находя в делах своих,
и объяснить навряд ли бы смогли,
за что так жизнь вознаградила их.

Сынок им все невзгоды оплатил,
он, их любовью явленный на свет,
хоть из простой семьи происходил,
хакимом звался с самых ранних лет.

Когда природа, люди говорят,
к кому-нибудь невиданно щедра,
ее не оттолкнет простой наряд
и скромность небогатого двора.

Воздаст она талантом и умом
возлюбленному сыну своему, —
избрав из всех его обычный дом,
жар-птицей счастья явится ему.

Богат душой хаким был с юных лет,
жил вольно, как сама природа-мать,
и вот — большой табиб он и поэт:
лечить умеет и стихи слагать.

Любой, кто был хакимом исцелен,
еще любил его за добрый нрав.
Лекарство в каждой травке чуял он,
во всех лекарствах чуял запах трав.

Трудами были дни его полны,
отказывать не мог он никому.
И стал он украшеньем Афшаны,
со всей округи люди шли к нему.

А жизнь его слагали явь и сон,
привычность бытия и дум полет,
и выбрал сердце Человека он
предметом размышлений и забот.

Но все ж судьба его спала пока.
В грядущем — все великие дела.
И пыльная дорога кишлака
мучительно куда-то вдаль звала.

2

Однажды весть пришла издалека,
что в Бухаре больна владыки дочь,
прекрасная принцесса Малика,
и знахари не в силах ей помочь.

Угрюмой стала, дерзкой, грубой, злой,
и никого не слушает она,
всех без разбору гонит с глаз долой,
листает книжки, сидя у окна.

А каково на дочь смотреть отцу?
Отец-эмир в тревоге и в тоске.
И лекаря отменного гонцу
приказано доставить к Малике.

И вот хакима во дворец ведут,
к той, что горит в неведомом огне...
И минареты стройные плывут
куда-то мимо, тая в вышине.

У врат дворца джигит табиба ждет.
"Я - сын визиря, - говорит. - Мирзо.
Любовь к принцессе мое сердце жжет...
Больной она сказалась мне назло.

Я предложил ей руку... Я, Мирзо!
Дай зелья ей, заморожи, табиб,

чем хочешь, но девчонку урезонь,
чтоб сочетаться браком мы смогли 6L"

Был этой речью поражен хаким.
Не ведал, для чего он зван сюда.
Хоть повидал немало, но с таким
он не встречался в жизни никогда.

И он впервые пожалел себя,
и мир на миг каким-то жалким стал.
Мирзо как будто взглядом просверля,
Али бесстрастно юноше сказал:

"Больную осмотреть мне надлежит..."
По мраморным ступеням поднялись.
Там открывался величавый вид
громадных сводов, устремленных ввысь.

Толкнули изукрашенную дверь,
и что-то замерцало в глубине...
И сухо заключил хаким: "Теперь
оставьте нас с больной наедине..."

3

"Что человек? Из глины сотворен.
Чтоб глиною такой же стать потом..."
Так думал и хаким... Впервые он,
войдя в покои, усомнился в том.

Сияли камни там в огне свечей
на полках, вставших в ряд до потолка,
и свитком удивительных лучей
сквозь занавес сияла Малика.

Цветком необычайным, дорогим
воздушный образ девушки возник.
И словно чудо увидал хаким
и перед ним оцепенел на миг.

Взор Малика от книги отвела.
"Ты кто? Ты тоже знахарь? Отвечай!" -
так поглядела, - будто бы прожгла
хакима безысходная печаль.

И понял он, как девушка нежна
душой, с которой грубый мир жесток,
как одинока, замкнута она -
незащищенный маленький цветок.

Сказал хахим: "Прошу простить, меня,
я - лекарь, но лечу не так, как все.
Вам нужен муж, чтобы в расцвете дня
не дать увянуть молодой красе!"

Так он сказал. И смех раздался вдруг,
и вспыхнул свет во взоре озорном.
"Нет, Малика, я говорю, как друг.
Вам замуж надо выйти. Но притом..."

Лишь по любви!.."

Умолк внезапно смех,
Застыл живой ручей из серебра...
"Табиб, ты вправду не похож на всех.
Таких не знает наша Бухара..."

В глазах принцессы - прежняя тоска.
Но что-то в них - как лучик на заре...
И повелела тихо Малика:
"Останешься табибом при дворе!"

Печальный взгляд, души безмолвный стон,
и боли не доверишь никому...
Хахим согласен, только просит он
к библиотеке доступ дать ему.

4

Исполнил волю дочери эмир,
и цели без преград хахим достиг,
как птица, что с высот глядит на мир,
как кит, что океаном плыть привык.

В библиотеке - древние тома,
к наукам и стихам открыта дверь.
Сокровища бесценные ума
доступны стали для него теперь.

Он часто ночи проводил без сна,
но главная задача жизни всей
была ему покуда не ясна:
кто для науки он, что даст он ей?

А между строк больших и мудрых книг,
гласивших, что рожденных путь - во тьму,
читал незаурядный ученик
бессчетные "зачем?" и "почему?".

Зачем живем, раз все умрем потом?
Так думал он... И сразу же просил
смиренно у всевышнего о том,
чтоб мысли эти грешные простил.

Он звездными ночами по весне
мечтал у затемненного окна:
"Когда б найти от смерти средство мне,
суть истины открылась бы сполна!"

Так шли в трудах познания дни его.
А если отдохнуть хаким хотел,
в родную Афшану, где дом его,
где мать, на крыльях радости летел!

Его любила слава, но служил
хаким не ей... Отыскивая нить,
что к истине вести должна, решил
он собственную книгу сочинить.

Из океана знания собрать
жемчужины, ценней которых нет,
и уложить подряд в свою тетрадь,
и людям протянуть сквозь бездну лет.

5

Молитву предков сотворил хаким,
но лишь коснулся он карандаша,
вошла служанка, объявив, что с ним
поговорить желает госпожа.

Взволнованною поступью вплыла,
остановившись возле стеллажей,

та, что с хакимом так добра была.
И голову склонил он перед ней.

Какой-то томик наугад взяла,
рассеянно перелистав его,
вдохнула и чуть слышно изрекла
заветное для сердца своего:

"Табиб, ты о любви, забыв Коран,
мне говорил...

Но существует он!.."

Как якорь в воду бросивший корабль,
застыл хаким, весь в думу погружен.

То был укол невидимой иглы,
упрек слепой судьбе - из женских уст,
боль Бухары, луч света в море мглы,
неразделенность обреченных чувств.

И смело продолжала Малика:
"Чтить мусульманке не дано любовь...
Но что же делать, если велика,
как океан, она пьянит нам кровь?"

Росла принцесса во дворце.

Она

виновна ли, что, совершенством став,
естественною жаждою больна
любви,

веков нарушила устав?

Что ей хаким ответит?

Молод он.

Не знает он, как ей помочь суметь...

"Две вещи, - говорит, слегка смущен, -
мне непонятны: боль любви и смерть".

За стеллажами что-то в этот миг
обрушилось, и воздух сотрясло
внезапным громом...

Из-под груды книг
в углу возник растерянный Мирзо.

Смушен Мирзо.

Лицо его горит.

Зачем он здесь?

Что скажет им двоим?

"Я книги... здесь... читал", - он говорит,
хотя не верит сам словам своим.

Принцесса на Мирзо глядит в упор.

В усмешке и в глазах таится взрыв.

"Стремитесь к свету вы?

С каких же пор?!" -

и прочь уходит, резко дверь закрыв.

6

Бессилен перед чувствами любой.

Но что тоской Мирзо сжимало грудь?

Владела им не чистая любовь,

К престолу он стремился, — вот в чем суть.

Всю ночь не спал он...

"Ах, как далека, -

хоть кажется: лишь руку протяни! -

прекрасная принцесса Малика!

И с кем она свои проводит дни?

Невесть откуда взявшийся бахвал,

таиб теперь ее сердечный друг.

А может, и кумиром тайным стал?

А может быть, и трон захватит вдруг?

Нет, надо что-то делать..."

Поутру,

спеша, Мирзо к хакиму держит путь.

"Я даже и следы его сотру!

Я - сын визиря, а не кто-нибудь!..

Но все ж в почете этот господин,

он — у порога трона.

Шутки с ним,

конечно, плохи.

Способ лишь один:

не устоит пред золотом хаким!"

И вот, как будто другу - не врагу,
с улыбкой говорит Мирзо врачу:
"Довольны мы тобой..."

И мы в долгу.
Я отблагодарить тебя хочу.

Твой — этот кошелек.

Но только так:
взяв золото, ты в благодарность мне
немедленно ступай к себе в кишлак, -
здесь пробыл ты достаточно вполне..."

Уйти от книг?!

Монеты — пустяки!
Богатство - это мудрость сотен лет...
"Я во дворце - по воле Малики.
Лишь ей решать, уйти мне или нет".

Мирзо сказал с улыбкою, что рад
намереньям ученого благим.
Он, извинившись, отступил назад,
и углубился в чтение хаким.

Но ровно в полночь в мир враждебный книг,
завистливым умишком недалек,
Мирзо, как подлый вор, тайком проник
и кинул в шкаф горящий уголек.

7

Никто не знал, как тот огонь возник,
что над дворцом безжалостно взметен,
но тянет свой раздвоенный язык
уже к соседним минаретам он.

В огонь хаким из кельи в полусне
кидается в недобрый этот час.
Но поздно!

Книги сгнули в огне,
лишь рукопись свою он чудом спас.

Глядит на то, что пеплом стало вмиг,
хотя в себя вмещало целый мир!

А на рассвете в храм сгоревших книг
приходит страж: хакима ждет эмир.

Табибу ясно: на него позор
и ужас подозрения падет.
Эмир в хакима вперил гневный взор
и речь такую в ярости ведет:

"Мы думали, что ты - наук знаток,
а ты - безбожник, негодяй и плут!
Ответь же нам, зачем ты так жесток?
Зачем поджег ты мудрости приют?"

Да, на хакима пала та вина,
под тяжестью ее он горько сник.
"Свидетель Бог, что мне была важна
лишь слава Бухары - храм мудрых книг!"

Грядущее написано на лбу
у каждого, и, что меня ни ждет,
безропотно приму свою судьбу,
но кара все ж виновников найдет!.."

Не прояснится смутное само.
Беда к беде - и множится печаль...
Губитель книг - вот для того клеймо,
кто жизнь свою лишь им и посвящал!

Не книги, нет, - он сам в огне горит!
Ведь нарекли не зря его: хаким.
Он не привык к наградам - знаменит
лишь непорочным именем своим.

Стоит хаким, потупив скорбный взор,
молчит, не в силах ничего понять.
И прозвучал над ухом приговор:
"Табиба прочь из Бухары прогнать!"

8

Еще скандал вокруг не отзвучал
и не умолкли сплетни-шепотки,
Мирзо, - о, как об этом он мечтал! -
был приглашен в покои Малики.

Она была спокойна, но огнем
горел какой-то ответ на лице,
как будто отпечталось на нем
все, что случилось ночью во дворце.

"Ну что ж, Мирзо, ты своего достиг...
Но, чтоб не пала на тебя и тень,
зачем, скажи, в сокровищницу книг
ты заходил в злосчастный этот день?"

С Мирзо принцесса говорит не зло,
он с Маликой такую не знаком...
"Мне душу подозренье обожгло,
и я пробрался в этот храм тайком..."

О Малика, вы - солнце, роза роз,
он — лишь свеча, что освещает храм,
он нищий лекарь, беден, гол и бос...
Чем так пришелся он по сердцу вам?!"

"Мирзо, - сказала девушка, всплыв, -
всевышний, дав мне золото, и парчу,
и власть, был добр ко мне и справедлив.
Но я еще и мудрости хочу!"

Я - человек, и мне ли жить впотьмах,
ничем не потревожив спящий дух?
Он - царь познания, солнце - он, ты - прах,
он слушает и слышит, ты же - глух.

Все в Человеке!
Не отец, не мать -
он это мне открыл, досель слепой.
Не пробуй мою веру растоптать!
Она - из книг, что сожжены тобой..."

Мирзо сражен.
Смятенья не тая,
шепнул, залившись краскою густой:
"О наважденье!
Разве думал я,
что может быть и женщина святой!"

А девушка сказала: "Вот и все.
Мне - ждаться своей судьбы, своей поры.
Тебе же..."

Коль мужчина ты, Мирзо,
ты тоже уезжай из Бухары!"

9

Покинуть отчий край решил хаким.
Он на Джайхун глядит в последний раз.
Лишь верую в судьбу свою храним,
он в дальний путь отправится сейчас.

А если б веры не было такой,
иссох бы от печали человек...
В последний раз на мать глядят с тоской
глаза любви из-под усталых век.

Куда судьба табиба приведет?
Куда идет случайный караван?
Есть слава, но где счастье он найдет?
Но вот конец дороги: Хамадан.

И в тот же час — нет, в тот же самый миг! —
разнес повсюду караван-сарай:
табиб, что мастерством своим велик,
издалека приехал в этот край.

Господь джигиту дар табиба дал,
талантом редким наделил его.
И он лечить больных, увечных стал
и здесь, не отвергая никого.

Он больше не был замкнут и угрюм,
изгнанником не чувствовал себя.
Труд врачевал врача от тяжких дум!
Как видно, в том была его судьба.

С родных ветвей сорвавшийся листок,
он ощутил в далекой стороне,
что этот грустный край - его Восток,
все тот же самый, что и в Афшане.

А люди шли и шли - за рядом ряд,
и повторялись дни - за кругом круг...
И всех встречал его бодрящий взгляд
и доброта животворящих рук.

Записывал в тетрадку все хаким,
не брал он платы за свои труды.
И вот однажды паланкин за ним
прислал халиф...

Не будет ли беды?

10

Был в этот день визирем наречен
нездешний лекарь.

И, добро творя,
звездой на небе халифата он
взошел, свет сердца чистого даря.

Все получил он для своих трудов,
и лишь одно потребовали, чтоб
забыл он Бухару, свой отчий кров,
во славу здешних царственных особ.

Не мог хаким свой дом родной забыть.
Богатством не привык он дорожить.
К тому же цель свою он знал: добыть
секрет — как людям бесконечно жить.

Он столько разных изучал наук,
познания путь прошедший от начал,
что срок пришел — и на Востоке вдруг
одним из главных мудрецов он стал.

И понял смысл связующих причин,
он прозорлив умом, душою чист.
Он говорил, что организм един, —
вот так едины дерево и лист.

Познав роль нервов, он сказал: «Они —
первопричина болей всех и мук.
Увы, болезням и любовь сродни.
У всех она - свой собственный недуг...»

Одну мечту лелеял он, боясь,
что эти мысли — грех, да и какой! —
увидеть тело изнутри хоть раз,
вскрыть, ощутить, дотронуться рукой.

Он это представлял — и спать не мог,
и, в страхе потеряв остаток сил,
молился, чтоб великодушный Бог
свое творенье грешное простил.

На мироздание с гербом луны
глядел, его величием дыша,
и понимал: как люди ни сильны,
есть непреодолимость рубежа.

Он говорил: «Пред высшим судьей
и я, и смерть — смиренны, не храбры...»
...В тот день слуга, войдя в его покой,
сказал: «К вам гость...

Принять?..

Из Бухары...»

11

Услышал сердца собственного стук
хаким, и устремился он к дверям.
И словно бы замкнулся странный круг:
склоненного Мирзо увидел там.

Коленями он в пол как будто врос,
всем видом о прощении взывал...
Перед хакимом не скрывая слез,
он край его одежды целовал.

, И может быть, все дело было в том,
что часто сердце забывает зло:
хаким вдруг вспомнил милый отчий дом
и заключил в объятия Мирзо.

О горестях своих поведал гость,
как из дворца принцессой изгнан вон,
как нищим стал, как мыкаться пришлось,
как с конюхом своим скитался он.

И рассудил, вконец измаясь, так:
нет больше сил иного в жизни ждать!
Его спасет прославленный земляк,
лишь он приют скитальцу может дать!

...Лицо хакима озарилось тут.
«Сам Бог с тобою, что ни говори!
Так соверши всего один лишь труд —
и сколько хочешь за него бери!

На кладбище сегодня в ночь пойдешь
и на ночь принесешь сюда мне труп...»
От ужаса Мирзо забила дрожь,
хоть на посулы лекарь был не скуп.

«Хочу узнать секрет я...
Цель моя —
смерть победить...
Мне помощь окажи!
А после у себя оставлю я
тебя, — лишь в тайне это все держи!»

В ту ночь добился своего хаким,
луч новых знаний засиял во мгле:
был мертвый человек изучен им
и до рассвета возвращен земле.

А день был трудным...
Хоть и повезло
табибу, мрачен он...
Как только жив!
Не знал хаким, что конюха Мирзо
принес ему, коварно задушив.

12

Так и остался в тех краях Мирзо.
Земляк хакима — тем и славен он.
Какое там ни знал он ремесло,
но в круг мудрейших был он приглашен.

Став относиться как к ученику,
к науке приобщал его хаким.

Но понимал, ревнуя к земляку,
Мирзо, что не дано сравняться им.

«Безбожник из какой-то Афшаны
весь этот глупый мир потряс собой!»
Мирзо страдал, плохие видел сны
и спорил с неудавшейся судьбой.

Но сам он, как почти что каждый встарь,
был слеп душой и разуменьем мал,
и — не творенье божье — божья тварь! —
что есть сознание, мысль — не понимал.

Однажды пригласил его хахим
и, словно с другом, чей так важен суд,
поговорить решив серьезно с ним,
сказал, что завершил свой главный труд.

«Я понял, что такое человек,
и хоть мне это нелегко посметь,
я обращаю его короткий век
в жизнь без предела —
и да сгинет смерть!»

Стоят на полках сорок склянок в ряд.
Сказал хахим: «Лишь человек умрет,
немедля нужно изо всех подряд
на губы капать, соблюдая черед.

С последней каплей должен будет встать
покойник...

Не проверил я пока
лекарство.

Надо грех на душу взять,
нарушить то, на чем стоят века...»

Как будто кто небесный свет задул,
померкло все перед Мирзо в тот миг.
Подумал: «Лекарь он или колдун,
с ним только в ад дорога напрямик!»

Сказал хахим: «Тебе открыл я суть
того, что может изменить наш мир...»

И, даст Аллах, на мне когда-нибудь,
Мирзо, ты испытаешь эликсир...»

13

Весь Хамадан в себя прийти не мог
в тот день от вести, горестной до слез:
неведомый какой-то голубок
в селенье Багридаг беду принес.

И где б ни приземлился голубь тот,
покинувший безвестные края, —
там каждый Богу душу отдает.
Так погибает за семьей семья!

И прибыл в то селение хахим,
и повернул в волнении назад.
Погибли все...

Но как помочь другим,
чтоб их не отравил смертельный яд?

Лежали всюду трупы...

Суший ад!

От мора, коль не устранить его,
погибнет Хамадан, весь халифат,
погибнут люди — все до одного!

Велел хахим: «Живые нагишом,
оставив все свои пожитки тут,
немедленно пускай покинут дом
и вдалеке в землянках поживут.

И надо сжечь несчастный Багридаг,
зарывши пепел в землю глубоко!»
Ушедшие — ушли. Да, это так.
Но жить — живым, пусть это нелегко...

Хакиму ясно, как пришла болезнь:
разносчиков, что глазу не видны,
принес на лапках голубок...

Он здесь
нашел приют, не ведая вины.

Где подхватил заразу эту он?
Иль все не так?..

А если так, каков
существ мельчайших жизненный закон?
Иль нет для них препон, преград, оков?

Усталый возвращался в Хамадан
хаким.

Свою невольную вину
он чувствовал...

То был он в мыслях там,
в селе, то вспоминал он Афшану.

И вдруг как будто в тело мудреца
сто раскаленных игл вонзились враз.
«Мирзо!...»

Не доскакавши до дворца,
упал с коня, и свет в глазах погас.

14

Поднялся шум тревожный во дворце.
Ученики в покой его внесли.
И бледности на дорогом лице
без слов, спокойно видеть не могли.

Он приказал, не медля, всем уйти,
сказал, что будет сам лечить себя,
а в ночь, когда оцепенел почти,
позвал Мирзо...

«Ну вот, — сказал, — судьба!

Навстречу смерти начат мною путь.
Я вспомнил Бухару, родной предел...
И я хочу, чтобы не кто-нибудь,
а ты, Мирзо, со мною посидел.

Я расскажу тебе, чего хочу:
коль возвратит Аллах здоровье мне,
дервишем я отправлюсь в Урта-чуль,
я поброжу по всей моей стране...

И буду снова я стихи слагать,
и весь остаток дня тебе отдам,

любимая, единственная мать,
взамен прошедшим без меня годам...

Мирзо, как я подробно объяснял,
начни ж из склянок капать!..»

Сник хаким.

Мирзо с заветной полки склянки снял
и наклонился бережно над ним.

Животворящей влагою кропя,
за склянкой склянку он опустошал.
И испугался самого себя,
когда хаким внезапно задышал!

Мирзо поверить сам себе не мог,
как допустили это небеса?!
Одна осталась склянка...

Видит Бог, —
вот чудеса! — хаким открыл глаза.

И отшатнулся от хакима тот,
кто взялся в смертный час ему помочь.
Какой-то вихрь на части память рвет...
И завершить свой труд ему невмочь.

15

Как бы незримый перейдя порог,
шагнул к хакиму...

Злоба — в шелках глаз.

«Узнай меня! — он крикнул. — Я — твой рок,
твоя погибель, твой последний час!

Ты пел любовь, и по твоей вине
я Малики лишился, нищим стал.
О осквернитель трупов, руки мне
своей проклятой славой ты связал!

Откроюсь: я устроил тот поджог, —
и родину покинул ты, скорбя.
Всю жизнь тебя я позабыть не мог,
всю жизнь, как тень, преследовал тебя.

Мне не дано, как ты, дерзать и сметь.
Ты — гений, я — никто в твоей судьбе.
И все же я, никто, и есть — та смерть,
которую не одолеть тебе!»

И склянку с эликсиром — об пол он!..
«Посмотрим, что ты сделаешь теперь!»
И тихо из покоев вышел вон,
точнее, выполз, как огромный червь...

Зашли к хакиму, чуть настал рассвет.
Лежит, безмолвный, в ложе хворью вжат.
И словно никакой и тайны нет,
лишь слезы у него в глазах дрожат.

Дни проходили, месяцы плелись,
в небытие, теряясь, шли года..
Лежал со взором, устремленным ввысь,
хаким, людьми любимый, как всегда.

Ученики не бросили его..
И, как учитель, добрые душой,
безмерно чтя хакима своего,
над ним воздвигли мавзолей большой.

И шли века.

Сменялись, как во сне,
и царства, и цари, изжив себя.
Лежал хаким и слушал в тишине,
как дышат мирозданье и судьба.

... Так и лежит он, навсегда пленен
той тишиной, что вечности под стать.
И видит, да сказать не может он,
и слышит, только вот не может встать...

ДОРОГА В РАИ

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Юноша.
Его мать.
Его отец.
Другой человек.
Весовщик.
Ангел на побегушках.
Старик могильщик.
Райская дева.
Ангел.
Подросток.
Старец.
Некто.
Друг
Голос.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Юноша

Дня страшного заря вокруг дымилась,
И на моих глазах в огне костров
Здесь светопреставление свершилось
Великое...

Не знаю, сколь веков
К Весовщику шли по дорогам кружным.
Грех и добро разложат на весах.
Что перетянет?

Чувствуем мы страх.
А главное, чтоб Весовщик был нужный.

Другой человек

Недавно странник странный весь в слезах
Ушел. И то, что семь раз в Мекку
Ходил, — не зачтено ему.

Юноша

Что так?

Другой человек

На свете том — ведь надо ж человеку! —
Сказал отцу однажды «ты» бедняк.

Юноша

Слава Аллаху, были мной довольны
Родители мои, не грешен я,
Не говорил им «ты», хоть нрав мой вольный
Узнали в драках яростных друзья.
А то, что богохульствовал, так строго
Сказать — все это было не всерьез.
Отца я чтил...

Другой человек

Не говори так много!
Ведь не тебе решать такой вопрос.
Ведь, может, ты в зародыше, несчастный,
Был предназначен аду?!

Юноша

Посему

Из скромных ты: ни рыба и ни мясо...
Вот и черед твой.

Стой. Не трусь! К чему?

Другой человек

(дрожа приближается к Весовщику)

Салом, таксыр. И именем Аллаха
Рахим!

Весовщик

(листая тетрадку)

Понятно. Становись сюда.
Как звать? А впрочем, созданный из праха
Клеймен всевышней силой навсегда.

И пребывать тебе за все меж адом
И раем. Слышишь, душу успокой.

Д р у г о й ч е л о в е к

Таксыр, прошу у вас я, как награду,
Ответьте на вопрос смиренный мой.
Впервые я прошу...

В е с о в щ и к

О царстве тени,
Даже о нем не думай, наг и сир,
Определен ты — вечно жить в смятенье.

Д р у г о й ч е л о в е к

Да как же так? Да как же так, таксыр?
Зря неужели все мои старанья?

В е с о в щ и к

Эй ты, скорей волынку прекращай.
В смятенье мы — ведь ни благоденствий
И ни грехов...

Кто там еще?

Ю н о ш а

(Другому человеку)

Прощай!

В ад или рай прописаны?

Д р у г о й ч е л о в е к

Раб доли —
Не ад, не рай!

Ю н о ш а

И этот тоже влип!

В е с о в щ и к

(Юноше/

Эй, парень, поживей!

Оглох ты, что ли?
Терпеньё скоро лопнет! Ну и тип!

Уж тыщу лет хожу я на работу:
Ад переполнен, переполнен рай.
Сил не жалея, создал Бог без счету,
Всех не сочтешь — считай вас, не считай.
На ангелов не смахивают вроде.
С приходом их испорчен этот свет.

(Глядит в сторону.)

Эй, ты, на побегушках, страж при входе,
Заправь чилим, а то уж мочи нет.

Ю н о ш а

Мой, дяденька, черед!

В е с о в щ и к

Где ты? У Бога!

Какой я тебе дяденька, ответь?
И наберись терпенья хоть немного.
И мы зависим — мы живые ведь!
Не вечно спину гнуть — и передышка
Нужна — так ноги можно протянуть.
Куда же ты торопишься? Мальчишка!
Куда спешишь?

Замешкайся хоть чуть.

Ждал столько лет в могиле среди мрака —
Грудь сыростью набрякла, так-то, брат...
Неужто все забыл?

Постой, однако,
Не торопись — еще успеешь в ад.

Ю н о ш а

А может, все же я достоин рая?..

В е с о в щ и к

Тебе откуда знать?
(В покои.)

Сказал, чилим!

Неси скорей чилим!

А н г е л н а п о б е г у ш к а х
(из покоев)

Сейчас, хозяин.

В е с о в щ и к

(Юноше)

Таким, как ты, лишь ад необходим.

Ю н о ш а

При вашей доброй воле — в рай дорога

Откроется! Кто был меня добрей?

Вы б не судили, дядя, только строго.

Мы — маленькие люди...

В е с о в щ и к

(в покои)

Поскорей!

А н г е л н а п о б е г у ш к а х в ы н о с и т ч и л и м .

Весовщик закуривает.

Ну разве удовольствие? Едва ли.

И это не чилим, а суррогат:

Табак, траву ли — не пойму, что дали.

Халтурщики... Найди, кто виноват.

Передохнуть бы...

(Ангелу на побегушках.)

Эй, девчонка, ну-ка,

Проделки подсчитай-ка молодца.

Запутаться — нехитрая наука,

Нехитрая — и не найдешь конца.

(Протягивает тетрадку.)

В тетради этой все его деянья

Найдешь. Десятитысячный субъект,

И потому он требует вниманья.

Ну, отдохнем пока, сил больше нет.

Я сыт по горло этими делами.

Поближе сядь на судную скамью.

Ведь если откровенно, между нами, —

Есть все же шанс на жительство в раю.

К нам что-то припожаловал ты рано.

По совести признайся нам тогда,

Есть грех? Сам жертва подлого обмана?

Юноша

Случилась в наводнение беда.
Я девушку спасти тогда пытался...

Весовщик

Ага, в чем дело, вот и разобрался,
Но маловато этого пока.
Дела идут случайно ежечасно,
Благодеянье лишь наверняка
Случайности игривой не подвластно.
Благодеянье, если не быть лживым,
Текло по семидесяти двум жилам,
И потому хороший человек,
Что он такой, — в неведение строптивом
И скорбном не останется вовек.
Он понимает совесть словно долг.
Еще вчера один неблагодарный
Свои остатки бренности сволок
Под своды ада, в дым его угарный.
Поддал ему, признаться, я разочек.
Иссохший весь — считай, один скелет.
Я видел: зависть душу ему точит.
Пред тем как он оставил белый свет,
Он загубил невинные две души,
И этот грех падет и на детей
Его... Кто божью заповедь нарушит —
Тому в аду быть до скончанья дней.
Да, братец, велики владенья божьи.

Юноша

Был тип такой и в нашей махалле.
Скажите, не попал ли в ад он тоже?

Весовщик

Кем был он на несправедной земле?
Делягой? Тунеядцем? Иль тираном?

Юноша

Приветствуя, он очищал карманы.
Где видел пользу хоть чуть-чуть - он бы.

В е с о в щ и к

(Юноше)

Таким, как ты, лишь ад необходим.

Ю н о ш а

При вашей доброй воле — в рай дорога

Откроется! Кто был меня добрей?

Вы б не судили, дядя, только строго.

Мы — маленькие люди...

В е с о в щ и к

(в покои)

Поскорей!

А н г е л н а п о б е г у ш к а х в ы н о с и т ч и л и м .

Весовщик закуривает.

Ну разве удовольствие? Едва ли.

И это не чилим, а суррогат:

Табак, траву ли — не пойму, что дали.

Халтурщики... Найди, кто виноват.

Передохнуть бы...

(Ангелу на побегушках.)

Эй, девчонка, ну-ка,

Проделки подсчитай-ка молодца.

Запутаться — нехитрая наука,

Нехитрая — и не найдешь конца.

(Протягивает тетрадку.)

В тетради этой все его деянья

Найдешь. Десятитысячный субъект,

И потому он требует вниманья.

Ну, отдохнем пока, сил больше нет.

Я сыт по горло этими делами.

Поближе сядь на судную скамью.

Ведь если откровенно, между нами, —

Есть все же шанс на жительство в раю.

К нам что-то припожаловал ты рано.

По совести признайся нам тогда,

Есть грех? Сам жертва подлого обмана?

Юноша

Случилась в наводнение беда.

Я девушку спасти тогда пытался...

Весовщик

Ага, в чем дело, вот и разобрался,
Но маловато этого пока.
Дела идут случайно ежечасно,
Благодеянье лишь наверняка
Случайности игривой не подвластно.
Благодеянье, если не быть лживым,
Текло по семидесяти двум жилам,
И потому хороший человек,
Что он такой, — в неведенье строптивом
И скорбном не останется вовек.
Он понимает совесть словно долг.
Еще вчера один неблагодарный
Свои остатки бренности сволок
Под своды ада, в дым его угарный.
Поддал ему, признаться, я разочек.
Иссохший весь — считай, один скелет.
Я видел: зависть душу ему точит.
Пред тем как он оставил белый свет,
Он загубил невинные две души,
И этот грех падет и на детей
Его... Кто божью заповедь нарушит —
Тому в аду быть до скончанья дней.
Да, братец, велики владенья божьи.

Юноша

Был тип такой и в нашей махалле.
Скажите, не попал ли в ад он тоже?

Весовщик

Кем был он на неправедной земле?
Делягой? Тунеядцем? Иль тираном?

Юноша

Приветствуя, он очищал карманы.
Где видел пользу хоть чуть-чуть - он бы

Готов валяться даже на дороге.
Так умер он, пустивший на распыл
Всю жизнь свою.

Так не надел он строгий
Ошейник из проклятий.

В е с о в щ и к

Всю их рать
Не перечтешь. И некому ведь было
На праведный их путь всех наставлять.
Недавно одного я с жара, с пыла
В ад отписал, а он же, проклят будь,
Направил в рай прямехонько свой путь.
И я послал Аллаху докладную,
Чтоб он обратно был переведен.
И наглеца за каверзу такую
Отправлю прямо в пекло, ибо он —
Ловкач, пройдоха.

Гнев свой утолив,
Я думаю — есть чудеса на свете.
Как могут только безобразья эти
Терпеть спокойно жители земли?
Быть может, вор ты, или рвач нахальный,
Иль из породы злой всеядной тли?
Вот ты стоишь, и жалкий, и опальный.
Бог, может, бытия лишил, признайся,
Пока в грехи не впал ты вгорячах?

Выходит Ангел на побегушках
с тетрадкой в руке.

А н г е л

Вот я принес. Поверьте, лишь двух пайсов
До рая не хватает.

Ю н о ш а

О Аллах

В е с о в щ и к

Ну, успокойся. Сколь ни бился б ты,
От вздохов и мольбы не измениться
Судьбе твоей средь здешней суеты.
Грехи твои безмерны. И смириться

по

Обязан ты — твоя дорога в ад.
Покайся, ибо в мире вечном этом,
Раб божий, ты похож на всех подряд
По качествам своим, по всем приметам.

Ю н о ш а

Не страшен ад. Ты не подумай так.
Я все стерплю, но где же справедливость?

В е с о в щ и к

Смирись! Не богохульствуй же, бедняк.
Пусть явит Бог и гнев к тебе, и милость.

Ю н о ш а

Я видел тайный смысл многих дней,
События, что в тыщи раз страшней
Всех ужасов, всех казней преисподней.
И негодяев, что страшней чертей, —
Доносчиков, клеветников и сводней,
И всех терпел. Но только мне скажи,
Где справедливость высшая? Лишь это
Хочу я знать, без злобы и без лжи.

В е с о в щ и к

Таких вот смельчаков, что ждут ответа
На боль души, я видел много раз.
Но ладно. Я тебе готов сейчас
Ответить...

Ю н о ш а

Почему лишь мне?

В е с о в щ и к

Ответа

И этих слов ты заслужил от нас.
Ту девочку, что ты спасал, не спас,
Служанкой мы и секретаршей взяли.

Юноша

А почему?

Весовщик

Безгрешная она.
Она стажировалась у печали.
И попросить Создателя должна.
Чтобы не в ад, а в рай тебя послали.
Ты спас — поклон тебе за это, брат.
И все же незавидна твоя участь:
Ты перед светлым раем виноват,
Ведь прегрешил, и, не грустя, не мучась,
Тяжки твои грехи.

Юноша

Грехи? А ну
Поведайте о самом главном, тяжком,
Чтоб я не ощущал свою вину?!
Чтоб я молчал?!

Весовщик

Нет, не крути, бедняжка.
Не будем оба выдавать, надеюсь,
Себя за простачков да дурачков.
Тебя я знаю — ты пера владелец,
Создатель од и прочих пустяков.

Юноша

О господи!

Весовщик

Постой, есть разговор.
Ведь ты — поэт, и жизнь твоя — поэта.
И Бог в тебя направил светлый взор —
Луч яркого и праведного света,
И дал язык, и сердце тоже дал.
В тебе свой ясный образ обрели

Абдулла Арипов и Андрей Вознесенский. Москва, 1980г.

Абдулла Арипов, Расул Гамзатов, Давид Кугультинов.

Абдулла Арипов и переводчик Наум Гребнев.

И боль, и радость всех людей земли.
Так вот, мы говорили об одном
Земном созданиe с черною душою.
Он — негодяй, подлиза. О другом
Ты знаешь сам. С обидою такою
Ты только что мне говорил о нем.

(Смотрит наверх.)

О всемогущий Боже, покажи
Обоих сквозь железную завесу.

В это время появляются две тени.

Юноша
(отступая)

О, лучше, Бог, в аду меня сожги,
Отдай меня на услуженье к бесу,
Но только не показывай их мне!

Весовщик

Узнал?

Юноша

О господи!

Весовщик

Вину свою, быть может,
Ты уяснил, ты осознал вполне?
Смышленный ты.

Все грудь твою тревожит,
Но сколько погибли из-за них?
Так что ты сделал, хоть и видел это?
Божественной, святой душой поэта
Ты награжден был, чтобы каждый миг
Прислушивался к бедствиям и горю,
К несчастью обездоленных, а ты
Лишь воспевал созвездья и цветы,
Посланья слал и небесам, и морю.

Юноша
(смущенно)

Что ж, признаюсь.

Весовщик

Но что-то поздновато.
Но знаю, друг: все люди таковы.
Сочувствую тебе и вижу брата
В тебе. Хоть за твоей спиной, увы,
Нет крыльев, все же небу ты родня.
Когда создатель наш уважил близких,
Поэтов внес он вместе с ними в списки
И души сотворил им из огня.
А ангелы не различают рода,
Ни наций, ни границ, ни языков.
Нужна им лишь душевная свобода.

Юноша
(смущенно)

Мы слышали немало добрых слов,
Как и упреков, преувеличенья.
Виновен я — и это признаю.
В упреках ваших много нетерпенья.
Пусть суждено в аду жить, не в раю,
Пусть мои кости в огненно кипящих
Потонут реках, пусть я изойду
Слезами и кровавым потом мнящих,
Что по ошибке мучатся в аду,
Все ж хочется мне грозного Аллаха
О милости одной просить.

Весовщик

Гляди,
В последний раз!
Ну, спрашивай без страха,
Пусть правды луч струится из груди.

Юноша

Вы укажите мне такое место,
Чтоб эти привиденья никогда
Я не встречал. Пусть это ад кромешный,
Согласен я от них скорей туда.

Весовщик

Беседы плод — твое желанье, друг,
Но, к сожалению, неисполнимо.
Такого места нет нигде вокруг.
Я чувствую — в тебе неистребимо
Живет и жжет душа бунтовщика.
Я сам таким когда-то был, страдая.
И, чтоб достичь ворот наверняка
Сверкающего, благостного рая,
Пройти пустырь, где преет лебеда
И пепелище Страшного суда,
Поплачь и попроси, поумоляй!

Юноша

Ни умолять, ни плакать я не стану.
Вымалывать, выплакивать мне рай?!
Нет, лучше в ад мне, в огненную яму.
На вечные мученья хватит сил —
Уверен я.

Весовщик

Ты испытал на тленной
Земле довольно мук.

Юноша

Да, это верно:
Не нужен мне чужих стенаний пыл,
Проклятий много ведь и без того.

Весовщик

Не будешь же просить ты у кого ^
Попало, братец мой, добродейний.

Скажу тебе — назначено свиданье
Тебе с отцом и матерью теперь.

Ю н о ш а

Увижу их?!

В е с о в ш и к

Раз я сказал, поверь!

Ю н о ш а

О звезды мира, ярче вы светите —
Нет никого счастливее меня!
Пусть я сгорю, как тоненькие нити
Средь адского, жестокого огня, —
Но только бы хотя б всего на миг
Увидеть их — и я на все согласен.

В е с о в щ и к

Да, ты увидишь их, будто б живых.
Открытым будь пред ними — не безгласен;
О всем их расспроси, все Расскажи
Подробно им, как это любят дети,
От всей любви, от сердца, от души;
И в рай дорога за признанья эти
Откроется.

Ю н о ш а

Вот и сейчас и присно
Я благодарен буду вам, таксыр.
Всевышнюю власть славлю на весь мир.
Создавшую таких вот бескорыстных.
И ваша речь как высшая награда.
Я рад увидеть мать свою, отца —
Они одни души моей отрада.
Не потревожу жалобой сердца
Родителей. Одно во мне желанье —
Скорее к ним на строгое свиданье.
Мы с вами не увидимся, поди,
Ни разу более...

В е с о в щ и к

Кто следующий? Входи.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Юноша

(один на огромном, страшном пустыре)

В хождениях по мукам жизнь свою
Провел я бурно, добрые и злые
Знал времена, безвестные, земные.
Я упоенье обретал в бою,
И в человечность верил я от века,
Хоть в ней разочарован был не раз.
Вот Весовщик, он выше человека,
Но и ему становится подчас
Невыносимо трудно в этом деле.
Им недовольство души ест, как ржа.
Ох, трудно им — их силы на пределе.
Ох, трудно им—у них ведь есть душа.
Ох, трудно им—у них ведь есть глаза.
Повелевают нами небеса,
Но Бог сердец, как девушка, не знает,
Куда идти в пустыне этой мне?
Кого спросить — где ныне обитает
Отец мой, что является во сне?
Не знаю, кто в раю, а кто в аду...

Появляется Старик.

Старик

Куда путь держишь свой?

Юноша

Куда иду?!

Старик

Так кто же ты, кто был недавно прахом?
И веруешь? Иль погружен ты в грех?
По поступи сравню лишь с падишахом —
Аллаха суд распространен на всех:
Кто — в рай, кто — в ад,
Аллаху лишь подвластно.

Юноша

Отец, в пустыне средь других людей
Я — путник одинокий и несчастный
И осужден гореть как лицедей
В аду. Однако милостив Всевышний,
Решил он, что мне свидеться не лишне...

Старик

Так с кем же здесь ты свидеться хотел?
И если это я, готов к услугам.
Готов я оторваться от всех дел —
Счет оплатить, коль должен, по заслугам.

Юноша

Никто не должен мне. И оттого
Не должен я, хотя скажу, что нету
Стяжателя и подлеца, кого б
Не разорил, бродя по белу свету.
За деньги не страдал я никогда,
К тому же у меня их не бывало.

Старик

С любимой хочешь встретиться ты, да?
Кому ты клялся в верности, бывало?

Юноша

Ах, если бы любим был, и тогда
Та девушка меня бы не признала
Ни на земле, ни в небе.

Старик

Но тогда
Кого ты ищешь здесь, в глухой пустыне?

Юноша

Родителей своих, отраду глаз.
Я голову хочу склонить пред ними
В последний раз, старик, в последний раз.

С т а р и к

Кем был родитель твой?

Ю н о ш а

Он избавлял
Людей от боли, будучи табибом.

С т а р и к

Да что ты говоришь? А я не знал.
Задачи наши с ним похожи, ибо
Одним мы делом заняты.

Ю н о ш а

Кто вы?

С т а р и к

Могильщик. Да, могильщик я, увы.
Скажу тебе, что каждого из вас я
Сюда привел я с ним — твоим отцом.
Он убивал, а я — слуга несчастья —
Укладывал его грехи потом
Под землю...

Но откуда знать живым
О вздохах наших.

Как-то был однажды
В театре я.

На сцене — шут отважный,
Лицо свое запрятавший под грим,
Сопливя нос, уставился в могилу
И что-то произнес: конечно, ложь!
А люди? Люди подняли галдеж:
Смотрите, вон могильщик, вон постылый...
И вот теперь в раю я поселен,
Хоть хоронил.

Но дело в том, что часто
Не мог уснуть, печалью удручен,
Оплакивал чужих людей несчастье.
Среди табибов всяких видел я,

Средь них есть люди славные по сути.
А вот один из них, мой давний спутник,
Не зря попал он в райские края.
Вон он идет. Представлю я его.

мближается т а б и б. Сначала он не замечает юношу — своего сына.

О т е ц

(Могильщику)

Ну, друг мой, путь лежит наш далеко!

(Увидел Юношу.)

А это кто? Да это не во сне ли?

Ю н о ш а

Отец! Родной! Горит грудь от любви.
О мой Аллах! Нас небом раздави!
Хоть проклят, все же здесь на самом деле!

Отец и сын обнимаются.

О т е ц

(Могильщику)

Любимый сын мой. Свет очей моих!
Хвала Аллаху вот за этот миг!

С т а р и к

Поговорите, ладно. Я же малость
Вас подожду, а я ведь ждать привык.
Жаль, что бездетным встретил свою старость.

Ю н о ш а

(Могильщику)

Спасибо от души, святой старик!
Да будет пухом вам земля навечно.

С т а р и к

(Юноше)

Пусть будет путь ваш легким. Что ж, прощай.
Да спутника смотри не обижай.

М о г и л ь щ и к удаляется.

Ю н о ш а

Надеюсь, что довольны мной, конечно,
Вы были? Так сдается ныне мне!
На этой тленной, гибельной земле
Все — в спешке беспокойной, бесконечной.
И честно говоря, и сам в бегах
Бывал я часто.

Все же вам в слезах
Поставил на могиле камень скромный,
Чтоб вас не забывать мне ни на миг.

О т е ц

Да, уваженье к мертвым — для живых
Есть метод воспитания огромный.
Что нужно мертвым? Только белый саван.
Тобой доволен, сын мой, ведь отца
Ты почитал, я знаю, до конца.
Плиту поставил надо мной на славу.
Не зря ведь говорят: кто воспитал
Достойное дитя, то непреклонно
Превыше пирамиды фараона
Его великой славы пьедестал.
Лежал со мною старец, светел, тих,
И сын его тогда, скорбя, воздвиг
Огромный камень.

Но, однако, вкрался
В него вдруг дьявол, и корысть сполна
Сын проявил.

Наверно, испугался:
В грядущие забудут времена
Того, кто камень этот здесь воздвиг.
Бессовестный привел каменотеса,
И надпись тот переиначил вмиг.
Как будто славу заработать просто,
Как будто то зачтется за добро.
Нет, не зачтется!

Хоть хотел хитро
Себя за счет отца увековечить
И смерть хотел на службу хвостовству
Поставить он.

А в результате — тьфу!
В небытие отправился, далече...

А мать твою свела в могилу грусть,
Что ранее меня ушла, жалею.
И где она, и что случилось с нею —
В неведение доселе нахожусь...

Ю н о ш а

Я только с вами встретился, с тех пор
Как здесь...
К Весовщику мы торопились,
А рассчитались только что...

О т е ц

Простор
Нас райский ждет. И вот мы в рай явились.

Ю н о ш а

Нет, нет, отец, моя дорога — в ад.

О т е ц

А почему?

Ю н о ш а

Не в новость мне такое,
Наверно, мое место супостат
Какой-то занял.
Видимо, порою
Нахалов привечает этот свет.

О т е ц

Не надо, сын. Судьбы не искушай ты.

Ю н о ш а

Ведь горше этой доли в мире нет.
За все грехи мне — адовы палаты.
Мне все равно теперь — земля и высь, —
Отправлен в ад я за свои заслуги.

О т е ц

Что делать, такова повсюду жизнь.
Дела небес — напрасные потуги
Судить! И все же больно мне порой
За то, что тяжкий грех был за тобою.
Ты чистым был, как светлый луч дневной,
И думами своими, и душою,
Тобой довольны были стар и млад,
Высказывали мне они почтенье,
Сын, за тебя... Но почему же в ад?
Какой подлец свалил все прегрешенья
Вдруг на тебя?..

Ю н о ш а

Как видно, дело в том...

О т е ц

Тебе грехи чужие неужели
Приписаны?

Ю н о ш а

Да, да, на самом деле!

О т е ц

Но почему? Сынок мой, ты в уме ли?
Ты, верно, что-то спутал пред отцом.
За прегрешенья подлецов в ответе,
Скажи мне, кто? Не ты же, наконец?
Кто согрешил — тому платить по смете!

Ю н о ш а

Пожалуйста, послушайте, отец.
Вы были за своих больных в ответе!

О т е ц

Да, это правда.

Ю н о ш а

В случае их смерти
Столь горевали вы! Зато всегда
Как рады были их выздоровленью!

В какой-то мере лекарем тогда
Был я — в ответе был за поколение,
За дух здоровый у людей. Когда
Встречал я подлеца с душой больной,
Бежал я от него всегда в смятенье,
Оберегая собственный покой.
Они ж, как псы, в нас сеяли сомненье.
Высасывали кровь они у слабых,
Как куча вшей остервенелых, дабы
Насытиться.

Здоровье потеряв,
Как понял, вашей помощи просили
Больные эти...

Нет, я не был прав,
Виновен перед ними я в бессилье.
Да, я достоин кары. Только жаль,
Что жизнь дается только раз, не дважды.
Вы поселили в сердце мне печаль.

О т е ц

Ведь приговор выносятся нам каждый
По правилам.

Ты делал все, что мог,
А что не мог — на том ты нес уроны,
Терпел ты от других — и изнемог,
Ведь не имел ты власти и короны.
Так неужели ты за все теперь
В ответе будешь?

Ты, достойный рая?!
Ведь и того довольно мне, поверь,
Что ты погиб, ту девочку спасая.
Так неужели — да простит Аллах! —
На душу взял ты грех Абдуллатифа?
Ведь жил ты честно, веря в счастье тихо, —
И потому-то все в твоих руках.

Ю н о ш а

Бог не всегда руководил народом,
Вот почему, лукавством обуян,
Кого-то сбил — то зло, то ненароком —
С пути его высочества шайтан.

Кого-то приголубил сам Господь,
А воинство шайтана — братья страха
Бессмысленную ублажали плоть...
И люди наставления Аллаха
Беспечно забывали.

Горе в том,
Не может Бог простить самолюбиво
Своих рабов. А коль простит с трудом —
Сужден мне ад — и разве это диво?

О т е ц

Так что же теперь будет?

Ю н о ш а

Будет — ад.
Таков удел, старайся не старайся.
Обидно, оттого в душе разлад,
Что не хватило мне всего двух пайсов.

О т е ц

Хотя я с детства сиротою рос,
Но быть с шайтаном это не причина.
Я уцелел среди военных гроз,
Ранения с войны домой принес,
Имел жену любимую и сына.
Всю жизнь свою, все силы вам отдал.
Я видел свет среди ночного мрака.
Но веры я своей не потерял —
Два пайса скромных дам тебе, однако.

Ю н о ш а

Нет, ни за что! Пусть в адовом огне
Гореть я буду, мучась и страдая,
Но все же и в аду на самом дне
Отца родного не лишу я рая.

О т е ц

Нет, погоди!

В ^кой-то мере лекарем тогда
Был я - в ответе был за поколение
За дух здоровый у людей. Когда
Встречал я подлеца с душой больной
Бежал я от него всегда в смятенье
Оберегая собственный покой
Они ж, как псы, в нас сеяли сомненье
Высасывали кровь они у слабых
Как куча вшей остервенелых, дабы
Насытиться.

Здоровье потеряв,
Как понял, вашей помощи просили
Больные эти...

Нет, я не был прав,
Виновен перед ними я в бессилье.
Да, я достоин кары. Только жаль,
Что жизнь дается только раз, не дважды.
Вы поселили в сердце мне печаль.

О т е ц

Ведь приговор выносятся нам каждый
По правилам.

Ты делал все, что мог,
А что не мог — на том ты нес уруны,
Терпел ты от других — и изнемог,
Ведь не имел ты власти и короны.
Так неужели ты за все теперь
В ответе будешь?

Ты, достойный рая?!
Ведь и того довольно мне, поверь,
Что ты погиб, ту девочку спасая.
Так неужели — да простит Аллах! —
На душу взял ты фех Абдулатифа?
Ведь жил ты честно, веря в счастье тихо,
И потому-то все в твоих руках.

Ю н о ш а

Бог не всегда руководил народом,
Вот почему, лукавством обуян, ^
Кого-то сбил - то зло, то ненароком
С пути его высочества шайтан.

Кого-то приголубил сам Господь,
А воинство шайтана — братья страха
Бесмысленную ублажали плоть...
И люди наставления Аллаха
Беспечно забывали.

Горе в том,
Не может Бог простить самолюбиво
Своих рабов. А коль простит с трудом —
Сужден мне ад — и разве это диво?

О т е ц

Так что же теперь будет?

Ю н о ш а

Будет — ад.
Таков удел, старайся не старайся.
Обидно, оттого в душе разлад,
Что не хватило мне всего двух пайсов.

О т е ц

Хотя я с детства сиротою рос,
Но быть с шайтаном это не причина.
Я уцелел среди военных гроз,
Ранения с войны домой принес,
Имел жену любимую и сына.
Всю жизнь свою, все силы вам отдал.
Я видел свет среди ночного мрака.
Но веры я своей не потерял —
Два пайса скромных дам тебе, однако.

Ю н о ш а

Нет, ни за что! Пусть в адовом огне
Гореть я буду, мучась и страдая,
Но все же и в аду на самом дне
Отца родного не лишу я рая.

О т е ц

Нет, погоди!

Ю н о ш а

Прощайте. Ухожу.
Но все, что было, — не подвластно тленью.
Разлука эта навсегда — сужу,
Но таково от неба повеленье.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Х о р

Милосердья наш отец
Выдал нам без счета:
Бесконечность и конец
И еще — работа.
Человечьим стонам внял,
Создал Бог пророка,
Чтоб пророк всех охранял
Строго от порока.
Люди, верные любви,
Как легенда стали.
Ангелочки, как рои,
Вкруг людей порхали.
Дому этому — покой,
Всем необходимый.
Поклонимся всей душой
Матери любимой.

М а т ь

Как сердце мое чувствует беду!
Давно во мне живет былая рана.
Хоть в райском светлом я живу саду,
В душе моей тревога непрестанно.
Чем объяснить печаль души моей?
И матерям покоя неужели
Нигде не обрести на самом деле?
Иль участь непреклонная детей —
Припаянным быть к материнской доле?
Где он сейчас, где свет моих очей?
Кто может знать?

Спрошу у вещей боли:
Где мой сынок? Ах, если б был он дома,

Пришел бы непременно, знаю я.
Бродягой он не рос. Беспрекословно
Писал мне письма, ласки не тая.
А здесь? Увы, увидеться нельзя.
Да, никому здесь до других нет дела.

Вбегает Р а й с к а я д е в а .

Д е в а

Уф! Эти мне мужчины. Ведь и здесь
Прохода нет. Еще не надоело!
Все те ж они, все тот же интерес...

А н г е л

Ты ведь и тут стараешься налево!
Всю жизнь живешь, судьбу свою кляня.

Д е в а

Да как же мне не сетовать? Я — дева.
И все же в общежитие меня
Перевели. Нет рая без мужчины.
Уж лучше раю пекло предпочесть!
А в чем причина?

Говорят, причина —

Твой легкий нрав.

Где справедливость здесь!

М а т ь

Ты беспокойна, дочка? В чем причина?

Д е в а

Нет, госпожа, служить — какой в том труд?
А в сущности, мы — стражи дисциплины.

М а т ь

Вот, значит, что? Ну и порядки тут!
Скажу о том я старшему из стражи.

Д е в а

Нет, госпожа, я городила вздор!
Если хотите, я ведь рада даже —
Пускай заходит... Только разговор
Пойдет о том...

М а т ь

Какие разговоры?
Пусть в маске он зайдет ко мне один.
Везде порядок свой, к чему тут споры?
И рай не исключение — прав сын,
Прав был, когда высмеивал все это.

Д е в а приводит Ю н о ш у в маске.

Д е в а (Юноше)

Не смей снимать ты маски, ибо вмиг
Покой, добытый столькими трудами,
Потерян будет ею.

Д е в а выходит.

Ю н о ш а

Кто пред нами?
Я не пойму, как будто встретил миф.
Сквозь маску слышу токи доброты.

А н г е л

Да и понятно: это — мать, начало
Всего, что в окруженьи видишь ты,
Все сущее заботой окружала,
Исполнена добра она и света.
Ее любовь — глас неба первый это...

Х о р

Милосердья наш отец
Выдал нам без счета:

Академик Пулат Хабибуллаев, Генеральный директор ВОИС
(Всемирная организация интеллектуальной собственности)
доктор Камиль Идрис и Председатель агентства по защите
авторских прав Республики Узбекистан Абдулла Арипов.

Академик М. Кошчанов, Абдулла Арипов, поэт Мухаммад Юсуф,
литературовед С. Мелиев.

Герои Республики Узбекистан — писатели:
Сайд Ахмад, Абдулла Арипов, Эркин Вахидов.

Бесконечность и конец
И еще — работа.
Человечьим стонам внял,
Создал Бог пророка,
Чтоб пророк всех охранял
Строго от порока.
Люди, верные любви,
Как легенда стали.
Ангелочки, как рои,
Вкруг людей порхали.
Дому этому покой,
Всем необходимый.
Поклонимся всей душой
Матери любимой.

Ю н о ш а

(встав на колени)

О, разрешите, на колени встану
Пред вами я, чтоб долг любви воздать.
Хотите — вместо сына вам я стану.
Я слышу токи добрые: вы — мать.

М а т ь

Ах, полно, благородный должен встать!
Кто ты? Кто ты? Наставник? Дело свято.

Ю н о ш а

Кто б ни был я — вы дали жизнь когда-то,
У каждого из нас была ведь мать.

М а т ь

Я понимаю это с давних пор,
Но ведь не каждый это понимает.
Жалеет сына мать — будь даже вор,
Сын редко своей матери внимает.
Грядущими победами дыша,
Живет, испытан тяжкими боями.
И если сын в бой рвется, то душа
Ее исходит горькими слезами.

Юноша

И в этом нахожу в большой печали
Я главный недостаток бытия.
О, сколько старательно искали
Разумной цели жизни, как и я!

Мать

И сын мой также это говорил
В последний раз, когда на смертном ложе
Лежала я: «Бог нас всех сотворил,
Чтоб, как и все вокруг, разрушить тоже.
Мужайся, мама! Хоть терпеть нет сил!»
Хоть слезы были на глазах...

Юноша (в сторону)

О боже!

И я слова такие говорил,
Когда прощался с матерью навечно!

Мать

Он жизнь любил, настойчиво любил,
Он рвался к свету, молодо, беспечно.
Страданий чашу он сполна испил.
Порою его сердце разрывалось
От клеветы, от всевозможных склок.
Он говорил: «Где есть людская зависть —
Родится зло там!..»

Был он одинок.

И повторять любил: «На свете этом
Всю жизнь мечтал я...»

Юноша (вздрагивая)

Кем же сын ваш был?

Мать

Кем? Дервишем. Ученым. Нет, поэтом!
Поэтом! Им восторг руководил.
Его удел, его святая доля
Мне сердце разрывает в этот час.

Ю н о ш а
(в сторону)

Нет слов страшнее, нет сильнее боли.
Дай силы, небо, мне в последний раз —
Что делать мне? Черты я узнаю
Любимые, родные без подсказки.
Не думал я, что встречу ныне в маске
Я с матерью своею здесь, в раю.

М а т ь

Он говорил: «Достоин ведь любой
Надгробья своего — достойной пробы.
Но я б поставил памятник другой.
«Хороший человек» — назвал его бы.
«Хороший человек — среди других.
Светил он, словно солнце, каждый миг».

Ю н о ш а
(в сторону)

О, я стою пред матерью своей!
Видать, судьба шутить не перестанет!
И ежели все расскажу я ей,
То адом рай ей от печали станет.

(Матери.)

Послушайте, когда сейчас со мной
Беседуете, чувствую я чудо
И наслаждаюсь. Вашим быть слугой,
Хочу я стать...

М а т ь

Так кто же ты? Откуда?
Откройся мне. Мне сердце истерзали
Твои слова. И в облике твоём,
В твоих словах ведь столько есть печали!
Кто знает, может, так в краю чужом
Блуждает сын любимый мой, похоже.
Но матерью ты вдруг назвал меня
И, значит, стал родным мне сыном тоже.

Ю н о ш а

Да, матерью назвал, любовь храня
К той, что когда-то жизнь дала. И ныне
Вы говорите мне спокойно «сын», —
Пусть вам напомнит это все о сыне!

М а т ь

Что делать? Но закон судьбы один.
Не знаю я — вот в этой странной маске
Лицо свое ты прячешь отчего?
Сейчас не знаю, кто ты, жду подсказки,
В чем цель твоя и хочешь ты чего?

Ю н о ш а

Прохожий я, свет сердца моего,
Случайно здесь — любовь тому причиной.
Мне девушка одна сильнее всего
Запала в сердце...

И она невинной

Покинула тот свет — теперь вам служит.
В нее я всей душой влюбился вдруг,
Был рад тому, что голову мне кружит.
Но до меня любил ее мой друг.
Не виделся он с нею. Это так.

М а т ь

Да, у нее воистину жизнь черной
Была. Судьба ее — заклятый враг.
За тайные подарки, что покорно
Она брала от жениха, не споря,
Убил ее, обиды не тая.
У всех на свете свой удел и горе.
Ты не взыщи, ведь даже здесь покоя
Не нахожу — все думаю о нем.

Ю н о ш а

Что делать? Нужно все снести покорно,
А я вот все болею о своем:

Всего два пайса нужно мне для рая,
Но не открылся матери своей,
Всем сердцем, всей душою понимая —
Спасение души нужнее ей.

М а т ь

Так, значит, все же видел мать свою?

Ю н о ш а

При жизни испытала она много
Бед от меня. Теперь она в раю.
Достаточно с нее.

М а т ь

Душеспасенье —
Цена всему, что в сердце мы храним,
И потому всем нужно, без сомненья.
Однако если б встретила я с ним,
То отдала б свое...

Ю н о ш а

И в том все дело:
Имущий неимущему — сосед.
Без солнца мы — во мраке охладелом,
Но резь в глазах, когда глядим на свет.
Увиделся с отцом — и слава Богу,
Достоин по заслугам райских благ.
Теперь уйду, теперь свою дорогу
Направлю я спокойно в адский мрак.
Везде кошмар. Все кувырком на свете,
А нам, бездомным, — в преисподню путь.

М а т ь

Как поддержать тебя в минуты эти?
Уходишь ты, — а в сердце моем жуть.

Ю н о ш а

Нет, матушка, довольны будьте раем.
За нас молитесь.

Входит Р а й с к а я д е в а .

Д е в а

Все! Настал конец.
Придет хранитель старший с нагоняем.
Уж поздно. Вы покиньте сей дворец!

Ю н о ш а
(в сторону)

Я тайну эту унесу с собой,
И вечный мрак поселится мне в думы.

{Матери.}

Прощаюсь с вами я, скорбя душой,
Таких, как я, нас много, нас, угрюмых.
Поклон вам низкий, матушка, прощайте!

М а т ь

Стой, подожди! Хотя б всего на миг
Сними ты маску.

Ю н о ш а

Нет, не искушайте!
Рай — это право матерей святых.

М а т ь

Бессильна я. Ты незнаком мне. Все же
Проходят дни средь горестных потерь.
И станем друг на друга мы похожи.

(Райской деве.)

Что ж, проводи его!

(Юноше.)

Прощай теперь!

Ю н о ш а

Прощай, родная. Будь покойна, мама!

М а т ь

В сих куцах стала плохо понимать.
Ослаб мой дух... Кто человек сей странный?
В его словах есть горести печать.
Он затаил обиду... Разрешенья
Звать матерью своею попросил.

В х о д и т Д е в а

Ты проводила?

Д е в а

Да, без промедленья!
Расставшись с вами, сам не свой он был,
Расплакался в дороге он жестоко.
И все твердил, что с матерью своей
Расстался дважды он по воле рока.

М а т ь

Что? Что? Верни скорей его, скорей!
Будь проклят рай, что погубил навеки!

Д е в а

Не отыскать теперь к нему пути!
В поток могучий влился он, как реки,
И не найти его нам, не найти.

Мать теряет сознание.

А н г е л

Опять ты ремеслом занялась старым —
Внесла ты в душу матери разлад
И рай ее ты превратила в ад.
Слывешь ты легкомысленной недаром.

Мрак

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Огромный ров перед воротами ада. Сцена, где Подросток и Старец беспрерывно пререкаются.

Подросток

Я — гений, да?

Старец

Ты — гений!

Подросток

Повтори же!

Старец

Я повторял уже весь день, сынок.
Ну, сжался. На меня ты посмотри же —
Увидишь: я старик, я изнемог.

Подросток

Ты знаешь — вечен спор наш,
наша ссора.
Мы — два врага: сейчас душишь тебя
Я стану вновь, — черед мой будет скоро.
Ну, покажи себя. Талантлив я!

Старец

Да, ты — талантлив!

Подросток душист Старца.

Отпусти, неверный,
Спасите, люди, в этот... скорбный час.

Подросток

Кричи! Кричи! Не лопнешь ты, наверно.
Увидим, кто талантливей из нас.

Старец начинает кричать. Входит Юноша

Юноша

Кто это так кричит, что слушать жутко!

(Разнимает Старца и Подростка.)

Эй, есть ли совесть у тебя, ответь!
Годится в деды он тебе, малютка,
Тиран! Мне стыдно на тебя смотреть.

Подросток

Что? И в аду есть тоже моралисты?
Не ты ли сам тиран!

Старец
(Юноше)

Он зол, как черт!
Но должен я терпеть вовеки, присно...
Что делать, ведь сейчас его черед!

Юноша

Не понимаю.

Старец

Нет, для нашей ссоры
Ты посторонний человек, о гость.
Мы — олицетворение с ним спора.
Мы спорим тыщи лет и копим злость,
Мы спорим, кто из нас двоих сильнее.

Юноша

Кончайте же! Да это же позор!

Старец

Но это невозможно, разумею.
Ведем поочередно нудный спор —
Нам кара уготована такая.
Завистливый — сюда определен,

Спасенья не найду от негодяя.

Этот сопляк твердит, что классик он!

Ю н о ш а

А как же вы, когда придет черед?

С т а р е ц

Я буду бить со знанием в этом деле,
Не глядя, где глаза, где нос, где рот!

Ю н о ш а

Так низко попран каждый неужели?

С т а р е ц

(Подрастку)

Эй, прочь отсюда! Он не понимает.
Займемся делом. Бью, запомни, я!

Ю н о ш а

О человек! Чего же не хватает
Тебе в тенетах грозных бытия?
Ты чувствуешь, ты мыслишь.
Твердь, и выси
Представлены тебе, так отчего
Изжил из сердца честь, мечту из мысли,—
Закрылось сердце, сморщилось чело?
Откуда в голове твоей взялись
Пустая зависть — все виновны, дескать, —
Неверье, склоки, клевета на жизнь?
Каким хорошим был когда-то в детстве —
И низко пал, живя в грязи, старик!
Я говорить, я думать так привык —
Пусть в небе будет меньше на звезду,
Чтоб только на земле на человека
Хорошего — на счастье ль, на беду —
А все же больше стало.
Он — источник света.
Всю жизнь ему бороться суждено

За счастье, за народ свой, за идею.
Виновен я... Пора мне в путь давно.

Вбегает в суматохе Н е к т о

Н е к т о

Спаси меня, спаси меня скорее,
Не то сейчас примчится злой мой враг.
Мой душегуб.

Ю н о ш а

Смотрю — ты из несчастных,
Но только, брат, не суетись ты так.

Н е к т о

Преследует меня один смельчак,
Один пройдоха злобный и опасный.
Он мне покоя не дает ни дня.
Меня ведь на потеху, на веселье
Ему отдали. Каждый раз меня
В вонючее он окунает зелье.

Ю н о ш а

Куда?

Н е к т о

Не знаешь. Новенький, поди,—
Анафема над бедной головою.
Нет больше сил. Скорбь эту пощади—
Минут пятнадцать есть у нас с тобою.

Ю н о ш а

Ну, говори!

Н е к т о

Я хаять буду, знай.

Ю н о ш а

Что? Что?

Н е к т о

Не понял, что ли? Склоки
Я буду разводить.

Ю н о ш а

Ну что же, хай!

Н е к т о

Таким путем лечу во всех пороки:
Будь это черт иль человек какой,
Мне все равно — ведь демократ я истый.
Невежда ты, головотяп, тупица,
Коль до сих пор дел не имел со мной...

Ю н о ш а

И здесь своей привычке застарелой
Не изменил ты ни на гран, бедняк.

Н е к т о

Зачем же изменять? Мир создан так!
Кто в нем сапожник, кто хирург умелый.
Профессий много.

Но без лжи сказать,
Не только ты, а все здесь идиоты.
Один лишь я здесь ведаю, видать,
Что нужно делать,
с кем сводить мне счета.
Вот Весовщик — я жалобу послал
Аллаху на него. Шум, суматоха,
Проверки начались, галдеж, аврал!..

Ю н о ш а

Да, трудный труд.

Н е к т о

Нет, ты заметил плохо —
Не труден он! Поссорил мать с отцом —
Они погибли, измотав друг друга.
А тещу? Тещу свел с ума потом,
И даже черт — и тот ведь от испуга
Дрожал, меня увидев, — да, да, да!
Я властвовал над всем, блюдя порядки.
А что твой рай? Да просто ерунда!
И видел сам я, как там брали взятки...

Ю н о ш а

Да перестань! Скажи, какой недуг
Тебя грызет?

Н е к т о

Нет, тяжкие болезни:
Напал проклятый зуд на тело вдруг.

Ю н о ш а

Вон убирайся!

Н е к т о
(уходя)

Отупел, хоть тресни.
С ума сошел и этот...

Ю н о ш а

Не успел
Войти я в ад, а ужасы такие
Уже увидел. Видно, разумел
Тот Весовщик злой жизнь мою земную.

Внезапно доносится чей-то Г о л о с .

Эй, слушайте мой громкогласный зов,
Зову я вас, усопшие земляне!

Того, кто спрятал склочника, готов
Я утопить с ним вместе в этой дряни.

Входит Друг.

Д р у г
(не видит Юношу)

Где негодяй, что жизнь стубил мою?
Я накажу за все его сурово,
И раздавлю его я, как змею, —
Нет утешенья у меня иного.

(Замечает Юношу.)

Ба, это ты?

Ю н о ш а

Ты сам или двойник?

Д р у г

Спасибо, небеса, за эту встречу!

Ю н о ш а

Где пропадал, что делал ты, старик?

Обнимаются после паузы.

Д р у г

Не в ад ли отправляешься далече?

Ю н о ш а

Да, это так! Вот вывод — никогда
Не думаем о жизни и о смерти.

Д р у г

В грязи блуждаю этой я года —
И нету уголка на этом свете,

Куда б ни заходил я. До ворот
Вот этих райских доходил, и все же
Не смог тебя я отыскать, и вот
Тогда решил исполнить волю божью —
За склочника принялся одного,
Занялся, словом, неприличным делом.

Ю н о ш а

Блуждал и я ведь вроде бы того,
С родителями виделся, и в целом
Противным стало все — ни рай, ни ад
Не трогали меня. Теперь нас двое:
Печаль твою делить всегда я рад.
Я много видел...

От тебя не скрою:
Всего два пайса было нужно мне
Благодеянья, — да ведь не однажды
От них я отказался.

Д р у г

Что ж, вполне
Похоже на тебя — ты жил отважно.
Так в чем твоя вина?

Ю н о ш а

Моя вина?
Я слишком верил людям. Недостачи —
Причина только в этом, старина,
Прав Весовщик...

Д р у г

А я, любя и плача,
Что раз и навсегда хочу сказать:
Я не поверил человеку, зная —
На небе звезды можно сосчитать.
Но как богата все-таки людская
Толпа, среда характеров людских.
Нельзя украсить мир одной мечтою!
А помнишь, как от сплетен ты чужих

Меня спасал, боролся с клеветою?
Неужто сплетни, кляузы и ложь
Глаза тебе ни разу не раскрыли?
Или понять тебе не довелось
Того, что муза верною была?
Она тебе дарила мир прекрасный.

Ю н о ш а

Закончил ты?

Д р у г

Что ты хотел?

Ю н о ш а

Тепла!

А ты чего достиг, скажи, несчастный?
В чем виноват?

Д р у г

В неверье виноват
И недоверье. Весовщик без толка
Все упрекал, что и ему вот, брат,
Я тоже не поверю ни насколько!
Заставил он мне в том расписку дать.

Ю н о ш а

И сколько не хватает?

Д р у г

Те ж два пайса!

Ю н о ш а

Величество — так человека звать.

Д р у г

А это что — попробуй догадайся.
Пустая блажь! Я тоже человек,

Ты — человек. И клеветник тот — тоже!
Где качество такое, где тот свет,
С которым он становится дороже?
Мы выдумали это, миф любя.

Ю н о ш а

Не веришь, значит. Это убежденье
Твое. Как человечеству тебя
Представить?

Д р у г

Так зачем же ты все время
Желаешь веры? Нет, о дорогой,
Сначала поколеблю веру смело.
Да и не думай, что ты злой такой.
Ведь если бить собаку то и дело,
В конце концов собака станет злой.

Ю н о ш а

Жизнь провели свою на пустыре
Растением или цветком безвестным.
В весеннюю погоду на заре
То расцветали буйно, повсеместно,
То ветер нас ломал...

Что ж, друг, внемли —
В истории примеров есть немало,
Когда между безродными людьми
Встречались благородные, бывало,
Что от людей терпели столько зла,
Однако им плохого не желали.
Но трудно делать добрые дела,
Хотя они всегда всех возвышали.
Пусть слаб я духом и растерян пусть,
Но чувствую тепло добродейнья.
И нервы напряглись, и громче пульс —
Мне надоело это состоянье.
И хлопоты мои — их скорбный груз,
Хочу тебе я высказать желанье.

Д р у г

Какое же?

Ю н о ш а

Не отвергай его!

Если сейчас направимся мы вместе
С тобою в ад, то разве оттого
Ад будет сыт, хоть ты умри на месте!
Во имя дружбы нашей постарайся.
Внемли с душой распахнутою мне!
Возьми недостающие два пайса
Ты у меня.

Д р у г

Что? Да в своем ли ты уме?
Не слышал я тебя, хоть ты пытался —
Нет, мне такое, друг, не по плечу.
И если хочешь знать, то мир сломался
Теперь. Ох, ты устал!

Ю н о ш а

Я не шучу!

Д р у г

Благодарю! Ты потерпел — и будет!
Но выслушай меня — хотя б чуть-чуть!
Пусть доброта твоя с тобой пребудет,
Но то, что предложил сейчас, — забудь!
Забудь и философию свою.
Кто я такой, чтоб эту брать награду
У друга, для того чтоб жить в раю,
Отдав его без колебання аду?
Критерий правды — справедливость, друг,
Всему свое решение, конечно.
Я говорил о том, что все вокруг
Исколесил, чтоб ты, мой друг сердечный,
Нашелся где-нибудь...

Ю н о ш а

Да, говорил!

Д р у г

Ну, а чего хотел я?

Ю н о ш а

Так чего же?

Д р у г

Свой дом родной тебе отдать решил.
Ты кляузника, помнишь, посрамил
И спас меня.

Одно меня тревожит:
Что я тебе тогда за доброту
Не оплатил ничем без промедленья,
И, преступивший смертную черту,
Я мучился до светопреставленья.
Загробный мир, ах, все ж не мир земной!
Он стоит грош, какой-то грош ничтожный.
Ты знаешь, что такое дом родной, —
Пойми, мой друг, намек мой осторожный.
Возьми два этих пайса от меня!

Ю н о ш а

Вот это да, вот это представленье!
Корысть — всегда неверию родня.
И ждет клеветника лишь поражение.
Но если должен мне — прощаю я.
Иль хвастаться, что деньги взял у друга,
Перед отцом, как хитрая змея?
Не прихоть это, друг, и не услуга.
Пойми — во имя веры вдохновенной:
Два этих пайса у меня возьмешь.

Д р у г

Тебе — нужнее, друг мой, несомненно.

Ю н о ш а

Нет, ни за что!

Д р у г

Но должен взять ты все ж...

Доносится грохот.

Ю н о ш а

Послушай, слышу голос чей-то там.
Росли мы вместе — так погибнем вместе!

Г о л о с

Поклон отцам и вашим матерям,
Поклон всем людям совести и чести!
Хотя б на миг остановите спор,
Послушайте, как толковать вам надо:
Честь, доброта и верность с давних пор
За дружбу бескорыстную награда.
Ведь в мире дружбе верной нет цены,
Нет ни границ, и нет ни в чем предела.
За то, что дружбе были вы верны,
Обоим вам путь в рай дарю я смело.

Вокруг светлеет.

Эпилог

Сказанью моему пришел черед
Закончиться сейчас...
Его основа —
Легенда, что в людских сердцах живет.
Сложив в одно и просто и сурово
Людские судьбы, привести хотел
Всем я пример, хоть знаю сам — ни рая,
Ни ада нет, а есть судьбы предел,
Есть цель земная и стезя земная,
И каждый человек за мир земной,
За счастье и покой на всей планете,
За тишину, за дождик обложной,
За свет дневной — за все, что есть, в ответе.
Лишь человек с большой душой — мой Бог,
Рай на земле весенней создающий.
Среди побед, средь бед и средь тревог,
Творец, будь счастлив, — ясен день грянувший.
И если будет дружба на земле,
То будет мир и счастье на планете.
Живу, чтоб ясный день вставал во мгле,
Чтоб быть всегда пред будущим в ответе.

САХИБКИРАН

Драматическая поэма в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

мир Темур	Яссави (дервиш,
Голниеносный Баязет	Хызр)
Ибиханым	Шильтбергер
Гльджой Туркан	Иоан Султани
^мир Хусейн	Борчик
Цейх-уль-Ислам	Посол России
Лир Сайд Барака	Посол Китая
Санзадабегим	Посол Кастилии
>арлас-богатырь	Букаламун
Сейхосров	Шахрух Мирза
Мухаммед Ковчин	Мираншах
Гиванбеги	Мирза Улугбек
^лавиддин	Мирза Пирмухаммед
<афиз Ширази	Касымбек

Амиры, привратник, есаул, гонцы, цирюльник, старец и другие.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Перед началом спектакля читаются стихи об Амуре Темуре.

Земля узбекская, как нынче ты горда!
Твой славен сын, дивится мир его судьбе!
Звезда Темура, как Полярная звезда,
Сияет ярко в звездных россыпях небес.

Не странно ли? Туран — великая страна,
Но не вмешала в свое лоно столько лет
Того, чьей волей стала родина сильна,
Кто Золотой Орде достойный дал ответ.

Он от монгольских орд избавил целый мир —
От разорения, от участи раба.
Судьбе покорен был барласский богатырь —
Завоевателя ждала его судьба.

С мечом в руке, верхом на верном скакуне
В боях он славу несравненного обрел,
Покой и благо подарил своей стране,
В столице здания чудесные возвел.

Уменье властвовать он миру показал,
Он видел силу — в справедливости всегда.
... Но если вражки кровью налиты глаза,
Грозит народу неминуемая беда.

Тех, кто привык отца у сына отнимать,
Бросался грабить, опрокинув царский трон,
Сумел протянутые руки удержать,
Был салтанат от потрясений сохранен.

Аллах весь род его сияньем одарил,
Навек прославлены Шахрух, Бибиханым,
Лик Улугбека звездный отблеск озарил,
Его деяния мы в памяти храним.

Какое счастье — стал свободным край родной!
Амир, на родину вернуться вы смогли,
Вновь ваше слово прозвучало над страной
И ваши подвиги признание обрели.

А дьявол сеет еще смуту меж людьми.
Слова — молитва, а в душе таится яд...
Увидев вновь, как неспокоен этот мир,
Чтоб вновь им править —
вы б вернулись к нам назад?

Вы в добрых помыслах с народом — на века!
Пусть сгинет зло и несогласье пропадет.
Пускай к мечу не прикасается рука —
Хазрат Темур, благословите свой народ!

Занавес открывается. Самарканд. Дворец Темура.
Повелителя бреет цирюльник.

Ц и р ю л ь н и к

Цирюльника работа всем известна:
Постриг, побрил — на том закончил дело!
Однако божьей милостью богат я.
Клиент мой — сам Амир Темур великий.

Уж сколько лет я состою на службе.
Властитель мира, в ваш дворец вхожу я.
Почтить изволите своим вниманьем —
Вы даже пошутить со мной готовы...

Т е м у р

Рабов-то много,
ты — один!

Ц и р ю л ь н и к

Я попрошу,
Сахибкиран, чуть голову нагните,
Остра ведь бритва и быстра рука...

Т е м у р

Да, голову и нам, владыкам мира,
Перед цирюльником склонять случалось.
Перед другими — боже упаси!
Однако знай, что лезвие любое
Покорно пожеланиям владыки,
Коль надо — режет, а в разгаре гнева
И золотую голову снесет!
За слово доброе я благодарен.
Любому существу наперсник нужен...
Что, если я тебе открою сердце?

Ц и р ю л ь н и к

Благодарю, мой господин!

Т е м у р

Послушай,
Вот говорят, что я не улыбаюсь,
Что чужды мне и радость, и веселье.
Меж тем, не счесть таких, кто неприметно
Мне сыплет яд!

Льстецы и карьеристы,
Завистники, обманщики и воры —
Все в окружении моем найдутся.
Так что же?

Мне — заискивать пред ними?
И, улыбаясь, покорять сердца?
Что там, у них в душе, всегда я вижу
Так ясно, словно в зеркало гляжу.
В их пасти жадные продев уздечку,
Грозя камчой, заставить трепетать —
С животными так надо обходиться.
Того же заслужил и род людской.
На миг один оставишь без поводьев
Правителей улусов близлежащих —
Сосед соседа разорвать готов!
Не слава их страшит моя, а меч!
Цирюльник, вот я голову склонил
Перед тобой.

Прости меня, однако
Согнуть колено не могу никак!

Ц и р ю л ь н и к

Я знаю, в битве ранены вы были,
И потому ваш раб прощает вас.

Т е м у р

Напрасно ты беду мою напомнил.
Я тоже не с мечом в руке родился.
Есть город Кеш,
в оазисе зеленом
Поблизости — кишлак Ходжа Ильгар.

Ц и р ю л ь н и к

Мир знает!

Т е м у р

Там я в детстве пас табун.
Как радостно бродить среди холмов...
Весна потоки низвергала с гор
И сыпала цветы, не зная счета,
И странные во мне будила чувства.
На звезды глядя, бейты я слагал.
Поэт их на бумаге записал бы,
Я — врезал строки в рукоять меча.
Так постарался утвердить их смысл.
Что «сила — в справедливости». Навеки!
Судьба мне в юности вручила меч.
В ту пору чингизиды гнали нас —
Любовь к свободе не могли изгнать,
Она жила в сердцах барласов львиных.
О, сколько погибало удалцов,
Разрозненно бродивших среди гор!
Объединил я их и поднял знамя.
Блуждал в степях, в горах нашел приют...
Пещера есть одна в горах Гиссарских.
Проезжим она издали видна —
Как бездна черная...

Ее ты знаешь.

Ц и р ю л ь н и к

Пещере этой дали имя вы...

Т е м у р

Да, в ней я от врагов порой спасался,
Там мой скакун оставил свой помет.
Враги меня пытались обогатить,
Разбойником представить!..

По пятам

За мной гнались.

Засады были всюду,

Но, божьей милостью, я победил.
Смотри, сидим мы, живы и здоровы,

Соратники!

Закончил дело ты?

Ступай! Спасибо...

Пусть войдет привратник.

Цирюльник удаляется. Входит привратник.

П р и в р а т н и к

О покровитель мира, прислан к вам
Из Хутталяна некто Кейхосровом.

Т е м у р

Кто именно...

П р и в р а т н и к

Амир Хусейн.

Т е м у р

Он самый?

Пусть приведут.

И пусть придут сюда
Шейх-уль-Ислам, амиры и, конечно,
Пир несравненный, Барака Сайд.

П р и в р а т н и к уходит.

Рассказ начнется, будет и конец...
Как разобрать, кто первым распря начал,
Хусейн иль я?

Про то Создатель знает.
Родней приходится Амир Хусейн.
Жена, Ульджой Туркан, ему сestroю.
Подточен плод червями — упадет,
И не спасет его здоровый корень.

Вводят Амира Хусейна в окружении членов дивана —
Государственного совета.

Пожалуйста, амир!
И пусть с тебя оковы будут сняты
Немедленно!

Амир Хусейн

Проклятая судьба!
Живым — пред Сатаной предстать я должен.

Темур
{*Мир Сайду Барака*}

Вы слышите, почтенный Мир Сайд?
С ним в Балхе вы встречались в дни былые.
Вели беседы.

Знаете его...

Он говорит «судьба», а разве я
Не тою же судьбой ведом по жизни?
(*Амиру Хусейну.*)

Ты вырос, книги даже не видав.
Нет логики, амир, в речах невежды.

Мир Сайд Барака

Аллах всемилостивый создал род людской
И каждому судьбу определяет.
Бывает так — чтоб испытать кого-то,
Свободою одарит.

Испытанья

Не смог ты выдержать, Амир Хусейн!

Амир Хусейн

Скажите, пир, а вам-то что я сделал?
В чем виноват?

Мир Сайд Барака

Вину тебе напомню...

Построил в Балхе ты дворец роскошный
Для разных удовольствий...

Где взял деньги?

Мечетей средства на него истратил!
Теперь же, плача, говоришь «судьба».

Т е м у р

Жизнь быстротечна.

Так порой несется —
Развее наших резвых скакунов.
Хусейн, ты помнишь, вместе мы росли.
Ты — Казагана внук!

Я — сын барласов!

А м и р Х у с е й н

Хотя с тобою рядом мы молились,
Ты ниже родом!

Я ведь — чингизид.

Т е м у р

А годы отрочества ты не позабыл ли?
На скачках мы с тобою состязались,
И ты отстал, но, не теряя спеси,
Сказал вот так же:

«Я ведь чингизид!»

Династии царей подобны рекам,
Одна с другой сливаются — бывает.
Но дед твой — не Чингиз,
а просто — зависть!

Да, зависть, зависть.

Знай, амир Хусейн,
Она тебя, связав, сюда пригнала.
Пока великий салтанат я строю,
Ты только мечешься — туда, сюда...
А сколько раз ты клялся на Коране?
Мне клялся! А, Хусейн, припоминаешь?
В последний раз, когда я слово дал,
Что связанным ко мне тебя доставят,
Ты убежал!

А м и р Х у с е й н

Удача изменила.
Иначе бы твой трон моим считался!
Я в медресе укрылся.

Кейхосров

Узнал меня, мерзавец, по одежде —
Халат был шитый золотом на мне.

Т е м у р

Ведь ты убил отца его, Хусейн!
За эту кровь тебе пришлось ответить.
Винишь ты невезенье понапрасну,
Себя вини!

А я был избран в Балхе
Законным повелителем страны.
Вгляни теперь ты на себя, Хусейн!
Войска не уважаешь, платишь скупое.
Когда у Сырдарьи мы вместе вышли
В бой против Джета, день злосчастный выпал —
Как будто небо кто-то продырявил
И горы туч обрушили потоки
На изнуренных воинов твоих,
От головы до ног они промокли,
Голодные — как тут не отступить?
Из-за тебя и я без сил остался.
Потери — десять тысяч человек...

А м и р Х у с е й н

Не сваливай вину за поражение
Лишь на меня, Темур!
Ты полководец,
Что ж хитрости свои не показал?

Т е м у р

Из тысячи — одной ты не увидел!
Хоть окружили джетцы, словно цепью,
Я их разбил и в бегство обратил.
Я помню Мир Сайда Барака.
Наставник наш и пир был вместе с нами.
И он во время боя склонился,
Набрал земли пригоршню и, воскликнув,
«Враги бегут!», он бросил эту землю

В их сторону.

И что же? Побежали!
Что, это тоже хитрость?

М и р С а й д Б а р а к а

Все от Бога —
Кому поможет, тот и победит.

Ш е й х - у л ь - И с л а м

Сахибкиран — почтенных именуют.
По воле Бога, раз в восьмисотлетье
Особое у звезд расположение:
Оленя вид — в созвездье Козерога.
Тогда рождается Сахибкиран...
Родился первым Искандер Великий,
Затем — Посланец Бога, наш пророк.
А третьим был властитель наш Темур,
Сахибкиран.

Святые предсказали,
Что станет он владыкой полумира,
Что будет его царство нерушимо,
На восемь сотен лет хранимо Богом.
Аминь!

Присутствующие повторяют: «Аминь!», «Аминь!», проводят
ладонями по лицам.

К е й х о с р о в

Властитель, разрешите, я скажу...

Т е м у р

Отец твой был правитель Бадахшана.
Край разорив, убил его Хусейн.
Да, Кейхосров, тебя я понимаю.

Кейхосров

Нет войн без крови, это всем понятно.
Подлец, убивший моего отца,
К тому же он еще клятвопреступник.
Он клялся вам — и снова предавал.
Вот что нашел я у него в колчане —
Стрела, на ней написаны слова...
Прочтите надпись.

Кейхосров протягивает Темуру стрелу.

Т е м у р
(*читает вслух*)

«Это — для Темура»!
Да, вот такой стрелою в Сажистане
Был ранен я.

Рука, нога доньше
Хранят следы тех ран и все болят.
Вот странно, ты тогда лечил мне раны,
Бальзам накладывал.

Ведь так, Амир Хусейн?

А м и р Х у с е й н

Стрелу для сердца твоего я ладил.

Т е м у р

Отравлена?

А м и р Х у с е й н

Коснись — и убедись!

Т е м у р

Сказал мудрец: «Уж если соль гниет,
Чем сохранишь ее?»

Ух, ты, подлец, мерзавец!

Барлас - богатырь

О повелитель, разрешите нам
Стрелу вот эту в грудь его направить.

Из задних дверей выбегает Ульджей Турка}

Ульджей Туркан

Властитель!

О властитель!

Погодите!

Те м у р

Ульджей!

А м и р Х у с е й н

Ульджей?!

Те м у р

Откуда ты явилась?

Ульджей Туркан

В своих покоях...

Голову помыть

Собралась.

Как обычно, воду грела.

Я видела — цирюльник уходил...

А после — этот странный разговор

Послышался.

Я не смогла остаться.

Прошу, свою рабыню не вините.

Те м у р

Ты не рабыня, ты моя жена.

Твой славен род.

А м и р Х у с е й н

Ты внучка Казагана,

Сестра Хусейна.

Младшая сестра.

Ульд жой Туркан

Сгорев меж двух огней.
Золою стала, — и обоих жаль мне.

Темур

Ульд жой, прислушайся к моим словам!
Безжалостным владыкой не считай!..
Тебя хочу обнять, пойми, послушай!
Чиста ты, как цветок, в степи возросший.
Не забывай, у каждого свой норов.
Я брата твоего прощал частенько,
А вышло так, что он в грехе погряз.
Жаль, что твой брат настолько ненасытен.
Случится — и тебя не пожалеет.

Амир Хусейн

Амир Темур, ты что? Побойся Бога,
Сказал — так докажи свои слова...

Темур

В те дни, когда мы ссорились с тобой
(Точь-в-точь собака с кошкой повстречались!),
Монгол коварный вновь взял Самарканд.
Коль нет царя, известно, что бывает...
Тогда-то эти — головы подняли...

Амир Хусейн

Ты что, о сарбадарах речь ведешь?

Темур

Да, это так, скажу о сарбадарах.
Свой город отстояли храбрецы
И выкинули прочь монголов войско.
Тут, на готовенькое, мы пришли
И взяли салтанат от сарбадаров.
Тогда себя амиром ты назвал,
Меня — визирем...

Как же сарбадары?

Невежество — одна у них вина.

Ремесленник иль ученик муллы,
В делах правленья — как им разобраться.
Издав указы вздорные, они
Богатых разочаровали вскоре.
Вот отчего нам удалось с тобой
На виселицу их, бедняг, отправить.

Амир Хусейн

Я знаю, что ты склонность к ним питал.
От виселицы одного избавил.
Как его имя? Мавляназаде?

Темур

Из-за тебя в ту пору начались
Вновь в Самарканде разногласья, споры.
Как будто волк, ворвавшись к овцам вдруг,
Всех без разбору режет, ненасытный,
Ты без разбору требовал налог,
Будь хоть вдова или последний нищий,
А сбор налогов на меня взвалил.
За кровь невинную — одна вина,
За разграбление народа — десять!
Я сарбадаров не сумел спасти...
О тех, кто жизнь за родину отдал,
Об их судьбе скорбел я, не о троне.
Да, как цветок, раскрывшийся зимой,
Они себя на гибель обрекали,
Могила вечно пополненья ждет —
И пасть твою я не сумел насытить.
Часть большую того, что ты хотел
Содрать с народа, — мы с Ульджей отдали.
Когда-то серьги ты сестре дарил,
К тебе они, бесчестный, возвратились.

Ульджей Туркан

Брат, неужели?

Амир Хусейн

Я их не узнал.

Что было, то прошло.

Зря он болтает.

Кто победил, тот прав, вот в чем все дело.

Т е м у р

Такая мудрость — просто звук пустой.
Я победил, запомни, в деле правом!
...Жил в нашем крае человек святой,
Ахмадом Яссави именовался.
Послушай лучше то, что он сказал —
Одно из его мудрых наставлений:
«С пути меня сбила жадность, к беде привела,
Народ, ожидающий блага, к нужде привела».
Вот две строки, как будто две стрелы,
В тебя нацеленные!

У л ь д ж о й Т у р к а н

Жаль, узнала все...
Уж сколько лет была вражда меж вами...
Брат, я не раз спасала жизнь твою,
Великого Амира умоляя...

А м и р Х у с е й н

Прошу, сестра, не надо умолять.
Сам за себя я постоять сумею.
Иди в свои покои, отдохни.
Прости меня, сестрица дорогая!

У л ь д ж о й Т у р к а н

Олампанох, отдайте мне стрелу
На память о событии ужасном.

Т е м у р

Ты слышала, о чем мы говорим...
Что ж, вот, возьми, но надпись не читай.

У л ь д ж о й Т у р к а н
(берет стрелу, уходя, читает)

«Это — для Темура».
Нет, для меня!

У л ь д ж о й Т у р к а н в ы х о д и т .

Т е м у р

За все всегда благодарю Творца.
Аллах мои дороги освещает.
Какие страны я ни покорял,
Опорой мне была Аллаха воля.
Не слушал я, что звезды предрекли,
Астрологи мои про это знали.
Под власть свою народов много взял,
С одною верой и с одной молитвой.
Стяг Мухаммеда поднял высоко.
Но вот о чем печаль моя и скорбь —
С кем вместе рос и на конях скакал,
И с кем в одной мечети я молился —
Теперь чужой он, враг!

О пир почтенный,
Что скажете, Мир Барака Сайд?

М и р С а й д Б а р а к а

Кровь мусульман нельзя нам проливать,
Но тот, кто стал преградой на пути
Идущего со знаменем пророка,
В грехе повинен тяжком.

Эй, Хусейн!

Покайся! Говорю тебе — покайся!
Пророка милость такова, что грешным
Дверь покаянья день и ночь открыта.

Т е м у р

Что скажет господин Шейх-уль-Ислам?

Ш е й х - у л ь - И с л а м

Одной священной отведу фразой,
Взяв из Корана.

Т е м у р

Обращен я в слух!

Ш е и х - у л ь - И с л а м

Исполнены высокого значенья
Слова святые: «Все по воле Бога
Свершается всегда на этом свете!»

Т е м у р

Воистину, Создатель знает сам.
Эй, вы, мои амиры, бахадеры,
Военачальники, что горячей огня,
Какие чувства вам внушил Аллах?
Ответа жажду, богатырь Барлас!

Б а р л а с - б о г а т ы р ь

Сахибкиран, мы жаждем повелений!
Велите вы — преодолеем все,
Своротим горы, океаны выпьем.
От вас мы силу получили в дар,
Бесстрашием вы делитесь так щедро.
Клялись мы верность долгу сохранить.
Свидетель Бог — присяга нерушима,
И, если в вас направлена стрела,
Она сначала грудь бойцов пронзает.
Коль подлого врага простите вы,
Мы не простим.

Нагоним и рассеем!

Вбегает прислужница, она в полном отчаянии.

П р и с л у ж н и ц а

О повелитель,
о Амир великий!
Ужасна весть, что я несу, ужасна!
За то, что я ее вам сообщила,
Язык отрезать мне тотчас велите!

Т е м у р

Какая новость? Говори, рабыня!
Да не болтай, одумайся сперва!

П р и с л у ж н и ц а

Там госпожа лежит - и бездыханна!
Ульджей Туркан сама себя убила
Вот этою стрелой!

Прислужница протягивает Темуру окровавленную сп.

Т е м у р

О горе!

А м и р Х у с е й н

Горе!

Т е м у р

Амир Хусейн, нас цепь соединила,
Была крепка, подобно горной цепи,
Но в этот миг распалась навсегда.
(Кейхосрову.)

Тебе, о Кейхосров, его вручаю!

А м и р а Х у с е й н а уводят.

Две жизни ныне свой конец нашли,
И обе — дар от матери одной.
Сестра и брат ушли вослед друг другу.
Любовь одной предела не имела,
Корысть другого — так же велика...
И оба, что, из-за меня погибли?
Когда б завесу жизни мы открыли,
Два образа предстали бы глазам.
Один — Хусейн, кто Богом упокоен
За то, что думал о себе одном.
Но вот Ульджей Туркан...

Она — за что?

Неужто дьявол, точно волк голодный,
Овечку обязательно зарежет?
В таком порядке — справедливость есть?
Зачем ликуют дьяволы слуги?

Зачем так много и лжецов, и плутов?
Зачем лицо земли злодеи топчут?
Обязан я от них избавить мир.
Но смерть всегда играет с нами в прятки.
Боюсь я смерти?

Отвечать не просто,
Но ясно сознаю: там, где есть жизнь,
Для всадника с косою не будет места.
Шейх-уль-Ислам, одно скажу вам слово,
Вы людям донести его должны
В собраниях, на советах, на пирах!
Пока я жив, никто не смеет хвастать
Тем, что он кровь пролил — чужую кровь.
И в сердце у меня пускай не гаснет
Свет милосердия!

Он завещан Богом.
Шейх-уль-Ислам, пора читать Коран.

Шейх-уль-Ислам

(пока он читает Коран, занавес медленно закрывается)

«Тебе, Творец, возносим мы молитвы
И вспоможенья ждем мы от тебя.
Наставь своих рабов на верный путь —
И это путь не гневных, не заблудших...»

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

А мир Темур на троне. Вокруг — в виде полумесяца —
расположились царские дети, внуки. С левой стороны
духовники, судьи, ученые, знать. Напротив трона
визири, правители вилоятов. Позади трона, с правой
стороны, — воины-богатыри, с левой — командующие
летучими отрядами. У входа в шатер стражники Высокого Совета.
Справа и слева — просители.

Темур

Чтоб разрешить нелегкую задачу,
Мы на Совет собрали всех достойных,
Духовников собрали и визирей,
Правителей и удалцов собрали.

Промеж двух рек легли владенья наши,
Четыре в них заключены улуса,
Но царство лишь одно.

Фирман один!

Чтоб править государством, как известно,
Нам указанья, правила нужны.
Чингиз все это «Строем» называл,
Мы говорим, что это «Уложение».
Те выводы, что подарил нам опыт,
Мы в «Уложении» четко излагаем.
Последовательно и в том порядке,
Чтоб за вопросом поспешал ответ.

Первый амир

Властитель наш, какое ж это счастье,
Что вы у нас Амиром!

Опыт свой,
Нажитый в битвах, вы нам отдаете.
Вокруг были рассыпаны, как просо,
Рода и племена.

Кто правил ими —
Друг с другом враждовали без конца.
До кулаков при встречах доходило.
А вы сумели всех объединить,
Вы создали такое государство,
Которого история не знала.
Властитель, что его основой стало?

Темур

Страну не созидают «на авось».
Опора государства — это воля,
Не одного, а всех, всего народа.
В могуществе страны есть три основы:
Единый шах, богатая казна
И войск глава, не знавший поражений!
Для армии не пожалейте трат.
Бойцам поместья, званья раздавайте!
Судьба скупого, знаем, незавидна,
Казну накопит только доброхот.

Второй амир

Властитель, на земле так много шахов...
Как властвуют, как правят над людьми?

Т е м у р

Взгляните-ка на небо.

Среди звезд.

Сомненья нет, всех ярче светит солнце.

Взгляните, среди хищников один

Лев — самый совершенный и могучий.

Все люди разные, а править ими

Царям Аллах великий повелел.

Коль есть одна отара, и чабан

Один быть должен.

Этого довольно!

Одна отара — и один чабан!

Мы покорили семь краев земли,

Властителя другого притязанья

Несбыточны!

Иные нас винят

В насилии, жестокости, разбоях...

Сыны мои, запомните навек:

Когда возможно дело кончить миром,

Ни на кого меча не поднимайте!

Но если шах — любой — народ тиранит,

Меч справедливости подняв высоко,

Его разите!

И Аллах вам в помощь!

Есть путь, чтоб столкновенья избежать —

Все делать по закону, безусловно.

Пусть справедливость процветет для всех!

В моих владеньях, на просторе их

Разбойникам и ворах рубят руки!

Правитель, допустивший воровство

В своем краю,

за то пускай ответит:

Покончит с ним иль возместит убытки!

В местах, что вы берете под надзор,

Оказывайте людям уваженье,

А главное — везде сады сажайте

И стройте здания!

А если кто-то

Заброшенные земли оживляет,

Три года не взимать с него налогов!

Религия ислама — наше знамя.

Кто оскорбит ее, достоин ада.

И помните, что слава государства
Умножится наукой, просвещением.
Средь тех, чье слово веско на собраниях,
Прославлен молодой Ибн-Арабшах.
Возможно, наши речи подтвердит он?
Не удивлюсь.

И б н - А р а б ш а х

Олампанох, властитель!
Меня как пленника еще ребенком
Доставили в престольный Самарканд,
А ныне он для всех ученых — Мекка!
Здесь зодчие, строители собрались
Со всех краев земных вельнем вашим
И вашей милости узнав величье.
По воле вашей выросли дворцы,
И крепости, и дивные мечети.
Таких не ведали и не видали
Ни Запад, ни Восток.

Им нету равных.

И нет таких царей, таких владык,
Кто так, как вы, лелеет просвещение.

Т е м у р

За эту речь премного благодарен.
Однако что ты на сердце таишь?
Эй, Арабшах!

И б н - А р а б ш а х

Мой Бог! Как вы узнали?

Т е м у р

Сказали мне о том твои глаза,
Ведь зеркалом души их именуют.

И б н - А р а б ш а х

Порою в памяти встает бывшее.
Я в юности скитался по пустыне,

Чужой для всех, бессильный, одинокий.
Сны воскрешают все мои терзанья,
И, не сдержавшись, я клянусь судьбу,
Кого-то обвиняю, очерняю.
Да, болен страхом я.

Но я ученый!

Т е м у р

Когда ученый болен, дело скверно.
Даст Бог, поправитесь.

И я надеюсь,
Что как историк судите вы здраво.

И б н - А р а б ш а х

Благодарю, хазрат,
благодарю.

Т е м у р

Наукою познания в свое время
Заняться мне судьба не повелела.
Бескрайне царство, выше гор — дела.
Но зданья возвести, сады умножить —
Благая цель, ведь так, Ибн-Арабшах?
Мой Самарканд — такого в мире нет!
Селеньям, окружающим столицу,
Дал я названья звучные — Дамаск,
Багдад!

Как говорят в народе,
Благая цель, считай, уже полдела.
А в городе родном, преславном Кеше,
Дворец воздвигнут мною — Ак-Сарай.
Кто в нашей мощи возымел сомнение,
Пускай придет и Ак-Сарай увидит!
Слова эти высоко на портале
Велел я начертать.

Века пройдут,
Великолепье устоит пред ними,
И пусть далекие потомки скажут:
«Наш дед Темур не разрушал, а строил!»

Ш е й х - у л ь - И с л а м

Властитель!

Пока мир стоит — живите!

Все

- Живите!

- Да!

— Покуда мир стоит!

Шейх - уль - Ислам

Пусть устоит ваш салтанат навечно!

Пускай пребудет вечно царство ваше!

Все

Да будет так! Да будет так! Аминь!

Темур

Жизнь человека пролетит, как ветер,

Но вот дела, слова пребудут век.

Кто не слышал о славе Туркестана,

Ходже Ахмаде Яссави?

Доныне

Живут его заветы, наставленья

Да изреченья мудрые его.

Мы, тюрки, прадедов храним могилы.

Есть среди них красивый мавзолей...

Ходжа Ахмад наш был святым, известно,

Что возраста пророка он достиг

И в тот же день, отринув все мирское,

Он скрылся под землей — по доброй воле.

Нам, смертным, как загадку разгадать?

Порою Яссави во сне мы видим,

Но все заботы наши — на земле.

Поэт ночами сотворяет песни,

Мы — хитрости военные находим

Тех полководцев, что сражались прежде,

Ошибки изучаем, упущенья, —

Так создается искусство войн.

Не правда ли, эй, богатырь Барлас?

Барлас - богатырь

Хазрат, вы заложили основанье

Науки о войне,

и нерушимо

Пребудет эта крепость, на века!

Порядок построения предписали —
Ряды стройнее, чем поэта строки.
Благодаря искусству полководца.
Мы, ваше войско, в десять раз сильнее
Громим врага!

И сказано не зря:
Залог победы — храбрость и уменье.
Что толку в грубой силе?

Нужен ум.

Т е м у р

Весьма нам интересно — наши дети,
Царевичи, что знают о войне?
Мирза Шахрух и Мираншах нередко
Участниками были наших битв
И возглавляли в них свои улусы.
По милости Аллаха, мне усопший
Сын Джахангир оставил память — внука...
Пирмухаммед, а ну-ка, ты ответь!
Когда враги навстречу посылают
Нам боевых слонов,
какую хитрость,
Какой подвох пора употребить?

М и р з а П и р м у х а м м е д

Властитель, вы сказали, род звериный
Бойтся только лишь огня.

Что нужно?

В нефть надо обмакнуть соломы связки
И на верблюдов нагрузить.

Затем поджечь.

Помчатся тысячи верблюдов —
Как пламя адское, сорвавшись с места!
Слоны, увидев, затрубят в тревоге
И отступать начнут, давя своих.

Т е м у р

А если лес путь преградит верблюдам,
Какой найдешь ты выход, полководец?
Прикинуть десять раз, то так, то этак
Обязан ты — и все предусмотреть.

У л у г б е к

Олампанох!

Дозвольте, я скажу!

В экзамене участвовать великом —
Для нас большой честь.

Т е м у р

Внук Улугбек,

В Герате был рожден, во время битвы.
Года прошли, а в памяти моей —
Как я простил в честь твоего рожденья
Врагов моих, народу дал покой.
И, ради памяти отца священной,
Тебе дал его имя — Тарагай.
Так называть тебя стеснялись люди
И звали — Улугбек.

Так и осталось.

Все говорят, что свойствами своими
Названия такого ты достоин.
Ну, как там наши битвы и слоны?

У л у г б е к

Олампанох, ведь был поход индийский,
Когда вы повелели из железа
Колючку-трехконечник изготовить,
Чтоб, как ни брось, торчало острие
Одно из трех, всегда смотрело кверху.
Там, где бросают тысячи колючек
Такого вида, слон пройти не может.
Уж разве что взлетит!

Т е м у р

Ну, молодчина!

Да если враг слонам привяжет крылья,
Вдвоем с тобой и тут отыщем выход!
О дети, я прошу, не забывайте,
В делах страны заботы лишней нет.
Есть тысячи у нас агентов тайных,
Они друг друга не должны и знать...

Услышал новости — спешить не надо.
Обдумай их и лишь тогда решай!
Когда ж поход готовите далекий,
Понадобятся три-четыре года.
Должны вы пастбища сперва готовить,
Чтоб у границ скопились табуны.
Поход начнется, на конях усталых
Вы доберетесь до заветных мест —
Здесь тысячи вы скакунов найдете.
В рядах противника посеять ужас
Есть средство — под покровом темной ночи
Вокруг их стана разжигать костры,
Мерцание огней в ночи увидев,
Подумают враги, что вас так много,
И в бегство — лишь бы ноги унести!
Налет в ночи — что может быть грозней!
Когда же лошадям к бокам привяжем
Из веток с листьями подобье метел
И пустим вскачь —

взовьется пыль до неба,
Покажется — день Страшного суда!
А если конных тысячи четыре
Помчатся в бой, крича что было сил,
То паника в рядах врагов начнется...
В бою, хотя бы ты один остался,
А знамя высоко держи всегда!
Пред нападением пусть раздастся возглас
«Аллах акбар!» — пророк с тобой пребудет.
«Вперед!» — и этот клич атаке в помощь.
Простое «Ур! Дави!» — и то пугает.
Весь мир успел изведать нашу силу,
Наслышан он о боевых уловках,
Но хитростям Темура нет конца.
Совет окончен.

Гости, вы свободны!

Часть присутствующих уходит.

Царевичи, визири и амиры,
Останьтесь, я прошу.

Теперь пусть скажет
Визирь наш мудрый Мухаммед Ковчин.
В пределах салтаната — что там слышно?

М у х а м м е д К о в ч и н

Властитель, в салтанате все спокойно,
И стар и мал — все вас благословляют.
И вести добрые от сыновей.
Налоги, подати — все под надзором,
И лишь правитель Рума Баязет
Не склонен быть покорным.

Т е м у р

Баязет!

Вновь он?

Яссавури из Самарканда,
А в Хутталяне — Кейхосров, а в Балхе —
Хусейн, еще Джалаирбек в Ходженте
Вставали против нас, что с ними случилось?
В Хорезме правили Хусейн с Юсуфом,
И Чигатай они не признавали,
Нечистую игру вдруг повели...
Чем кончилось?

Был разорен Хорезм.

Чтоб защитить ислам и шариат,
Столицу Индии мы взяли тоже,
Занжир Сарай...

Он отомщен быть должен.

Мы Тохтамыша разнесли Орду,
Сарай Берка огню был предан также.
А Баязета — нет, не задевали,
Чтоб иноверцам повода не дать
Для сплетен и насмешек.

Все едино

У нас с султаном — вера и язык.
Мы тюрки оба.

Если подеремся,

И мне не в честь, да и ему не в честь.
Лицо ислама он попрал ногами,
Когда женился вдруг на христианке.

Ш е й х - у л ь - И с л а м

Позорней дела не свершалось в мире,
К тому ж во времена Сахибкирана.

Т е м у р

Уж сколько лет, как скрылись от меня
С Кара Юсуфом Джалаир Ахмед,
Убежище найдя у Баязета.
Султан пригрел моих врагов презренных!

Б а р л а с - б о г а т ы р ь

Властитель, Баязета не прощайте!

А м и р ы

Ачохазрат, ведь есть предел терпенью!

Т е м у р

Письмо направили мы Баязету,
Еще одну возможность дали — думай!
Однако до сих пор ответа нет.

М у х а м м е д К о в ч и н

Мой властелин, возможно, Баязет
Сидит и кается, утратив смелость.
Перед глазами башни из голов
Отрубленных, потоки алой крови...

Т е м у р

(гнево)

Что ты сказал, эй, Мухаммед Ковчин?
Те головы, что на войне священной
Упали с плеч, ты складываешь в башни?
И кровь, что пролита за справедливость,
В твоих глазах кипит потоком горным?
День Страшного суда когда ты встретишь,
Покаешься тогда с султаном вместе?
Слова такие не визирь Темура,
Сам Баязет бы мог произнести.
И знай, Ковчин, что станет твоим делом
Отныне —

торбу конюха возьми

И головы, что сам срубил, держи в ней.
Эй, конюха сюда ко мне позвать!

М у х а м м е д К о в ч и н

Властитель наш,
Алохазрат!

Т е м у р

Замолкни!

Я не хазрат, я не святой — Темур я.
Так именуют божьего раба,
Возможно, я умру когда-нибудь,
Змея укусит или конь затопчет...
Пока я жив!

У вас перед глазами
Мне имя Победителя дано.
Пора такая для людского рода
Настала,

такова его судьба —

В пустыне бытия он заблудился,
Бредет, от жажды губы пересохли,
Ему я нужен, как воды глоток.
В степи бескрайней караван разбросан,
Один другого бьет, толкает, тянет...
Я караванщиком сюда явился,
Всех выстроил, связал единой связью —
Вот пред историей моя заслуга.
А ты, Ковчин, и кто тебе подобен —
Верблюд, отбившийся от каравана.

(Вводят конюха. Темур — Мухаммеду Ковчину.)

Ковчин, одежду конюха надень,
Халат твой златотканый — для него!

М у х а м м е д К о в ч и н

Алохазрат, алохазрат, простите!

Т е м у р

Теперь ступай!

Безвольному служаке
По праву наказание такое.

{Привратнику.}

Что слышно?

Прибыл ли гонец из Рума?

П р и в р а т н и к

Властитель, ожидают два гонца.

Т е м у р

Пускай войдут.

Входят, один за другим, два гонца. Темур— первому из них.)

Откуда ты и как тебя зовут?

П е р в ы й г о н е ц

Из Сарандиба. А зовут Борчик.

Т е м у р

Борчик?

П е р в ы й г о н е ц

Борчик.

Т е м у р

Впервые слышу

Такое имя.

Объясни значенье.

П е р в ы й г о н е ц

Не знаю. Я не думал...

Т е м у р

Вот с таким

Гонцом, что смысла имени не знает,

Я говорить не стану. Прочь ступай!
Ведь тот, кого направят в край далекий,
Отобран из достойных должен быть.

Второй гонец

Алохазрат, а я гонец из Рума
И послан к вам султаном Баязетом,
А имя у меня — Султан Шабли.

Темур

Давно тебя я ждал.

Ну, говори,
С какою вестью? Как султан там правит?
*(Гонец протягивает послание.
Темур начинает читать.)*

«Войною разрешим мы эти споры...
Темур, коли в наш край ты не придешь,
Будь проклят ты — и с женами в разводе.
А если я тебя не одолею
И отступлю, то жен лишусь я сам».
Ух, Баязет! Ты цель поставил четко,
Но надо ль женщин судьбами играть?
Султана имя золотом блистает,
Чернилами писали имя наше,
Пониже.

Подобает ли султану
Ребячливость такую проявлять?
Пускай и нашу волю он узнает.
Фирман таков: зовет на поле боя
Нас Баязет.

И мы пойдем на бой!
Гонца его обратно проводите
Со всяким береженьем.

А теперь

Свободны все.

Хочу один остаться.
*(Все выходят. Темур смотрит на покрывало,
повешенное позади.)*

Букаламун, где ты? Сюда иди-ка.

Из-за покрывала внезапно появляется тайны и агент
Темур.

Букаламун

О, господин, я здесь, жду приказаний.

Темур

Опять тебе одно доверю дело,
Нелегкое.

Ты справишься, я знаю,
Средь тайных согладатаев моих
Ты самый ловкий.

Если пожелаешь,
Свой облик, вплоть до цвета глаз, изменишь.
Нет в мире языка, чтоб ты не знал.

Букаламун

Олампадох, по этой ведь причине
Меня прозвали вы «Букаламун».
А прежде меня звали Итолмасом.

Темур

Теперь твой путь ведет тебя на Запад,
Надменных и коварных европейцев
Изучишь планы, помыслы, дела,
Разнюхаешь, чего хотят владыки.
Все разузнай — тогда пошлешь гонца.

Букаламун

Сюда, в ваш Самарканд?

Темур

О нет, подальше...
Коль суждено, вблизи от Анкары,
Да, в самом центре Рума, прямо в сердце
Победный свой шатер велю раскинуть
И подыму свой стяг! Да будет так!

Б у к а л а м у н

Олампадох, вот с этого мгновенья
Меня, прошу, французом вы считайте.

Т е м у р

Ответил ты как надо, молодец!

Б у к а л а м у н исчезает. Темур хлопает в ладоши, появляется
п р и в р а т н и к .

Бибиханым, жена моя, принцесса,
Пускай войдет ко мне.

П р и в р а т н и к выходит.

Бибиханым!..

Когда бы не было ее, то в бурях
Боев и схваток, в распрях бесконечных
Окаменеть могло бы это сердце.
Мир лживый, полный злобы и корысти,
Порою я терпеть уже не в силах
И думаю, а стоит ли быть добрым?
С любовью чью-то голову погладишь,
А рот укусит ласковую руку!
Все себялюбцы, от рабов до шахов.
И думаешь, какая тут причина?
Я знаю, что порочен род людской.
Разграбив троны,
честь, богатство, славу,
Забыв о драгоценностях души,
Дарованных ему Аллахом щедро,
Не слушают, — так надо их камчой
Вернуть к забытому понятию чести.
От подлости и низостей устав,
Иные мудрецы идут в дервиши,
Мир покидая.

Ну, а я-то, я?!

Всегда один, и на меня с укором
И ныне, да и в будущем взирают
Тысячеглазо — только на меня.
Таков удел мой — битвы без конца.
И лишь Бибиханым, луне подобно,
Моих ночей мрак тусклый освещает.

Входит Бибиханым.

Бибиханым

Олампанох, вы звали...

Темур

Бибихан,
Я на Совете занят был сегодня.

Бибиханым

Я тоже занята была.

Наш внук
С Алавиддином в шахматы сражался
И победил!

И с радостью такой
Ко мне примчался, попросил подарок...
Не сглазить бы!

Уж очень он смышлен,
Наш младший внук, наш Улугбек Мирза.

Темур

Алавиддина одолеть непросто,
Он в шахматной науке властелин.
И в нынешнем собрании высоком
Мирза свою сметливость показал.
Даст Бог, мои потомки повзрослеют
И знаниями завоюют славу
Во всех краях земли.

А мне судьбой
На лбу написано — бои да битвы.
Жизнь провожу я на коне верхом.

Бибиханым

Властитель, что, опять скакать в поход?

Темур

Судьба не признает желаний наших.
К примеру: солнце сядет — месяц выйдет,

Так цепь событий неостановима.
Коль нынче созываем мы гостей,
Нас тоже позовут, настанет время.
Бойтся Запад тюрков, оттого
Натравливает тюрков друг на друга.
Жаль, Баязет не понял эту хитрость.
Еще скажу: кто нас сумел разгневать,
В его дворце всегда приют находит.

Б и б и х а н ы м

А подлинная цель?
Чего он хочет?

Т е м у р

Как видно, не дает ему покоя
Наш салтанат, завидует по-детски.
Терпел я, предлагал ему дружить.
В его ответах крылись оскорбленья.
Теперь открыто он зовет на бой.
Кто я? Темур!

И честь жива на свете.
Довольно, хватит!
Скакунов — седлать!
Мой Кунуглан поскачет скоро к Руму.

Б и б и х а н ы м

Какая мать, на бой направив сына,
Какая женщина войны желает?
Что ж остается, пожелать победы?
О мой Амир, позвольте мне быть с вами!

Т е м у р

Нет, милая моя!
Вам в Самарканде,
Совместно с внуком, Мухаммед Султаном,
Делами подобает заправлять.
А дел так много - зданий возведение,
Сады и дети - будет все на вас.

Б и б и х а н ы м

Олампанох, вы знаете, что я
Соборную мечеть давно уж строю.
Хочу я это дело завершить
И встретить вас там, у ее порога,
Пусть будет она памятником мне,
Бездетной..

Т е м у р

Я мечеть прошу построить
И для меня, биби, но не хочу,
Чтоб повод вы нашли такой печальный.
Ведь скоро наши внуки подрастут,
Любовью вашей бережно хранимы.
Сравним ли царство с золотым кольцом,
Вы, госпожа, в нем яхонт драгоценный,
Краса его, которой краше нет.
Вы помните, что написал Хафиз,
Поэт иранский?

Вот его слова:

«В Ширазе, сердцем юспылав, турчанку я узнал одну.
За родинку ее отдам и Самарканд, и Бухару».

Не знал поэт, что я уже когда-то
Бибиханым, за родинку ее,
Два эти города отдал в подарок.
Хотел бы я, коль разрешит судьба,
Вот с этим щедрым встретиться поэтом.

Б и б и х а н ы м

Мой господин, не Балха трон вы взяли,
Завоевали сердце вы мое...
Благодарю судьбу, мой благодетель!

Т е м у р

Где б ни был я, всегда в моих мечтах
И вы, и Самарканд — зеница ока.

За город мой и за порядок в нем
Ходжу Юсуфа отвечать оставим.
Надеюсь, что покой он сбережет,
Кровь не прольется, нищих не прибудет
И алчность не подымет головы.

Б и б и х а н ы м

Олампанох, прошу вас, не тревожьтесь
За нас!

Себя поберегите лучше.

Т е м у р

Заранее у вас прошу прощенья,
Я пожеланье выскажу одно,
Хотя боюсь, что омрачу вам душу.

Б и б и х а н ы м

Все бремя тягот, что нести вы в силах,
Я на ресницах подыму — с любовью.

Т е м у р

Родного Кеша памятна земля,
Что прах отца и матери покоит.
Там для меня гробницу возведите,
Пусть для Темура будет мавзолей.

Б и б и х а н ы м
{преклоняя колени}

Олампанох! Зачем такие речи?
Вы ими словно сердце мне пронзили.

Т е м у р

Я знал, что вы не сдержите волнения.
Даст Бог, Биби, и наша жизнь продлится,
Но забывать нельзя, мы все же смертны.
Меня народ до неба превозносит,

Не помнит — я всего лишь человек.
Кто верует: «Амир Темур бессмертен».
Смирится с неизбежным, будет время.
Не зря, наверно, предки говорили:
«Коль суетишься, навести могилы,
Они напомнят жизни скоротечность,
И в сердце чувства добрые возрастут».

Б и б и х а н ы м

Олампанох, мне окажите милость
И поводов печальных не ищите,
По вашим же словам...

Т е м у р

Наступит время,
Меч наточив, мой салтанат приметит
Крылатый ангел смерти Азраил.
Когда ж он явится сюда, воочью
Моя гробница перед ним предстанет,
И он к себе спокойно возвратится,
Подумав: «А! Когда-нибудь возьму!»

Б и б и х а н ы м

Пугают даже шутки Джахангира.

Внезапно врывается Ханзадабегим, в крайнем волнении,
на лице синяки.

Б и б и х а н ы м

Что приключилось, Ханзадабегим?!

Х а н з а д а б е г и м

Олампанох,
Бибиайим,
простите!

Б и б и х а н ы м

(Темур)

Алохазрат,
невестка это наша,
Супруга Мираншаха — Ханзада.

Т е м у р

Случилось что?

Зачем вот так врываться?

Х а н з а д а б е г и м

С Бибиайим вы здесь вдвоем, властитель,

Я жалобу решилась принести.

Мой господин, ваш сын, Амирзаде, —

Любимый мой супруг,

и безгранична

Моя любовь, и ваша милость с нами.

Супруг мой — добрый, любящий, любезный,

Но если пьян...

Ему присуще буйство,

Он руку поднимает на меня.

Терпеть уже нет сил.

Т е м у р

Как, Мираншах?

Я вижу, в синяках у вас лицо.

Его вина?

Наверное, его.

(Привратнику.)

Пусть Мираншах придет.

(Ханзадабегим.)

Простите нас, невестка!

Прощения у вас ваш свекор просит.

Еще прошу — быть с нами откровенной.

Я знать хочу события причину.

Х а н з а д а б е г и м

Сказать ли мне...

Т е м у р

Скажите, не стесняйтесь!

Ведь это дело жизни, не пустяк.

Ханзадабегим

Когда бывает пьян Амирзаде,
Себя сдержать не может...

Темур

Понял все!
К себе идите, сердцем успокойтесь.
Не знал я, что один мой палец болен...

Ханзадабегим уходит.

Биби, уж сколько раз я говорил,
Чтоб сыновья, коль пьяными напьются,
Не смели и касаться жен своих.
От пьяного и сын родится пьяный.
Скажите Ханзаде, я благодарен,
Она себя вела, как быть должно.

Бибиханым

Хоть знала я о нраве Мираншаха,
Вам не сказала, думала, как быть...

С поклоном входит Мираншах.

Темур (Мираншаху)

Сюда, ко мне поближе подойдите!
Ну, мой Амирзаде, что, вас поздравить?
Все новое чините озорство?

Мираншах (запинаясь)

Алохазрат, скажите, что я сделал?

Темур (с гневом)

Такое сделал, что в клочки порвать
Тебя сейчас — и тоже будет мало!

Сахибкирана сын ты, царский сын,
И оттого не видишь, что зазнался?
Иль, пищей царской через меру сыт,
Как бык объевшийся, решил с цепи сорваться?
Ты пьян и руку на жену ты поднял...
Какая низость!

Ну-ка, прочь поди!

М и р а н ш а х

Простите, повелитель, о, простите!

Т е м у р

Причину ссоры угадали мы:
Потомству, нерожденным еще детям
Зло причинить ты счел возможным, сын!
Невежда, себялюбец!

М и р а н ш а х

О, простите!

Т е м у р

Хотя бы знаешь ты, что это значит,
На женщину поднять посмевший руку?
Ты, человек, скажи, какой же зверь
Укусить мать, вскормившую его, —
Скажи, который?

Нечего ответить!

Пророки, мудрецы — всех мать рождает.
Рассказ мой о прошедшем ты забыл?
Средь наших предков смелая Томирис
В бой выходила за родной Туран
И голову срубила Ираншаху...
Она ведь тоже женщиной была.
Запомни, сын мой, навсегда запомни:
Что женщина в дому?

Его светильник!

Чтоб он не гас, за то мы бой ведем.
А ты теперь ступай в тюрьму!

Тебе

Там сорок дней еще пробыть придется!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

На холме близ Анкары шатер Темура. Снаружи слышится шум, говор, крик, ржут кони, трубят слоны. В шатре на троне Амир Темур.
Вокруг него — царевичи, амиры, полководцы.

Шейх-уль-Ислам

Олампанох, позвольте.

Темур

Говорите!

Шейх-уль-Ислам

Прошедшей ночью наши звездочеты,
Астрологи усердно изучали
Расположение звезд — и объявили:
День нынешний для вас благоприятен.

Темур

За то им выражаю благодарность.
Однако нынче в битву с Баязетом
Амир Темур вступает, не они.
Шейх-уль-Ислам, печаль мою узнайте.
Он мусульманин, мусульманин я.
Такая наша доля...

Шейх-уль-Ислам

Дело в том,
Что Баязет далек от мусульманства.
Он в жены взял Марию, христианку.
А мусульманин настоящий — вы.

Темур

Быть может, битвы предрешен исход
Вот этим обстоятельством.

Дай Бог.

Аллах, тебя на помощь призываю!

Шейх-уль-Ислам и другие

— Дай Бог!

— Дай Бог!

— Нам помоги, Аллах!

Темур

Он тюрк, я такой же тюрк.
Вот он, судьбы каприз:
Со мной из Самарканда
Прибудет воин и, вполне возможно,
На брата-тюрка бросится в бою...
Вот что теперь терзает мое сердце...
Но должен я, как делаю всегда,
О помощи в бою просить Аллаха.
Шейх-уль-Ислам, молитесь о победе!

*(Шейх-уль-Ислам начинает молиться. Темур—
царевичам, амирам.)*

О соколы!..

Вступаем в бой великий!
Ты, Мираншах, на правом будь крыле,
А левое — Шахрух Мирза возглавит!
Из Самарканда выслал войско в помощь
Амирзаде наш Мухаммед Султан.
Я сам за авангардом наблюдаю.
На этот час, по сведениям нашим,
Нам противостоят в бою грядущем
Четыре сотни тысяч войск султана.

Царевичи, амиры

Олампанох, Аллах дает вам силу,
Врага и в этот раз мы разгромим!

Темур

Сыны мои, бой предстоит тяжелый.
Не забывайте, что солдаты Рума
На этот раз свой защищают край.
Представьте-ка:

огромный карагач,
И кто-то из зверей к нему подходит.
В тот самый миг все птицы, на ветвях
Успевшие свои построить гнезда,
Враз загалдят - и в бой вступить готовы.
Однако я еще добавить должен — ^
Я здесь, на землях Рума, не чужой.

Правитель мусульман!

И тюрок родом!

Я страж ислама, стяг мой — справедливость.

Вот мой фирман — послушайте его:

«Мы — кто владыка Турана,

Амир Туркестана,

Мы — кто самая первая ступень

Самой древней и самой великой

Тюркской нации,

Да поможет вам Аллах,

Да будет победа с вами!»

Теперь пускай литавры загремят,

Пусть наши воины кричат погромче.

Шум подымая от земли до неба,

Пусть панику посеет этот гвалт

В рядах врага.

И боевых слонов

Пустите в дело, пусть их рев вам вторит.

И боя все подробности пускай

Мне каждый миг доносят есаулы.

Военачальники, свободны вы.

Аллах акбар! Велик Аллах и вечен!

(А *миры, военачальники выходят.*
Темур — привратнику-есаулу.)

Теперь ты призови Алавиддина,

Он несравненный шахматный игрок,

Затем его и вез из Самарканда.

Есаул выходит, вслед затем входит Алавиддин.

А л а в и д д и н

Олампанох, вы звали?

Т е м у р

Да, входи...

Уж сколько лет с тобою мы сражались

За шахматной доской!

Игра иная

Пойдет на этот раз,

ты это знай.

Фигуры расставляй, Алавиддин.

{Ашвиддин расставляет фигуры. У Темура белые.}

Ты слышал, еще в юности увлекся
Я шахматами, страстный был игрок.
О шахматах иные говорят,
Что это — род искусства, не игра.
Я шахматы скорей сравню с войною,
С искусством полководческим.

А л а в и д д и н

Олампанох. Ваш ход,

Т е м у р

Ну, вот, шагнула пешка.
Мы победим.

Снаружи слышатся и становятся громче звуки боя.

А л а в и д д и н

Шагнула пешка шаха.
И наша пешка тоже не проста.

Т е м у р

Да, мои пешки бой сейчас ведут,
Мы новости о них узнаем скоро.
Похоже, бой кипит там, за шатром.
Даст Бог, мы победим!

А ты, искусник,
Лишь только в шахматах победам друг.
Нам груз иной судьба кладет на плечи,
Весь край раскинут шахматной доской,
И будет здесь рекою литься кровь
И победителей, и побежденных.

А л а в и д д и н

Всем вашим дарованиям счета нет,
И в шахматной игре вы несравненны,

Я это признаю, мой господин,
Однако, если разрешите вы,
Один вопрос задам.

Т е м у р

Что ж, задавай.

А л а в и д д и н

Великий бой в мгновенья эти длится,
Пусть вы вполне уверены в победе,
Однако почему в шатре со мною
Вы в шахматы решили поиграть?
Как бой идет, почти вы не следите,
Спокойны вы и холодны на вид.

Т е м у р

Алавиддин, я знаю свою силу.
А вот врага мой способ беспокоит.

А л а в и д д и н

Так это способ?

Т е м у р

И еще какой!

Уже к тому назначенные люди
Успели донести султану Рума,
Что бой идет, я ж в шахматы играю,
И в панику впадает Баязет.
Нельзя врага чувствительней унижить.
Как на слона напавшая собака,
Опешит он и потеряет прыть.

Е с а у л
(*входит*)

Алохазрат, в пехоте есть потери.

Т е м у р

Жаль, жаль.

Кто слишком верит в свои силы,
Тот и слона способен прозевать.

(Есаулу и Алавиддину.)

Прием один, зовется «поворот» —
Пусть правое крыло сойдется с левым,
Пусть Мираншах и с ним Шахрух Мирза
Врагов возьмут совместно в окруженье.
Я в авангарде!

Эй, Алавиддин,
Я начал против шаха наступленье!

Е с а у л

Олампанох, противника войска,
Сбираясь в толпы, двигаются к нам.

Т е м у р

Прекрасное известие! Спасибо!
Они все мусульмане, их не троньте!

А л а в и д д и н

Олампанох,
на двух полях сражений
Становится уж слишком горячо.

Т е м у р

Клич боевой гремит над полем боя,
Мечами, копьями, стрельбой из лука
Врагов сражают воины мои.
Не жди от них пощады!

В этот миг
Мой дух в кипенье боя, рядом с ними.
А против вас бросаю я ладью.

А л а в и д д и н

Олампанох, уж если вы хотите
Свой стяг поднять над станом Баязета,
Вы не ладью — коней направьте в бой,
Надежней было б...

Т е м у р

Бог поможет мне!
Он научил меня ладьей сражаться.

Коню добавит сил удар камчи,
В сердцах зажжет огонь в победу вера.
Я говорю вам: дух острей меча,
И я люблю сражаться силой духа,
В ладье ее увидев воплощенье.

А л а в и д д и н

Вот мой ответ на эти крики духа.

Е с а у л

Олампанох, узнайте боя ход.
Войска в кольцо берут султана ставку,
Но держится она.

Т е м у р

Что ж, поглядим...
Оружье есть, зовется «нафтандоз»,
Он, как дракон, что пламя извергает,
Он словно смерч, что рушится с небес —
Бушуя, пламя по земле кружится.
Направьте к ставке наши нафтандозы,
Пусть вспыхнут, как головка у кальяна,
И враг растает, как табачный дым.

(Алавиддину.)

Каких преград ни ставь, Алавиддин,
Но я теперь мой ферзь введу в сраженье,
К тому же действует ладья вторая.
Теперь — куда сбежит твой черный шах?
И кто ему поможет, и кому же
Пожалуется он?

А л а в и д д и н

Вот мат красивый!

Мне мат!

Т е м у р

Опять заслуга тут ладьи...
Ладья в делах моих всегда помощник.

Е с а у л

Алохазрат, алохазрат!

Я с доброй вестью.

Властитель Рума только что взят в плен!

Т е м у р

(есаулу)

А как тебя зовут, узнать хочу я.

Е с а у л

Алохазрат, мне имя Касымбек.

Т е м у р

Откуда ты? Из рода ты какого?

Е с а у л

Из Кеша я.

Отец мой — ваш был воин.

В бою за Дели был убит.

А ныне

Я сам в войсках Амира состою.

Т е м у р

Ты весть принес счастливую сегодня.

Сын мой, за это благодарен я.

Даст Бог, когда мы в Самарканд вернемся,

Тебе я в жены дам одну из внучек.

Е с а у л

Олампанох, я буду верен вам

Да часа смертного.

А л а в и д д и н

Как щедр Аллах!

Один лишь миг - ты вознесен до неба.

Т е м у р

Создателя за все благодарю я,
Однако не спешу торжествовать.
Души веленье подсказало слово:
На голову любого из владык
Да не падет такая неудача!
Введите Баязета!

Приводят Баязета, связанного по рукам и ногам.

Что такое?
Немедленно веревки развязать!
Он шах, властитель, это надо помнить!
Коль покусятся муравьи на льва,
Не худо бы им знать законы леса.
(Баязету.)

Я сожалею, ты пойми, султан!

Б а я з е т

Я в плен попал и я тебе подвластен,
Не жажду милости твоей и сожалений.

Т е м у р

Все просто: был «Молниеносным» прозван
Ты, Баязет.

А я Темур — «железный».
Мощь молнии в тебе, я тоже крепок.
Вот молния разбилась о железо...
На сотни искр...

Б а я з е т

Смеешься надо мной.
Оставь насмешки, не к лицу батыру
Упавшего топтать.

Т е м у р

Я не топчу!
И не смеюсь — судьба сказала слово.
Она обоих нас поднимет на смех.

Б а я з е т

Как эту речь я должен понимать?

Т е м у р

Я хром, а ты кривой.

Какая странность —
Как будто на земле одни калеки
И не нашелся кто-то без изъянов,
Чтобы поводья мира в руки взять.
О Боже, Боже, что же тут сказать?
Перед Создателем и ты, и я
Не обладатели великой мощи
И не цари, чья плеть всегда в крови —
Лишь слабые, бессильные рабы мы.
Особенно тому примером стала
Твоя судьба...

Б а я з е т

Предательство причиной!
Войска мои бежали кто куда.
Сыны мои, увы, не преуспели...

Т е м у р

Пойми, султан, что эту вот беду
На голову свою ты сам накликнул...
Заносчивость, надменность — твой конек.
Сахибкирану, из того же рода,
Ты письма неподобные писал.
Вот потому и Бог тебя покинул,
И воины твои.

Моих врагов,
Таких, как Джалаир с Кара Юсуфом,
Ты привечал, по голове их гладил,
Все мне назло.

Еще одна причина...
Ты притязал на половину мира
И править ею властно захотел.
Подумай сам, весь этот мир не стоит,
Чтоб править в нем двоим.

Один Бог в небе!

Б а я з е т

Ты недостатки стал мои считать,
Но все они, знай, и тебе присущи.

Т е м у р

Но я не нарушал Аллаха волю,
А тем, кто был ей явно непокорен,
Острастку я давал, и впредь так будет.

Б а я з е т

Молчи! Я мусульманин, слава Богу!

Т е м у р

Мария — это имя христианки,
Кого ты, мусульманин, в жены взял?
Вот так-то ты хотел поднять в Европе
Ислама знамя?

Подлый лицемер!

Я говорю: Европу не затронет
Никто!

И замыслам твоим — конец!

Б а я з е т

Не говори, Европы ты не знаешь.
Коль случай выпадет, то тихо, мягко
Она взнуздает твоего коня!

Т е м у р

Теперь внимательно, султан, послушай,
Ведь мы с тобою тюрки?

Б а я з е т

Слава Богу!

Мы тюрки...

Т е м у р

И кому ж две ветви тюрков
Натравливать удобно друг на друга?

Вот ты на хитрости Европы клонул
И от Темура отвернул лицо.
Чем далее два силача дерутся,
Тем меньше силы остается в них.
Чей выигрыш?

Того, кто их стравил.

Б а я з е т

Чего ты хочешь? Говори скорее!
Убьешь — так убивай!

Т е м у р

Наоборот.
Хочу тебе, султан, я дать охрану.
Истории недружественных тюрок
Останешься ты символом живым.
Не опасайся, будешь уваженьем
Ты окружен.

Желанья есть — проси!

Б а я з е т

Не разрушай наш Рум.
Скажи солдатам,
Пускай хотя бы тюрок пощадят.

Т е м у р

Есть у войны ужасные законы.
Победа в душах гордость пробуждает.
Когда увидит воин: враг повержен —
Творит он то, что в голову взбредет.
Со мной всегда победы были дружны,
Возможно, оттого моих солдат
Боятся все.

Победы — вот причина.
Да, иногда дела творятся злые...
Однажды я сказал: постройте башню,
Врагов погибших головы сложив,
Тем, кто живым остался, в назиданье.
Мой полководец был поспешен слишком:

Живым, безвинным головы срубив,
На площади из них воздвиг он башню.
За дело то позорное и он,
Спустя немного, головы лишился.
Пиры ты любишь, гордый наш султан.
Что значит созидать, понять не можешь.
Хотя б взглянул на города мои...
А я, покинув этот салтанат,
Один святой Коран возьму с собою.

Б а я з е т

Темур великий, да, я побежден,
Однако в этот миг меня послушай,
Скажу как человек и как отец.
Иса, и Мустафа, и Сулейман,
Еще Муса — все сыновья мои
Сражались нынче.
Где они теперь?
Что с женщинами случилось, я не знаю...

Т е м у р

И у меня есть тоже сыновья.
Шахрух и Мираншах сражались тоже.
Прислал нам помощь Мухаммед Султан
Из Самарканда...

Внук мой, он болеет.
Да, всем отцовство ведомо, султан.

{Царевичам.}

Судьбу узнайте близких Баязета.

Ш а х р у х

Алохазрат, в плену гарем султана.

Б а я з е т

Темур, будь милостив, дай им свободу.

М и р а н ш а х

Послы России и послы Европы
Здесь наблюдали ход великой битвы.
Они приема ждут, алохазрат.

Т е м у р

Всех пригласить.
В шатре всем места хватит.

Входят послы и обитатели гарема.

Добро пожаловать — вам говорит Темур.
Все, думаю, довольны — бой окончен.
Которые тут сыновья султана?

Ш а х р у х

Алохазрат, тут привели Мусу.
Один из сыновей.
Вот он, взгляните.

Т е м у р

Оденьте его так, как быть должно,
Ведь он царевич.

Б а я з е т

А вон та — Мария,
Супруга наша.
Верно ты сказал,
Нарушил я ислама предписанья
Для этой женщины, я это признаю.

Т е м у р

Теперь, как ты писал в своем письме,
Она с тобой разведена.

Согласен
Иль не согласен, все теперь равно.
Ее мы отдадим христианину.
(*знаком подзывает Букаямуна.*)

Возьми ее, храни и береги.
Она в плену.

Ни в чем не виновата.

Т е м у р

Что Шарль, что Генрих — это все равно,
Имен я ваших не могу запомнить.
Вас называю я «фрэнги», французы.
Вот мой фирман: правителям своим
Вы доложите, что по Божьей воле
Здоров Амир Темур, благополучен.
Не забывайте: кто дружить захочет,
Тот должен изучить как можно лучше
Того, с кем дружит, норы и обычай.
Сомнения и сплетни портят мир.
Вы думали, что до богатства жаден
Амир Темур, а мне всего лишь нужно —
Кусок лепешки да глоток воды.
Казну мою — хотите, проверяйте,
И вряд ли вы найдете кучу денег.
Ясна причина: все, что я скопил,
То раздавал войскам, то город строил,
Копал арыки, проводил дороги.
Да, я Амир, я мира покоритель,
Соперники ж мои, как муравьи,
Великий мир готовы растащить
Во имя своих мелких интересов —
Растратить счастье, данное Аллахом.
Бегут от дружбы, от великих дел.
Я встал на путь борьбы за справедливость.

Ш и л ь т б е р г е р

О повелитель, вы от Баязета
Избавили Европу!
Золотой
Должны вам памятник за то поставить.

И о а н Султани

Согласен всей душой я с этой речью.

Т е м у р

О европейцы,
вы принять готовы
Меня за азиата, простака.

Я вашу цель определяю точно:
Хотели нас сравнить с султаном Рума...
Вот результат — он вам не страшен больше.
Верни, о Боже, честь твою, Европа!
Про памятник твердите золотой.
Не лезть ли это?

Города, что строю, —
Вот памятник моим делам и дням.
К тому ж, я идолам не поклоняюсь.
Торговля в этом мире всем нужна,
Она сближает многие народы.
Направьте в Самарканд своих купцов.
От Хиндустана до Балкан — везде
Порядок моей волей установлен:
Пусть мальчик блюдо жемчуга несет,
Он вырасти успеет, но зерна
Жемчужного на землю не уронит!
И вам, фрэнги, давно пора покончить
С разбоями и честность уважать,
Подобно нам!

Вы молитесь кресту,
А что такое крест?

Для нас — пример
Соединенья Запада с Востоком.
Я мусульманину я вам говорю:
Пусть Азия великая с Европой
В содружестве пребудут навсегда.

Русский посол

Алохазрат, я русский, из Москвы,
Из мест, где связаны Восток и Запад.

Темур

Я знаю, то великая страна,
Жаль, что сама с собой не может сладить.
Разрознена!

И зимы ваши люты...
Я по России только раз прошел,
Запомнил: крепость есть у вас, Елец,
И есть у вас богатейшей немало.
Соседство — двух великих стран удел.

До Страшного суда им помнить надо:
Уж если разливается река —
Обоим берегам грозит бедою.

Русский посол

От Золотой Орды вы нас спасли...

Темур

Вернее, я Орду убрал со счета.

Есаул

Алохазрат, к нам прибыл караван,
И с ним посол, Хафизом он зовется.

Темур

Хафиз? Хафиз?

Как ты сказал? Хафиз?

Есаул

Да, Ширази Хафиз.

Темур

Поэт? Неужто?

Хочу его увидеть я.

(Находящимся в шатре.)

Вам всем,
О господа послы, я благодарен.
Чего хочу я, донесите точно
В свои края, и всех я приглашаю
В свой Самарканд.

А нынче — все свободны.

Остаться лишь султану Баязету.
(Все выходят. Темур - Баязету)
Не беспокойся,

Всем твоим сынам,
Рум поделив, раздам по вилюты.

Б а я з е т

А мне?

Т е м у р

А ты направишься в Бурсу,
Страны, как прежде, будешь повелитель.
Лишь дань плати да во грехах покаяйся.

Б а я з е т

Снести я поражение не сумею.

Т е м у р

Султан, послушай!

Царства преходящи.

Ко мне в сей миг явился на прием
Поэт великий, несравненный гений.
Как наша гордость — Яссави, так он
В своем Иране будет славен вечно.
Ты понял ли, насколько мы, цари, —
Кто победит и кто разгром претерпит, —
В зеркале вечности предстанем скромно?

Б а я з е т

Тебя зовут невеждой...

Т е м у р

Ты — невежда!

Поэта — человечества венец —
Сахибкиран Темур сегодня примет.
А ты, султан, столь занят был гаремом,
Что позабыл и войны, и стихи.

(Есаулу.)

Султана с уваженьем проводите,
Султан поэзии пускай войдет.

Входит Хафиз Ширази

Хафиз
(с поклоном)

Амир всей Поднебесной, ассалом!

Темур

Так это вы Хафиз?

Вы Ширази?

Поэт?

Настолько худ?

Оборван?

Беден?

Чем вы докажете, что это вы?

Хафиз

Кара Юсуф зовется тот наглец,
Что нас ограбил по дороге в Мекку.
Потом нас ваши воины спасли,
И послан я, чтобы сказать спасибо.

Темур

Кара Юсуф!

Кара Юсуф!

Враг смертный!

Того, кто наглецам приют давал,
Я разгромил.

Паломники, не бойтесь!

Хафиз

Теперь и я поверил, вы — Темур.
А чтобы подтвердить свое обличье,
Стихов помимо, что же я найду?
«Агар он турки шерозий бадаст орад,
дили моро,
Ба холи хиндюяш бахшам Самарканду
Бухороро».

Т е м у р
(повторяет)

«В Ширазе, сердцем воспылав, турчанку я узнал одну,
За родинку ее отдам и Самарканд, и Бухару».
Вот так?

Х а ф и з

Жаль, именно вот так.
За этот бейт повесите, возможно,
Но так судьба докажет: я — Хафиз.

Т е м у р

Я мир завоевал для Самарканда
И Бухары.

За родинку одну
Вы эти города отдать готовы.
Не так ли?

Х а ф и з

Видите теперь вы сами:
Красавицам подарки раздавая,
Я стал таким, каким стою пред вами, —
Оборванным и нищим!

Оттого
И вынужден за родинку одну
Отдать два города неповторимых —
И Самарканд, и Бухару!..

Т е м у р
(хохочет)

Поэты...
Эх, до чего мечтательный народ!
Я правду вам скажу, за красоту
Не город — жизнь свою отдать бы надо.
Хвала вам, для обоих городов
Сравнения дороже не отыщем.

Теперь вам дарит бейт Амир Темур-
«Чтоб услышать из уст Хафиза слово
Страну Иран завоевал бы снова...»

Х а ф и з

Алохазрат, премного благодарен,
Простите, что не смог ответить тем же.

Т е м у р

Что трудно нам, сам Бог решит легко.
С Хафизом я беседую согласно.
Вас ждут и Бухара, и Самарканд.
Великие там тоже обитали.
Про Яссави вы слышали, возможно?

Х а ф и з

Конечно.

Он святой из Туркестана,
Владетель мудрости, Султан уль-Орифийн.

Т е м у р

Чтоб быть поэтом, двух вещей довольно:
Пишите мудро, так, как Яссави,
Иль за Хафизом вслед любовь воспойте!
В политику Хазрат Фирдоуси
Вмешался, тюрков в «Шахнаме» принизил.
Разгневанным Махмуд был Газневи,
Фирдоуси он заплатил не златом,
А дал мешок серебряных таньга.
Однако речь поэта слаще рая,
И слава двух миров в его дастанах.

Х а ф и з

Да ниспошлет Аллах таким, как вы,
Поэзии, науки покровитель,
Всегдашнее свое благоволение,
И процветет тогда земля Ирана,
И воссияет ваш Туран навек!

Т е м у р
{топает в ладоши. *Входит придворный*}

Халат парчовый на плечи поэту
Накинете.

Коня ему сыщите
Солового, быстрее, чем вдохновенье.
В пути сопровождайте караван.
Еще — подарок, чтоб ценой своею
Был равен податям с двух городов!

(Хафизу.)

Прощайте, о наставник!

Х а ф и з

Вы прощайте!
Амир! Да будет с вами Бог!

Е с а у л

Алохазрат,
Гонец из Самарканда у порога.

Т е м у р

Пускай войдет.

Входит гонец.

Ну, что там, все ль здоровы?
Друзья, родные? Как столица наша?

Г о н е ц

Здоровы все!

Горда столица ваша
И молится за вас.

С победой ждут.
И стар и мал — все смотрят на дорогу, —
Когда же вы воротитесь домой?

Т е м у р

Какие новости?

Г о н е ц

Посланье из Китая.
С послами прибыло оно сюда.

Т е м у р
(*гонцу*)

Свободен ты.
(*Начинает читать послание.*)

Да что это за мерзость?
Дань требует китайский император!
Каков! Презренный, наглый, хитрый плут!
Была пора — Китаем был захвачен
Меж Севером лежащий и Востоком
Край тюркский.

Даже Шаша рудники
Сожрал Китай, обжора ненасытный.
Монголов степи заняли они
И скольких мусульман поработили!
Я половину мира покорил
И кто ж я?

Младший сын у Сына Неба!
Ах, чтоб вас!

Где же логика, где смысл?
Где справедливость?

Насаждал я их
В краю китайском...

Рушилось все снова.
Кого винить: меня ль, кого другого?
Есть у меня дела еще в Египте.
Кавказ упрямый надо успокоить.
Даст Бог, успею все, но вот теперь
Что надо делать?

Е с а у л
(*входит*)

Срочное известье!

Т е м у р

Что там еще? Ну, говори скорее!

Е с а у л

Свой путь земной закончил Баязет.

Т е м у р

(вздымает молитвенно руки)

Смерть — неизбежность.

Бог его прости!

(Есаулу.)

Царевичам, амирам передайте —
Мы соболезновать придем сейчас.

Е с а у л выходит.

Есть мудрость в том, что нынче совершилось.
Надменный — вдруг безвольным оказался.
Оружие надменного — упрямство,
Он пораженья вынести не смог...
Однако надо оказать почтенье,
Как это подобает.

Он — султан...

Е с а у л

(входит)

Олампанох, гонец с Кара-Гиссара.

Т е м у р

Скорей впустить!

Дай Бог, чтоб не с бедою.

Входит гонец.

Здоров ли внук наш Мухаммед Султан?

Г о н е ц

Олампанох, увы...

Т е м у р

Он жив иль нет?

Г о н е ц

Да будет вечно жить Сахибкиран!
Он болен, и давно уже он болен...

Т е м у р
(есаулу)

Он хворый был, и я его отправил
В Кара-Гиссар, где воздух так целебен...
Он мой любимый внук, наследник трона.
Насколько мне Аллах отмерил гнева,
Настолько наделил любовью сердце.
Ее — над победителем — победа
Единственно возможна в этом мире.
Когда покинул мир мой Джахангир,
Скорбя о сыне, я воззвал к Аллаху:
«О Боже, трон возьми,
лишь были б живы
Сыны мои и все мои потомки!»
От Джахангира — Мухаммед Султан
Остался мне.

Неужто потеряю?

Тогда — что этот трон, что государство?
Худые новости со всех сторон.
Себя возьми-ка в руки, эй, Темур!
Ты должен все успеть, все одолеть.

(Бьет в ладоши.)

Коня готовьте мне!

Седлайте Кунуглана!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Площадь перед соборной мечетью Бибиханым. Сама Бибиханым сидит на высоком стуле. Вокруг нее диванбеги, градона-
ильник Самарканда, городская знать, стражники.
Посредине установлен трон Амира Темура.

Б и б и х а н ы м

Сахибкиран с победой прибывает
В столицу, в свой священный Самарканд.
Его веленье исполняю свято:
Здесь, у мечети, встречу я его.
Столпы отечества, знать государства
Отбыли в Кеш — навстречу Джахангиру.
День нынешний — мой самый светлый день,
И вновь побед великих я свидетель.
Победы торжество и свадьбы внуков
От Регистана вплоть до Конигиля
Проследует по городу всему.
Со всех концов земли придут гости,
Народ владыку с нетерпеньем ждет.
Соборная мечеть, что возвели мы,
Достойна ли внимания Амира?
Как думаете вы, диванбеги?

Д и в а н б е г и

Достойна ли?
Достойней быть не может!
Ей в мире равных нет!

Б и б и х а н ы м

(указывает на мечеть, стоящую напротив, меньшего размера)

Вон та, другая,
Воздвигнута во имя Джахангира.
Она беднее по сравнению с нашей,
И я того стыжусь, диванбеги.

Д и в а н б е г и

Мечети обе — для одной семьи.

Б и б и х а н ы м

Ходжа Юсуф!

Вы в Самарканде — главный.
Скажите, город к торжествам готов?
Пир в Конигиле — пир на сорок суток!

Х о д ж а Ю с у ф

Все средства, госпожа, мы в ход пустили,
Олампадох доволен будет, верю.
Поскольку денег не на все хватило,
Мы обложили податью народ.

Б и б и х а н ы м

Затея глупая!

Сахибкирана

Все ждут, а вы втыкаете нарочно
Соломинку в осиное гнездо!
В то время, когда к нам рекой текут
Бессчетные богатства всего мира,
Опять обременили вы народ
Налогом непосильным.

Сердце чувствует,

Что это дело даром не пройдет.
Глядите, площадь заполняют люди.
Соскучился, как видно, Самарканд
О благодетеле своем великом.
Теперь карнай, сурнай и нагора,
Ходжа Юсуф, должны быть наготове.
Единственный в истории своей,
Великий день наш салтанат встречает.

К а р а у л б а ш и

О госпожа, по вашему приказу
Пришли ученики из медресе.
Их трое.

Б и б и х а н ы м

Что ж, сюда их приведите,
В мечтах своих забредших далеко.

Трое учеников медресе, поклонившись,
приближаются.

Вчера, когда на город ночь спустилась,
Его я обходила, как обычно,
И навестила дворик медресе.
В хужре своей беседовали трое.
Один сказал:

«Ох, если б было можно,
Наелся бы я плова до отвала!»
Другой сказал:

«Попалась бы мне в руки
Какая-нибудь книга—я читал бы,
Забыв про сон».

Вступил в беседу третий,
И странное он высказал желанье,
Вздыхнув:

«Ах, если бы судьба велела
С Бибиханым мне свидеться на миг!»

Д и в а н б е г и

Да, у нахалов славный аппетит,
Особенно у третьего, заметим.

Б и б и х а н ы м

Так кто ж из вас так возмечтал о плове?

П е р в ы й у ч е н и к

Я это был! Признаюсь, это я!

Б и б и х а н ы м

Диванбеги, для этого парнишки
Пусть плова наготовит лучший повар.
Побольше мяса и побольше сала!
А кто из вас наукой увлечен?

В т о р о й у ч е н и к

Я жаждал книг, о госпожа, простите!

Б и б и х а н ы м

Ученому, кто славен в Самарканде,
Учеником ты станешь.

Цель святая!

{Третьему ученику.}

Так, значит, ты влюблен в Бибиханым?

Т р е т и й у ч е н и к

Да, признаюсь!

Готов я наказание

Любое за вину свою принять!

Д и в а н б е г и

Язык, посмевший выговорить это,
Дозвольте — вырвем напрочь в тот же миг!

Б и б и х а н ы м

(ученику)

Эй, парень, помни: я жена Темура!

Ответ мой — и твое в нем наказание:

Как ни тянись, а все же не достигнешь!

{Диванбеги.}

Диванбеги, среди девушек столицы

Ту, кто красивей всех, отдайте в жены

Вот этому джигиту — вот и все!

В с а д н и к-г л а ш а т а и стремительно въезжает на площадь.

Г л а ш а т а й

Сахибкиран подъехал к Самарканду!

Сахибкиран въезжает в Самарканд!

В народе великое волнение. Звучат карнаи и сурнаи. Амир Темур въезжает на площадь и перед соборной мечетью сходит с коня. Ему под ноги расстилают ковер. Бибиханым осыпает Темура дарами в знак приветствия.

Темур
(народу)

Да будет мир с тобой, мой Самарканд, подобный раю!

Народ

Да будет мир с тобой, Сахибкиран! Амир Темур!
Да будет мир с тобой, Сахибкиран! Амир Темур!
С победой поздравляем! Слава! Слава!
Темур Великий, славен будь в веках!

Один из стариков выходит вперед.

Старик

Да будет долгой жизнь амирзаде!
На счастье салтанату и народу.
Аминь!

Народ

Аминь! Аминь! Аминь!

Темур

Мы, кто страны Туран
Амир Туркестанский,
Мы, кто народа тюркского
Самое древнее и самое великое,
Основное звено!
По воле божьей, милостью Аллаха,
Мы завладели половиной мира
И древний Рум завоевали тоже.
А Шам с Египтом...
Будет им черед...
Ислама ради подняли свой стяг,
И бой ведем, и меч мы обнажаем
В защиту справедливости.
В сраженьях
Погибло много наших храбрецов.

Пусть райский сад откроет им Аллах!
Да будет так! Аминь!

Н а р о д

Аминь!

Т е м у р

Создав наш салтанат непобедимый,
Объединив в нем многие народы,
Мы с именем священным Самарканда,
С его заботами, с его поддержкой
К победе шли.

И вот она, победа!

Пусть сорок дней наш Самарканд ликует.
Пусть с нами гости празднуют победу
Прибывшие со всех концов земли.
Вот мой фирман:

«Пусть узники сегодня

Все будет прощены — и на свободе!»

Н а р о д

Тысячекратна наша благодарность
За милость Покровителю миров!
Тысячекратна наша благодарность
За милость Покровителю миров!

С т а р и к

Властитель, ваш фирман весьма уместен.
В нем — щедрость, милосердие пророков.
Однако всех фирман ваш не коснется —
Ведь есть еще преступники на воле.

Т е м у р

А кто они?

Поведай, самаркандец.

Уж если мы в борьбе за справедливость
Земли завоевали половину,
Неужто здесь останемся беспечны?

С т а р и к

Скажу!

Градоначальника делами
Народ и край уже по горле сыты.

Н а р о д

Да, сыты! Сыты!

Т е м у р

Что же за дела?

С т а р и к

Он взяточник!

Взысканья налагает,
Придравшись ни к чему.

Известно, кошка
На солнышко не выйдет задарма.
Одна лишь мысль свободна от налогов!

Т е м у р

Пусть трех свидетелей найдут в народе.

Н а р о д

Мы все свидетельствуем, все!

Т е м у р

Градоначальник
Столицы нашей должен быть повешен!

М у х а м м е д К о в ч и н
{выходит вперед}

О наш властитель, я смиренный раб ваш,
Я Мухаммед Ковчин.

Т е м у р

Тот самый,
Кто каплю крови увидел рекой
И, головы врагов считая, плакал?
Чем занят ты теперь?

Чего ты хочешь?

М у х а м м е д К о в ч и н

Я не в себе с тех пор, как вами изгнан.
Хотел стать воином — меня не взяли,
Мол, староват.

Тогда пошел на бойню.

С утра до ночи скот я забиваю
И тем доволен.

Ведь, когда срублю
Башку очередную — представляю
Себе, что это голова врага.
Алохазрат, еще сказать я должен:
Средь мясников вы честных не найдете.
Обман, обсчет — и Бога не бояться!

Н а р о д

Он верно говорит!

Все это правда!

И мясников не худо б наказать!

Т е м у р

Пусть в каждой части города один
Мясник нечестный должен быть повешен
На крючьях тех, где вешает он туши!

(Мухаммеду Ковчину.)

А ты опять вернешься во дворец.

Б и б и х а н ы м

Алохазрат, все наши жизни - ваши.
Пока поход вы славный совершали,

Здесь, в Самарканде, несколько дворцов
Воздвигнуто.

Посажены сады.

И медресе открыты,

и мечети.

Все это — исполнение вашей воли.

Взгляните на мою мечеть.

Т е м у р

Я вижу.

Пусть будет век она благословенна!

Как величава!

И с отменным вкусом

Украшена!

Все эти украшения

Не вашу ль красоту запечатлели?

Ее величие, ее громадность

Величью отвечают госпожи.

В истории останется навек

Мечеть, что ваше имя осватило.

Весьма доволен я!

А там, напротив,

Что за строенье?

Пред мечетью вашей

Оно скорей похоже на курятник.

Б и б и х а н ы м

Олампадох, простите ли вину?

Печалюсь я, что вам посвящена

Мечеть такая!

Средь визирей наших

Негодный есть.

И он, Махмуд Давуд,

Ее построил,

вместе с этим плутом,

Что властвовал над вашею столицей.

Т е м у р

Чтоб вашу величаваю мечеть

Соседство с этой не могло сконфузить

Впоследствии, когда пройдут века, —
Не медлите, снести ее велите,
Пока не подглядели чужеземцы!
Того визиря — гнать из Самарканда!
Прошу простить меня, Бибиханым,
Но даже лев свой избавляет лес
От нечисти!

Вину людишки прячут,
Крик поднимают, если попадутся.
На языке — одно, в душе — другое.
Пытаются обманывать царей,
Стране вредят заметно эти плуты.
Правители, коль любят свой народ,
И в страхе его держат, и надежду
Ему дарят на милость и на благо.
А вы, Биби, так любите людей,
Что даже негодяи не встречают
Отпор ваш гневный и живут без страха.

Б и б и х а н ы м

Олампанох, с тех пор, как свет стоит,
Такой, как вы, правитель не рождался
И не родится впредь.

Т е м у р

Но вот что жалко —
Уж очень я с мечом своим сдружился.
Как мотылек, что на огонь летит,
С виною иль безвинно — гибнут люди.
Даст Бог, с души своей я смою пятна.
Я победитель!

А порой и я
С судьбою в битве знаю пораженья.
Скончался внук наш - Мухаммед Султан,
И этот стан прямой согнуло горе.
Построим для него мы мавзолей.
Быть может, там я упокоюсь тоже.
Бог ведает про то.

Б и б и х а н ы м

Олампанох,
Отриньте эти мысли о печальном.

Взгляните, вот уже весна в разгаре,
И вы в зените славы.

Мы удвоим
Победы праздник — торжеством весны.
Мы внуков наших свадебные той
Отпразднуем.

Пиры на сорок суток
Увидит Конигиль.

Приедут гости.
Со всех концов земли их пригласили.
Возглавите вы пир и новобрачных
Поздравите.

Они пройдут пред вами,
За парой пара — женихи, невесты,
Чтоб вас приветствовать в день торжества
И получить от вас благословенье.
Да вон они — ждут, когда час наступит.

Т е м у р

Той начинать, Биби, пора настала!

По знаку Бибиханым женихи и невесты начинают приближаться.
Звучит музыка. Поют певцы. Танцовщицы начинают грациозный танец.

День первый месяца хамал,
и в мир Навруз пришел опять.
Зима покинула наш край,
ни льда, ни снега, не сыскать.
Гляди на тысячи красот,
все вновь живет, все расцвело.
Спешит заря — еще пышней
земное лоно украшать.
Средь красок гор нет белизны,
и кажется, на склонах гор
Китая алюю парчу
весна решила разостлать.
В небесной сини птиц приют —
вон ласточка, вот лебедь, гусь!
Бобер, и белка, и лиса —
все пару начали искать.

Т е м у р
(осыпает деньгами, сладостями)

Будьте счастливы, да прожить вам до старости вместе!

Б и б и х а н ы м

Наш внук Сиди Ахмед,
Сын Умаршейха Амирзаде.

Т е м у р
(осыпает деньгами, сладостями)

Будьте счастливы, да прожить вам до старости вместе!

Б и б и х а н ы м

Наш племянник Байкара Мирза.

Т е м у р
(осыпает деньгами, сладостями)

Будьте счастливы, да прожить вам до старости вместе!

Б и б и х а н ы м

Алохазрат, как обещали вы,
Мы внучку Зубейду ему отдали.
Он — Касымбек.

Т е м у р
(осыпает деньгами, сладостями)

Будьте счастливы, да прожить вам до старости вместе!

Лишь пару отыскав,
Бывает человек спокоен, счастлив.
Возьмите с нас пример, и пусть детей
Побольше будет!

Дай-то бог!

Аминь!

Все

Аминь! Аллах акбар!

Аминь! Аминь!

Б и б и х а н ы м

Путь в Конигиль лежит для навобрачных,
Тукаль-Хоним они хотят увидеть
И сад прекрасный — Боги-Дилькушо.
Д и в а н б е г и

Чтобы поздравить нашего хазрата,
Явились гости изо всех краев.
Олампадох, из города родного,
Из Кеша — ваша прибыла родня.

Приближаются гости из Кеша, ведя в поводу скакуна
в золотой сбруе.

Т е м у р
(одному из них)

Скажи твое мне имя.

Ш а р и ф

Я Шариф.
Ваш дядя Джанузак — то мой отец.
Хожу за табуном в степи, той самой,
Где вы учились верховой езде.
Скакун вот этот с вашим Кунугланом —
Сородичи, они крылаты оба!

Т е м у р

Наш мир широк: когда б я вышел в путь
С повязкой на глазах, из дальней дали —
Все ж без ошибок дошагал до Кеша.
В земле той прах родителей моих,
Там сын мой Джахангир почил навеки —
Вчера я их могилы посетил.

От Кеша до границ Занжир Сарая —
Здесь лучшие свои провел я годы.
Когда засну, измученный в походе.
Та мирная пора мне часто снится.
Я вспоминаю скачки, козлодранье...
Тот край меня взрастил, там возмужал я,
Где б ни был я, я у него в долгу.
Гостям из Кеша подарить халаты!

Д и в а н б е г и

Властитель, ждет посол из Сарандиба.

Сарандибский посол приближается.

Т е м у р

Ты мне весьма понравился — на вид.
Скажи мне имя!

Б о р ч и к

Я зовусь Борчик.

Т е м у р (хохочет)

Так ты Борчик?

Тот, изгнанный, тот самый?
Прошу простить, я лишь о бое думал,
А ныне я тебя готов принять.
«Добро пожаловать!» — я говорю тебе.

Б о р ч и к

За то, что имя у меня без смысла,
Я получил свое, алохазрат.
Теперь не обессудьте, вас прошу.
Сегодня я подарок вам доставил —
Царя лесов дремучих Сарандиба.

Приносят клетку со львом.

Т е м у р

Царя лесов — и вдруг увидеть в клетке!
Шах Сарандиба должен быть свободным...
А господин Борчик достоин дара
Ответного — надеть ему халат!

Д и в а н б е г и

Пожаловал сюда посол Кастильский.

Т е м у р

Клавихо, мой старинный друг, ты здесь?
Скажи, сынок, здоров ли ваш король?
Ему всех благ я, как всегда, желаю.

К л а в и х о

Король мой, в свою очередь, здоровья
Желает вам и посылает в дар
Вот это...

{Протягивает альбом.}

Здесь Кастилии красоты,
Ее пейзажи, замки, города.

Т е м у р

{листает альбом}

Какой подарок редкостный!
Спасибо!

{Диванбеги.}

Почет и уважение Клавихо,
Одежду в дар — и с царского плеча.

Д и в а н б е г и

На праздник пригласили андижанцев,
Из хлопка ими сложен минарет,
А на верху его — крылатый аист.

Входят андижанцы.

Т е м у р

Я горд искусством моего народа,
Я знаю, он душой белее хлопка.
Любезность высшую им оказать!

Д и в а н б е г и

Там прибыли посланники России.

Р о с с и й с к и й п о с о л

Хазрат Темур, примите поздравленье
И с ним дары — вот золотой наш ястреб,
Чей глаз — алмаз, а также — рысья шуба.

Т е м у р

Благодарю за ястреба, надеюсь,
С туранским беркутом они друзьями станут.

(Диванбеги.)

Халат парчовый — русскому на плечи!

Д и в а н б е г и

Алохазрат, посол Китая прибыл.

К и т а й с к и й п о с о л

Привет Империи вам Подбесной!
Великий наш правитель направлял
Посланье вам.

Т е м у р

(начиная раздражаться)

Я получил. Прочел.
Ответ я сообщу при встрече, сам.

К и т а й с к и й п о с о л

Амир великий, поняли ответ.
Мы вам дары преподнести не можем,
Ведь наш правитель порученье дал:
От вас потребовать уплаты дани.

Т е м у р

Тем, кто поздравить нас на праздник прибыл
«Добро пожаловать!» — мы говорим.
Однако вот что попрошу запомнить...
Я кто - Амир Темур!

Вот моя воля:
Клянусь — не покориться никому,
Кто покорить меня мечту лелеет!
Достаточно ли ясен мой ответ?
Я различаю, где народ, где царь.
Я не ценю подарки и приветы.
Эй, ты, посол?!

Выходит, ты невежа!

П о с о л

Что мне поручено, то выполняю.

Т е м у р

(едва сдерживаясь)

Послушай, ты, посол,
я мог бы врезать
Фирман свой в твое тело и отправить
Тебя обратно...

Ладно, потерплю.
Врагом народу вашему я не был.
Конфуция ты знаешь?

П о с о л

(с удивлением)

Он — наш пир!

Т е м у р

Такого человека дал Китай?

Т е м у р

Я горд искусством моего народа,
Я знаю, он душой белее хлопка.
Любезность высшую им оказать!

Д и в а н б е г и

Там прибыли посланники России.

Р о с с и й с к и й п о с о л

Хазрат Темур, примите поздравленье
И с ним дары — вот золотой наш ястреб,
Чей глаз — алмаз, а также — рысья шуба.

Т е м у р

Благодарю за ястреба, надеюсь,
С туранским беркутом они друзьями станут.

(Диванбеги.)

Халат парчовый — русскому на плечи!

Д и в а н б е г и

Алохазрат, посол Китая прибыл.

К и т а й с к и й п о с о л

Привет Империи вам Подбесной!
Великий наш правитель направлял
Посланье вам.

Т е м у р

(начиная раздражаться)

Я получил. Прочел.
Ответ я сообщу при встрече, сам.

К и т а й с к и й п о с о л

Амир великий, поняли ответ.
Мы вам дары преподнести не можем,
Ведь наш правитель порученье дал:
От вас потребовать уплаты дани.

Т е м у р

Тем, кто поздравить нас на праздник прибыл,
«Добро пожаловать!» — мы говорим.
Однако вот что попрошу запомнить...
Я кто - Амир Темур!

Вот моя воля:

Клянусь — не покориться никому,
Кто покорить меня мечту лелеет!
Достаточно ли ясен мой ответ?
Я различаю, где народ, где царь.
Я не ценю подарки и приветы.
Эй, ты, посол?!

Выходит, ты невежа!

П о с о л

Что мне поручено, то выполняю.

Т е м у р

(едва сдерживаясь)

Послушай, ты, посол,

я мог бы врезать

Фирман свой в твое тело и отправить
Тебя обратно...

Ладно, потерплю.

Врагом народу вашему я не был.
Конфуция ты знаешь?

П о с о л

(с удивлением)

Он — наш пир!

Т е м у р

Такого человека дал Китай?

Он говорил:

«Простого олененка
Кто сбережет —
достоин быть в раю!»
Ты это знаешь?

П о с о л

Да, Амир, однако...
Правителю что должен я сказать?
Вы дайте то, что просят, — я уеду.

Т е м у р

Есть у народа нашего святой
Обычай — это уважение к гостю,
Каким бы ни был он...

Ты в Конигиль
Отправился бы лучше — к нам на праздник.
Но с этого мгновенья никуда
Из Самарканда уезжать не должен.

Китайский посол удаляется.

Б и б и х а н ы м

Как дерзко поступил глава Китая!
Свет не видал еще таких нахалов.
Алохазрат, как вы еще сдержались?

Д и в а н б е г и

Как будто бы по острию меча
Они ударить вздумали ладонью!

Т е м у р

Китайский царь от нас желает дани?
Похоже, дни безумца сочтены.

Б и б и х а н ы м

Олампанох, неужто вновь война?

Т е м у р

Тот хуже дьявола, кто непонятлив,
Они хотят, чтоб мы им покорились,
Хотят рабами сделать мусульман?
Я не хочу забрать Китая трон,
Но страны те, что им покорены,
Освободить я в этот миг решился.

Б и б и х а н ы м

Создатель, милость людям окажи,
Будь справедлив к правителям, султанам.
Супруг мой жизнь проводит на коне.
Все одному — дела, заботы, войны!
Когда ж Амир мой обретет покой?
Алохазрат, я рядом с вами буду.

Т е м у р

Нет, лучше отправляйтесь в Конигиль,
Невест и женихов на путь наставьте,
Вослед за вами к ним прибуду я.
Букаламун, ты где?

Б и б и х а н ы м и другие уходят.

Б у к а л а м у н

(внезапно появляясь)

Здесь, господин.

К услугам вашим!

Т е м у р

Ты прищури глаза,
Теперь китайцем ты в Китай поедешь.
Купи там и коней, и жеребят,
Табун располагай вблизи границы

И присмотри за ним!

Когда мы с войском
Отправимся в Китай, в поход далекий,
Замену дашь ты лошадям усталым.
Во имя Бога!

Скоро и в поход.

Б у к а л а м у н

Алохазрат, отец мой был барышник.
Конями торговал, и я с ним был.
Табунщиков я знаю с малолетства.
Они меня, надеюсь, не забыли.
Доверье ваше оправдать смогу.

Т е м у р

Ты молодец, сынок!

И пусть твой путь
Удачен будет, безопасен будет.

Б у к а л а м у н уходит.

Увы, каким меня сочтут потомки?
Страж права иль драчливый забияка?
Поймут ли — в трудную я правил пору:
Ты не убьешь — тебя убьют.

Нет мира.

Боролся я всю жизнь за справедливость,
Жаль, без войны она недостижима.
Одну ты стену мира подопрешь,
Тотчас готова рушиться другая.
Чего владыкам этим не хватает?
По званию шах, а злобен, словно раб.
К тому же, я еще уверен твердо —
Всем миром управлять один лишь должен.
А жизнь проходит, как река течет...
Китай грозит — и я всю землю должен
Избавить от опасности китайской.
Теперь мне надо в Конигиль пойти.
Пир ждет меня...

Не отстают и думы...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Мавзолей Ходжи Ахмада Ясави в Туркестане. Светает. Из дверей мавзолея выходит Амир Темур, усталый, изнуренный. Его встречает седобородый величавый старец — дервиш.

Д е р в и ш

Ассалому алейкум!

Т е м у р

Ваалейкум ассалом!

Вы первым долг приветствия воздали.
Хотя, клянусь, годами старше нас.
Кто вы, о старец, светлый, как заря?

Д е р в и ш

Дервиш я.

В здешних странствую местах.
А вас мы знаем. Вы Амир Темур.
Властитель, вы спокойно ль почивали?

Т е м у р

Не спал я.

У подножия надгробья
Читал Коран, чтоб дух свой успокоить.

Д е р в и ш

Хвала!

Вы радость обрели, конечно.
Ведь наш Ходжа на чудеса был щедрым.

Т е м у р

Перед зарей на миг сомкнулись веки,
Моим очам предстал святого облик.

Д е р в и ш

Когда один султан гость у другого,
Наверно, с ним любезен был хозяин.

Т е м у р

Вам не понять, как дорого бывает
Для полководца время.

Мне ж известно:
Упустишь миг, а после не вернешь.
А воины мои в походах дальних
Закалены довольно и сумеют
Морозы победить — как вражьи орды.

Д е р в и ш

Амир, коль ваше тело боль терзает,
Костер из саксаула вам поможет.

Т е м у р

Ведешь в поход — недопустима слабость.
Я воинам обязан быть примером,
Прощай, дервиш!

Д е р в и ш

Прощай, Амир!
Прощай!

Т е м у р

(прощаясь, пожимает руку дервишу и вдруг вскрикивает)

О Господи!

Д е р в и ш

Пусти же мою руку!

Т е м у р

Не отпущу!

Ты Хызр.

Теперь я знаю!

В твоей руке костей не ощутил.

Д е р в и ш

Оставь меня, Амир!

Тебя прошу я.

Т е м у р

Не отпущу!

Благодаренье Богу!

Прошло полвека — вновь тебя я встретил!

С в я т о й Х ы з р

Да, это так.

Я Хызр.

Чего ты хочешь?

Ты юным бы, Темур, при первой встрече.

Теперь — чего же хочешь, Джахангир?

Благоволит тебе Создатель, видно.

Полмира — вот твои владенья ныне,

Трон твой, дворцы твои, сокровищам нет счета.

Т е м у р

Все есть.

С в я т о й Х ы з р

Чего ж еще желаешь?

Проси! Но только — не продленья жизни.

Т е м у р

Создателя за все благодарю я.

Пусть проживу тот срок, что мне отпущен,

Но те вопросы, что меня терзали

Всю жизнь, в беседе я решить хотел бы

С одним лишь человеком.

Лишь с одним.

С в я т о й Х ы з р

А сколько в мире ты встречал великих,
Беседовал...

Что, неужели мало?

Т е м у р

Жаль, что во взглядах их испуг таился,
В открытую их речи не велись.

С в я т о й Х ы з р

Тогда с кем ты поговорить хотел бы?
Скажи, Темур!

Т е м у р

С Ахмадом Яссави.
Вот моя просьба — покажи Святого.

С в я т о й Х ы з р

Давно уж в мир иной ушел Учитель,
Но дух его все ж бродит по земле.
Творец, как говорят, царям защитник.
Могу ль Сахибкирану отказать?
Представь, Темур, что с этого вот мига
Я — Яссави!

Я здесь, перед тобой!

Т е м у р

Всю жизнь провел я в битвах и сраженьях
И в том, что гибли многие, повинен.
Возможно, встречу с ними на том свете,
И там они меня подстерегут...

Я с с а в и

За дело каждое, Аллаха изволеньем,
Всем будет воздано на том и этом свете.
Скажи, Темур, лил кровь ты беспричинно?

Т е м у р

Ислам я защищал, чтил справедливость,
Мир покорял, порядок утверждая.

Я с с а в и

Великую, благую цель поставив,
Не мог ее достичь без принуждения?
Завет наш первый — ограничить страсти.
Обманны, как мираж, прельщения жизни.
Кто их презрел, достигнет совершенства.
Вкуснее вкусного едавшие,
Наряды ежедень менявшие,
На тронах гордо восседавшие,
Где все вы ныне?

Под землей!

Муллы и муфтии солгавшие,
Обман усердно насаждавшие,
Добра и зла не различавшие,
Где все вы ныне?

Под землей!

Т е м у р

А если человек страстей не сдержит?
Его принудить, обязать должны мы.

Я с с а в и

Как ни прекрасна цель, к какой стремишься,
Достичь ее мечом навряд ли можно.
Познает род людской в иное время,
Что надо всем внушать добро и честность,
Усилий не страшась, внушать всемерно:
Ударишь пса — он тоже огрызнется.

Т е м у р

Я тем, кто, как собака, был прожорлив,
Кто алчен был — их пасти призахлопнул.
А вы, Святой, уйдя живым под землю,
Какие чудеса явили миру?
Что изменили в нем?

Я с с а в и

Я, просветленный,
Пришел молиться у подножья Бога.
Смиранный — стал терпения примером
И мудрость вечную дарил я людям.
От невежд убежал я, под землю ушел,
Я с утра пожеланья для щедрых нашел,
К мудрецам устремлен был я всею душой.
Мудрых здесь не найдя, я под землю ушел.

Т е м у р

Да, меж людей не видишь совершенства,
И созданы они не сплошь из света.
Вот доказательство: шайтан досель при деле!
Хотя и толпами раденья совершают,
Что толку в том?

Как скажете, Святой?

Я с с а в и

Зачем детей баюкать колыбельной?
Зачем Коран читают вслух напевно?
Вот цель — затронуть сердце Человека,
Ведь даже злых к добру склонить возможно.
Кто встретил бедняка, его не обижайте,
Злым словом бедняка отнюдь не задевайте,
Узрев бессильного, над ним не издевайтесь!
Нет в мире горше бедности — беды.

Т е м у р

Святой!

Я в душу принял вашу мудрость,
А человечеству — ее силком вбиваю.
В Китай я нынче воинов веду.
Иль разобью, иль сам разбит я буду.

Я с с а в и

Увы, опять восторжествует алчность,
И с той, и с этой стороны сильна.

Вот почему к тебе во сне пришел я
Без добрых слов — тревожил и грозил.
Вот странно, мы земли единой дети,
Все общее у нас, язык и вера,
И груз возложенных на нас забот.

Т е м у р

Вы под землей, я на земле — воюем.

Я с с а в и

Ты силою,
я — словом, убеждением.
Но я твой путь одобрить не могу.
Забудь, что на Китай идти собрался,
Вернись в места, где молодость прошла.
Там душу ты скорее успокоишь.
К походу на тот свет храни готовность.
Коней рысистых гордо оседлавшие,
Без промаха в день битвы поражавшие,
Оружием блистающим бряцавшие,
Пред смертью — беки, ханы — все равны!

Т е м у р

По справедливости признать я должен:
За жизнь свою — не только иноверцам —
Зла приносил немало и другим.
Теперь ту кровь пролитую, святую,
Языческую кровью смыть хочу.
Таков обет: покуда не покончу
С угрозою, что в тех краях таится,
Я не могу покинуть этот мир.

Я с с а в и

Вернись, Амир!

Рассудит спор судьба,
Ее решения жди ты терпеливо,
Его приблизить не старайся сам.

Т е м у р

Благодарю, Святой!

Но лучше пожелал бы
Еще одной победы.

Да, судьба...
И нищенство — судьба, и царство тоже.

Я с с а в и

Желаю долго жить тебе, Амир!
Я, раб Ходжа Ахмад, слово правды изрек,
Пусть друзьям, кто услышал, будет память, урок,
В город свой возвратившись, в тоске изнемог.
Остался я в мазаре, в Туркестане.

Я с с а в и исчезает. Темур начинает подниматься на холм, где
раскинут его шатер. Видно, что он очень устал и болен.

Т е м у р

Что это, явь иль бредил я в жару?
Дервиш, и он же — Хызр, и Яссави.
Как много тайн неведомых на свете!
Мне часто говорил отец покойный,
Что видел сны о будущем моем,
О том, что я полмира завоюю.
Беседуя, он много мне поведал
Чудесного...

Мечта была иль явь?
Пусть человек один не остается,
Хотя бы сам с собой — но говорит!

(Темур тяжело вздыхает.)

А в теле боль становится сильнее.
Душа полна предчувствием плохим.
Неужто этот мой поход — последний?
Последний мой рубеж?

Нет, быть не может!
Внимать не буду ухищреньям тела,
Мой дух несокрушим.

Стальная крепость!

Два раза меня ядом угощали,
А сколько раз мне в грудь копье вонзалось!
Однако я не умер!

Нет, не умер!

Когда же смерть придет, то в Самарканде
Отдал бы душу, средь детей и внуков.
Но что же с царством будет — без меня?
Неужто снова споры и раздоры?
Предвидеть следствия у всех деяний
Успел ли научить я сыновей?
Кипит ли у них в жилах кровь барласов?
Мирза Пирмухаммед, сын Джахангира,
Достойным ли наследником он станет?
А внук мой?

С материнской стороны
Трон Золотой Орды — его наследье...
Ему престол доверить я могу?
Эх-хе, как много на плечах забот!

Темур подходит к шатру. Его встречают военачальники,
полководцы и другие.

Мороз сегодня крепче, чем в Сибири!
Как воины мои?

Бодры ли духом?

Барлас-богатырь

О повелитель, любите вы правду,
Так вот, иные духом ослабели.
Тому причиной лютый лишь мороз.

Темур

Цирюльника сюда позвать немедля!
На этом вот холме, где ветер свищет,
У войска на глазах я буду стричься.
Пускай увидят все: не страшен холод
Темуру и бойцам его отважным.
Победы сладость изопьем мы, даже
В лесах Урусии, просвистанных метелью.

(Приходит цирюльник. Темура обращается к нему.)

Приятель, эй, здоров, благополучен?
С тобою мы полмира прошагали...
Над головой немало лет промчалось.
Взгляни, два-три найдется волоска,
Чтобы тебя порадовать, приятель?

Ц и р ю л ь н и к
(приступает к работе)

В расцвете сил наш повелитель.
Волос,
Как у подростка, — черный и густой.

Т е м у р

Благодарю тебя на добром слове,
Ты сердце успокоить мне хотел.
Те черные заботы, что возрастают
На голове моей, —
лишь ты срезаешь.
Тебя увидев, думаю порой:
Цирюльники и шахи — как похожи!
Но шахи бреют круглый шар земной.

Ц и р ю л ь н и к

Властитель, вы чрезмерные усы
Побрив, ее красою одарили —
Ту голову, что названа землей.

Т е м у р

И все же без забот не обойтись...
Да, в царстве шахи — бедняков опора,
А шаху на кого же опереться?
Не в состоянии помочь бессильный сын.
С кем разделить беду, кому поведать?
А если он в правлении допустит
Какое-то неправое деянье,
Так что же, самому себя и вздернуть
На виселице, пред лицом народа?

А если те советники, которых
Он выбрал сам, окажутся плохими,
Как быть?

Кого винить в изъяне этом?
Когда вонзается колючка в пятку,
С досады что ж — все потравить посеvy?
Вы ночью спите, протянувши ноги,
А шаху совесть не дает уснуть.
Цирюльник, эй, кончай же свое дело,
Вдруг в голову мою вступила боль.

Ц и р ю л ь н и к

Хотел предостеречь я: не годится
В такой вот холод волосы снимать.
Перечить воле вашей — кто ж посмеет?
Готово!

Т е м у р

Вот бы мне дела закончить!
(Есаулу.)

Бибиханым пусть выйдет из шатра,
А также позови Пирмухаммеда
И Улугбека, вместе пусть придут.
(Военачальникам.)

Вы, верные воители мои,
Послушайте меня и не пугайтесь!
Надеюсь, сохраните вы согласие
И верность царству будете блюсти,
Когда меня средь вас уже не будет.

В о е н а ч а л ь н и к и

Опора царства — вы, о покровитель мира!
Вам слуги ваши вечно жить желают!

Т е м у р

Вон два Мирзы и с ними Малика,
Как две звезды, ведомые луною.

Б и б и х а н ы м

О господин, вы звали...

Т е м у р

Да, побеспокоил
Из-за того, что беспокоюсь тоже.

Б и б и х а н ы м

В чем беспокойство?
По какой причине?
Мой господин, я вижу, вы устали...

Т е м у р

За каплей капля — собирались мысли,
Сейчас хочу излить их перед вами.
Ты, Улугбек Мирза, ко мне, поближе.

М и р з а У л у г б е к

Мой господин!

Т е м у р

Не господин, а дед твой!
Скажи-ка: «Дедушка!»
Тебя люблю я.
Ты добр и полон сил,
мой внук любимый.
Я знаю, как ты увлечен наукой,
И звезд язык понять, наверно, сможешь.
Мечтал я,
что придет такое время —
Из рода моего ученый выйдет,
Такой, что овладеет тайной неба.
Дай Бог,
чтоб звезды с ним вели беседы
И вести ему добрые несли.
И в миг такой не упusti из виду
Мою звезду, о внук мой Улугбек!
Взирать с небесного портала буду
Я с гордостью — за каждого из вас!

Б и б и х а н ы м

Властитель, для чего завет столь горький?
Такие речи сердце мое рвут.

Т е м у р

Никто из нас не вечен в этом мире,
Родился если — значит, и умрет.
Был Искандеру верен мир сей бранный?
Иль Чингизхану верность он хранил?
Все существо мое объято болью,
До глубины мозгов она достала,
И вечер жизни четко уже виден.

Б и б и х а н ы м
(военачальникам)

Скорее! Лекаря сюда зовите!

Т е м у р

Бибиханым, не надо, не спеши.
Со снадобьями лекари успеют.
Я тоже тороплюсь.
Успеть мне надо
Все высказать, что на сердце лежит.

Б и б и х а н ы м

Не говорите так, о государь мой!

Мирза Улугбек,
Мирза Пирмухаммед

Дед, дедушка!

В о е н а ч а л ь н и к и

О мира покровитель!
Аллах вас сбережет, вы наше солнце!

Т е м у р

Не время для словес высокопарных,
К моим речам вы будьте чутки, дети.
Моей души в полет готова птица,
И потому не лейте слезы зря!

(Бибиханым начинает тихо плакать.)

Свет моих глаз и спутница по жизни,
С тобой был счастлив я тысячекратно.
Не надо плакать!

Скоро я уйду, —

Тогда ты властвуй, словно мать, заботясь
О царстве,

о сынах,

о моих внуках.

Хоть столько замыслов не воплотилось,
Но жизнью своей бурной я доволен.
Великое я создал государство.
Благодаренье Богу за него.
Смотрите, вам его я оставляю.
Из рук тиранов беспощадных вырвал
Я притесняемых и угнетенных.
Я защитил учение суфиев,
Я был врагом безбожья и насилия.
Для ран народа вы лекарством будьте.
Пусть богачи не притесняют бедных.
Вы лицемерьем брезгуйте вседневно,
Предательства всегда остерегайтесь
И никогда не ссорьтесь меж собой.
Да, люди многое терпеть готовы,
Но если справедливость попирают,
Терпению людей придет конец.
Свобода, справедливость — вот святыни.
Пусть разум вам сопутствует и опыт,
На подстрекательства не поддавайтесь.
Коль будете верны моим наказам,
По божьей воле беды вас минуют.
Наследником престола Джахангира
Пирмухаммеда объявляю я.
Трон Самарканда он займет отныне.

Он правит — все ему подчинено.
Готовые помочь и поддержать,
Вы, прочие, ему опорой будьте,
Покуда мир и цел, и невредим.
Вы ж, полководцы верные мои,
Наследнику свою явите верность.

П о л к о в о д ц ы , в о е н а ч а л ь н и к и
(плана)

Указ Сахибкирана — нам закон,
В слезах мы говорим:
«Амины! Да будет
Во имя Бога, будет так, аминь!»

Т е м у р

Среди боев все ж время отыскал я,
Чтоб изложить свои установленья.
Назвал их «Уложение».

Надеюсь,
Что в будущем все это пригодится
И государству, и моим потомкам.

*(Достает из-за пазухи книгу «Уложение»,
протягивает ее Мирзе Пирмухаммеду.)*

Престол, как я, надолго сохраните
И не спешите обнажать мечи.
О соколы мои, единодушны будьте!
Пусть в жизни справедливость вас ведет.
Народ и Родину оберегайте —
Вот первый и главнейший мой завет.

К а с ы м б е к
(плана)

Не покидайте нас, властитель мира!
Олампадох, не покидайте нас!

Т е м у р

Ты, Касымбек, зачем же так рыдаешь?
Сверх сказанного мною в Анкаре
Я внучку Зубейду тебе ведь отдал!

Б а р л а с - б о г а т ы р ь

Властитель мира, лекари вас ждут.

Т е м у р

Теперь уж поздно.
Я в шатер направлюсь.
Когда отсюда возвращусь?
Бог весть.

Б и б и х а н ы м
(громко рыдая)

Властитель, я навек останусь с вами!

Т е м у р, за ним Б и б и х а н ы м заходят в шатер.

Б а р л а с - б о г а т ы р ь

Пред нами жизнь великая утасла,
Но свет ее вовеки не померкнет.
Богатыри! Вставайте!
За Темура!
За Родины свободу!
За народ!

З а н а в е с

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

- Абдуматиф* — сын Улугбека, убивший своего отца.
- Айим* — женщина из аристократического рода или богатой семьи (прибавляется к имени собственному при почтительном обращении).
- Аллах акбар!* — Аллах велик!
- Алохазрат* — величество, светлость, высочество (титул, прибавляется к имени монархов, повелителей).
- Аминь!* — Да будет так! (возглас при окончании молитвы, после произнесения слов пожелания, благословения).
- Амир* — эмир, повелитель, правитель.
- Ассалом(у) алейкум!* — Здравствуйте! {*букв*, мир над вами}.
- Астрабад* — город в Иране.
- Ахмад Яссави* — поэт и религиозный проповедник (ок 1105 — 1166).
- Багридаг* — селение близ Самарканда (*букв*, скорбное сердце).
- Баях* — провинция Хорасана (ныне — Северного Афганистана).
- Барлас* — название одного из четырех узбекских родов, игравших большую роль при Темуре и темурвдах; выходец из этого рода.
- Батыр* — богатырь, удалец.
- Бахадыр* — храбрец, богатырь.
- Баязет* — турецкий султан (1389 — 1402).
- Бейт* — стих, состоящий из двух полустихий.
- Бибиайим* — старшая жена в гареме.
- Бибиханым* — жена Амира Темура.
- Букаламун* — *букв*, хамелеон.
- Бурса* — город в Турции.
- Ваалейкум ассалом!* — Здравствуйте! (*букв*, и над вами мир), ответное приветствие.
- Вилоят* — область.
- Дастан* — поэма, сказание.
- Диван* — Государственный совет.

- Диванбеги* — член Государственного совета.
- Дервиш* — странник, скиталец, отшельник.
- Дурмень* — пригород Ташкента, знаменитый своими садами.
- Иссирик* — гармала, растение, употребляемое для религиозного окуривания и против сглаза.
- Искандер Великий* — Александр Македонский (356 — 323 гг. до н.э.)
- Итолмас* — никудышный человек (*букв.*, не нужный даже собаке).
- Кербала* — древний город на территории современного Ирана.
- Кеш* — Шахрисабз.
- Клавихо* — Руи Гонсалес де Клавихо, посол короля Кастилии (Испании) Генриха III при дворе Амира Темура, написавший дневник своего путешествия «История великого Тамерлана».
- Конигиль* — местность близ Самарканда.
- Коран* — священная книга мусульман — записи речей и повеледей пророка Мухаммеда.
- Малика* — принцесса.
- Махалля* — район города.
- Махмуд Газневи* — султан, основатель династии газневидов тюркского происхождения (998 — 1030) со столицей в Газне (Афганистан).
- Меджнун* — герой поэм Низами, Навои, Физули, символ одержимого влюбленного.
- Медресе* — духовное мусульманское училище.
- Мекка* — город на Аравийском полуострове, религиозный центр ислама, место паломничества.
- Мухаммед (Магомет)* (570 — 632) — пророк, основатель мусульманской религии — ислама.
- Нафтандоз* — приспособление для метания в противника сосудов с горячей нефтью.
- Олампанох* — владыка мира, шах всей земли.
- Пайса* — мера веса.
- Пир* — духовный наставник, глава религиозной общины.
- Рабгузи* — хорезмийский поэт конца XIII — начала XIV века, автор дидактической книги «Повесть о пророках».
- Рубаб* — национальный щипковый струнный инструмент.
- Рубай* — четверостишие, в котором рифмуются первая, вторая и четвертая строки.

Рум — так именовалась Византия, иногда — вся Малая Азия, а также и просто Запад.

Сажистан (Сеистан) — область на юге Ирана.

Сарандиб — древнее название Цейлона (ныне — Шри Ланки).

Сахибкиран — властелин, покоритель мира.

Суфий — последователь суфизма — мистической философии ислама, возникшей в IX веке.

Табиб — лекарь, врач, целитель.

Таксыр — господин.

Той — пиршество, празднество.

Томирис — царица массагетов, среднеазиатских кочевников; согласно Геродоту, в 530 гдо н.э.победила древнеперсидского царя Кира.

Тохтамыш — хан Золотой Орды, потерпевший поражение в войне с Темуром.

Туран — древнее название территории к северу от Ирана, населенной тюркоязычными народами (позднее — Туркестан).

Улугбек — Мухаммед Тарагай Улугбек (1394 — 1449), внук Амира Темура, правитель Самарканда, выдающийся астроном и математик.

Улус — область, название большого государственного образования Средней Азии.

Урусия — Россия.

Фархад — герой поэм Низами, Навои, Амира Хосрова, во имя любви сокрушивший скалы, чтобы проложить путь воде.

Фирдоуси — Абулькасым Фирдоуси (934 — 1025), ирано-таджикский поэт, автор поэмы «Шахнаме».

Фирман — указ.

Хазрат — святой; почтительное обращение к лицам духовного звания или к власти имущим.

Хаким — так на Востоке почтительно называли большого ученого.

Хамадан — город в Иране.

Хамал — месяц иранского солнечного календаря (21 марта — 20 апреля).

Хафиз — Хафиз Ширази (1325 — 1389), выдающийся таджикско-персидский поэт-лирик.

Хиндустан — Индия.

Хотин — старшая из жен.

Хутталян — область в предгорьях Памира.

Хызр — чудотворец, хранитель подземного источника живой воды, из которого он якобы сам однажды испил, обрета бессмертие. Почитается мусульманами как покровитель путников пустыни и растений.

Чарык — обувь из сыромятной кожи.

Чыгатайский улус — область Великого Турана.

Чилим — курительная трубка.

Чингизхан — основатель единого монгольского государства, полководец, завоеватель (ок. 1155 — 1227).

Чингизид — выходец из рода Чингизхана.

Шайтан — дьявол, сатана, черт.

Шейхзаде — Максуд Шейхзаде (1908 — 1967), узбекский поэт и писатель.

Шам — Сирия.

Шахрух — сын Амира Темура, отец Улугбека.

Шаш — древнее название Ташкента, включая прилегающую область.

Шейх — глава мусульманской религиозной общины, школы.

СОДЕРЖАНИЕ

«Жизнь моя — Поэзия!». *Д. Бегимкулов*..... 5

Стихотворения

Планета- мать. <i>Перевод Н.Гребнева...*</i>	22
Ветер моего края. <i>Перевод А.Файнберга</i>	23
Весна. <i>Перевод А.Файнберга</i>	24
Послание к поколениям. <i>Перевод В.Цыбина</i>	29
Родному языку. <i>Перевод А.Файнберга</i>	32
«Толкуют о стихах...» <i>Перевод Н.Гребнева</i>	32
Поэт. <i>Перевод Н.Гребнева</i>	33
У памятника Пушкину. <i>Перевод А.Файнберга</i>	33
Сон. <i>Яеревод А.Преловского</i>	35
Слушая «Муноджат». <i>Перевод А.Наумова</i>	36
Жизнь моя, Поэзия. <i>Перевод А.Чайковской</i>	36
Осень в Узбекистане <i>Перевод И.Шкляревского</i>	39
«Что наша плоть...» <i>Перевод А.Файнберга</i>	40
Люди. <i>Перевод Н.Гребнева</i>	40
«Благословенно прожитое мной...» <i>Перевод Н.Гребнева</i>	41
«Проснись скорей...» <i>Перевод Н.Гребнева</i>	41
Золотая рыбка. <i>Перевод А.Файнберга</i>	41
Бескрайность. <i>Перевод Н.Гребнева</i>	42
«В раннем детстве всего я боялся...» <i>Перевод А. Прел овс кого</i>	42
Одиночество. <i>Яеревод О.Преловского</i>	42
Осенние думы. <i>Перевод ОДмитриева</i>	43
«Человек — вершина мироздания...» <i>Перевод Н.Гребнева</i>	45
Камыш. <i>Перевод Н.Гребнева</i>	45
«Кого-то мы обидели беспечно...» <i>Перевод Н.Гребнева</i>	46

«Жизнь коротка, а молодость короче...» <i>Перевод</i> Н.Гребнева...	46
«Обрамлены, висят портреты в ряд...» <i>Перевод</i> Н.Гребнева.....	47
«Мой верный друг, давай наполним чаши...» <i>Перевод</i> Н.Гребнева.....	47
«В долину туман опускается длинно...» <i>Перевод</i> А.Чайковской.	47
«Дни бегут за мигом миг...» <i>Перевод</i> А.Чайковской.....	47
«В огне грозы иль под горящим кровом...» <i>Перевод</i> Я.Гребнева	48
«В апреле осень, грусть такая...» <i>Перевод</i> А.Файнберга.....	48
«Давно я не бывал в родном селенье...» <i>Перевод</i> Н.Гребнева...	48
Осенний пейзаж. <i>Перевод</i> Н.Гребнева.....	49
«Захотелось мне, мама...» <i>Перевод</i> И.Шкляревского.....	49
Мать. <i>Перевод</i> Н.Гребнева.....	50
«Дай свирель мне в дрожащие руки...» <i>Перевод</i> А.Преловского..	50
Хочу воспеть тебя. ЯереяодА.Преловского.....	51
«Прощай, прощай...» <i>Перевод</i> Х.Маматовой.....	52
Жажда весны. <i>Перевод</i> А.Чайковской.....	52
Стихи матери. Яе/?e#одА.Преловского.....	53
Первая моя любовь. <i>Перевод</i> С.Иванова.....	56
«Быть может, от земли своей родимой...» <i>Перевод</i> Н.Гребнева.....	57
«Гром гремел, и буря бушевала...» <i>Перевод</i> Н.Гребнева.....	58
«Я ждал ее, и вот весна запела...» <i>Перевод</i> Н.Гребнева.....	58
«Мешает двум влюбленным третий...» <i>Перевод</i> Н.Красильникова.....	58
«Со мною ты — и мир напоен красотой...» <i>Перевод</i> Н. Красильникова.....	59
«Я пламя солнц стерпеть готов...» <i>Перевод</i> Н.Красильникова..	60
«Ты бурной страсти Пушкина звезда...» <i>Перевод</i> Н.Красильникова..	60
«Теперь, когда прошло так много лет...» <i>Перевод</i> Н.Гребнева..	60
«Когда, краев изъездив много...» <i>Перевод</i> Н.Гребнева.....	61
Письмо. ЯереяодА.Преловского.....	61

«Не вызывай в душе печаль ушедших дней...» <i>Перевод</i> О Дмитриева.....	62
О главном. <i>Перевод</i> Н.Стрижкова.....	62
Память. <i>Перевод</i> Н.Гребнева.....	63
«Ты плакала, ты мой ловила взгляд...» <i>Перевод</i> Н.Гребнева....	64
«В весенний день — осеннее ненастье...» <i>Перевод</i> О.Дмитриева....	64
Ты по весне не заскучала? <i>Перевод</i> О.Дмитриева.....	64
Облако. <i>Яревод</i> Н.Гребнева.....	65
Мир земной. <i>Перевод</i> А.Преловского.....	66
«Ветра осенние завывли в тишине...» <i>Перевод</i> А.Преловского....	67
«Позовет меня дорога...» <i>Перевод</i> А.Преловского.....	67
«То громче о любви он пел, то тише...» <i>Перевод</i> Я.Гребнева..	68
Человек нашего века. <i>Перевод</i> А.Преловского.....	69
Телефонная книга. <i>Перевод</i> А.Файнберга.....	70
Карагач. <i>Перевод</i> А.Файнберга.....	71
Старый чарык. <i>Яревод</i> А. Фай нберга.....	71
Две крысы. <i>Яревод</i> А-Файнберга.....	71
Справедливость. <i>Перевод</i> А.Файнберга.....	72

Четверостишия

Перевод А.Файнберга

«Ты жалостью своей не унижай поэта...».....	72
«В единообразии мир был бы пресен...».....	72
«По свету разошлись мои стихотворенья...».....	72
«Когда-то он мудрых не слушал советов...».....	72
«Слова их — ложь, коварство — их прикрьте...».....	73
«Правдивому будь другом неизменно...».....	73
«Твои старанья, юноша, пусты...».....	73
Толпа. <i>Перевод</i> А.Файнберга.....	73
Не смейтесь. <i>Перевод</i> А.Файнберга.....	74
Тоска. <i>Яревод</i> А.Файнберга.....	74

Баллада о неспешности. <i>Перевод А.Файнберга</i>	74
Совершенство. <i>Перевод А.Файнберга</i>	75
Пожелание отца. <i>Перевод А.Файнберга</i>	76
Улетающие птицы. <i>Перевод А.Файнберга</i>	76
Преданный. <i>Перевод А.Файнберга</i>	76
«Еще впереди все счастливые дни...» <i>Перевод Р.Фархади</i>	77
«Мой кишлак ладонью древних гор...» <i>Перевод Р.Фархади</i>	77
Высшее благо. <i>Перевод Р.Фархади</i>	78
Гора Арофат. <i>Перевод Р.Фархади</i>	79
«В мире высится много руин вековых...» <i>Перевод Р.Фархади</i> ...	80
Пожеланье мое. <i>Перевод Р.Фархади</i>	80
Откуда знаешь ты? <i>Перевод Р.Фархади</i>	80
Сердце человека. <i>Перевод Р.Фархади</i>	81
Пожелание. <i>Перевод Р.Фархади</i>	81
Птицы — годы. <i>Перевод Р.Фархади</i>	82
«На белом свете мудрость есть одна...» <i>Перевод Р.Фархади</i>	82
Авиценна и смерть. Поэма. <i>Перевод Р.Казаковой</i>	83
Дорога в рай. Драматическая поэма. <i>Перевод. Цыбина</i> __	103
Сахибкиран. Драматическая поэма. <i>Перевод З.Тумановой</i>	149
Пояснительный словарь.....	256

Литературно-художественное издание

Абдулла Арипов

БЛАГОСЛОВЕННО ПРОЖИТОЕ МНОЙ

Избранное

Стихотворения,

поэма,

драматические поэмы

Переводы с узбекского

Редактор *Л.А.Казакова*

Художник *Н.И.Пирогов*

Художественный редактор *Л.Л.Бобров*

Технический редактор *Т.И.Смирнова*

Компьютерный набор и верстка *З.Т.Лхмедовой, С.Л.Рахмедовой*

ИБ № 3915

Подписано в печать 20.05.2003. Формат 84x108 1/32. Гарнитура Тайме. Печать офсетная. Усл.печ.л. 16,5. Уч.- издл. 12,6. Тираж 1000. Заказ № 9969. Цена договорная. Договор № 134—2000.

Издательско-полиграфический творческий дом имени Гафура Гуляма Узбекского агентства по печати и информации. 700129, Ташкент, ул.Навои, 30. // 700169, Ташкент, улица Усмана Юсупова, .86.

Отпечатано на Ташполиграфкомбинате Узбекского агентства по печати и информации. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Дорогой Абдулла!

Не верится, что тебе 60. Помню, как мы с Кайсыном (Кулиевым) на Всесоюзном семинаре молодых писателей благословляли твой путь.

Помню, как вручили тебе "Божественную комедию" гениального Данте, и твой талант позволил прибавить к именам Джамии и Алишера Навои великого итальянца.

И ты сделал это!

И стсы великим поэтом!

Я знаю, что Ислам Каримов, как отец народов Узбекистана, заботится о литературе, искусстве, культуре.

Желаю тебе, дорогой мой Абдулла, долгой жизни на счастье всем народам земли.

Обнимаю, целую.

Давид Кугультинов,
народный поэт Калмыкии

Уважаемый Абдулла Арипович!

региональное представительство международной федерации производителей фонограмм по России и СНГ поздравляет Вас с юбилеем — 60-летием со дня рождения.

Желаем Вам крепкого здоровья, семейного благополучия, хорошего настроения и успехов в благородном деле охраны прав интеллектуальной собственности/

Выражаем Вам признательность за работу и плодотворное сотрудничество, большой вклад в дело становления цивилизованного музыкального рынка в Узбекистане.

С уважением и наилучшими пожеланиями
Коллектив Московского офиса IFPI